

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Отделение историко-филологических наук

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Журнал основан в январе 1952 года

Выходит 6 раз в год

1

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

Москва

2021

Главный редактор:

В. А. Плунгян

д. ф. н., проф., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора:

Н. Б. Вахтин

д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Европейский университет в Санкт-Петербурге; Институт лингвистических исследований РАН

В. И. Подлесская

д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

Редколлегия:

В. М. Алпатов

д. ф. н., проф., академик РАН, Институт языкознания РАН

Ю. Д. Апресян

д. ф. н., проф., академик РАН, Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

И. М. Богуславский

д. ф. н., проф., Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Мадридский политехнический университет, Испания

М. Д. Воейкова

д. ф. н., Институт лингвистических исследований РАН

Т. В. Гамкелидзе

д. ф. н., академик РАН, Тбилисский университет, Грузия

В. З. Демьянков

д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН

Д. О. Добровольский

д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

В. А. Дыбо

д. ф. н., академик РАН, Институт славяноведения РАН

А. Ф. Журавлёв

д. ф. н., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

П. В. Иосад

Ph.D., Эдинбургский университет, Великобритания

Н. Н. Казанский

д. ф. н., проф., академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН

В. И. Киммельман

Ph.D., Бергенский университет, Норвегия

Г. И. Кустова

д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

А. М. Молдован

д. ф. н., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

М. С. Полинская

Ph.D., проф., Мэрилендский университет, США

Е. В. Рахилина

д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Я. Г. Тестелец

д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет; Институт языкознания РАН

Л. А. Янда

Ph.D., проф., Университет Тромсё — Норвежский арктический университет, Норвегия

Зав. редакцией: Н. В. Ганнус**Зав. отделами:** Л. С. Козлов, А. С. Кулева**Отдел рецензий:** А. В. Кухто

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; EBSCOhost MLA International Bibliography Modern Language Association; Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts (Online); ProQuest Linguistics Collection; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest Social Science Premium Collection; Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»

Телефон: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ruСайт: <http://vja.ruslang.ru>

ISSN 0373-658X

© Российская академия наук, 2021

© Составление. Редколлегия журнала «Вопросы языкознания», 2021

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Department of History and Philology

VOPROSY
JAZYKOZNANIJA
(TOPICS IN THE STUDY OF LANGUAGE)

Founded in January 1952
6 issues per year

1
JANUARY — FEBRUARY

Moscow
2021

Editor-in-chief:

Vladimir A. PLUNGIAN Vinogradov Russian Language Institute (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Assistant editors:

Vera I. PODLESSKAYA Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
 Nikolai B. VAKHTIN European University at St. Petersburg; Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Editorial board:

Vladimir M. ALPATOV Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Yury D. APRESJAN Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS); Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Igor M. BOGUSLAVSKY Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow, Russia; Universidad Politécnica de Madrid, Spain
 Valery Z. DEMYANKOV Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Dmitriy O. DOBROVOL'SKIY Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Vladimir A. DYBO Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia
 Tamaz V. GAMKRELIDZE University of Tbilisi, Georgia
 Pavel IOSAD University of Edinburgh / Oilthigh Dhùn Èideann, UK
 Laura A. JANDA Universitetet i Tromsø: Norges arktiske universitet, Tromsø, Norway
 Nikolai N. KAZANSKY Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
 Vadim KIMMELMAN University of Bergen, Norway
 Galina I. KUSTOVA Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Aleksandr M. MOLDOVAN Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Maria POLINSKY University of Maryland, College Park, USA
 Ekaterina V. RAKHILINA National Research University Higher School of Economics; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Yakov G. TESTELETS Russian State University for the Humanities; Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Maria D. VOEIKOVA Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
 Anatoly F. ZHURAVLEV Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: Natalia V. GANNUS

Editorial staff: Lev S. KOZLOV, Anna S. KULEVA

Review editor: Anton V. KUKHTO

Articles are selected by the editorial board on the basis of anonymous double-blind independent peer review process.

Abstracting/Indexing: Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; EBSCOhost MLA International Bibliography Modern Language Association; Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts (Online); ProQuest Linguistics Collection; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest Social Science Premium Collection; Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs); Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Address: "Voprosy Jazykoznanija", editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Website: <http://vja.ruslang.ru>

ISSN 0373-658X

Содержание

М. HASPELMATH. Bound forms, welded forms, and affixes: Basic concepts for morphological comparison	7
И. М. БОГУСЛАВСКИЙ. Семантический анализ с опорой на умозаключения в функциональной модели языка	29
Л. Н. ИОРДАНСКАЯ, И. А. МЕЛЬЧУК. Оба — уникальное слово русского языка	57
М. А. БОБРИК. Механизмы прагматикализации в истории русской формулы прощания <i>счастливо!</i>	70
С. Ю. ДМИТРЕНКО. Причинный союз <i>that</i> в кхмерском языке: заметки об истории и особенностях функционирования	84

Из истории науки

Б. М. ГАСПАРОВ. Марр и Соссюр: сто лет спустя	104
С. Т. ЗОЛЯН. Как примирить Лумана с Соссюром: принцип внутрисистемной дифференциации как основа неструктуралистского подхода	121

Рецензии

Т. Б. АГРАНАТ. [Рец. на:] Р. Kehayov. <i>The fate of mood and modality in language death. Evidence from minor Finnic</i> . Berlin: De Gruyter Mouton, 2017	142
А. Н. СОБОЛЕВ. [Рец. на:] N. Palliwoda, V. Sauer, S. Sauermilch (Hg.). <i>Politische Grenzen — sprachliche Grenzen? Dialektgeographische und wahrnehmungsdialektologische Perspektiven im deutschsprachigen Raum</i> . [Политические границы — языковые границы? Перспективы лингвогеографии и диалектологии восприятия в немецкоязычном пространстве]. Berlin: Walter de Gruyter, 2019	147
Д. В. ГЕРАСИМОВ. [Рец. на:] B. Estigarribia, J. Pinta (eds.). <i>Guarani linguistics in the 21st century</i> . Leiden; Boston: Brill, 2017	155

Contents

Martin HASPELMATH. Bound forms, welded forms, and affixes: Basic concepts for morphological comparison	7
Igor M. BOGUSLAVSKY. Semantic analysis supported by inference in a functional model of language	29
Lidija N. IORDANSKAJA, Igor A. MEL'ČUK. OBA 'both', a unique Russian word	57
Marina A. BOBRIK. Pragmaticalization mechanisms in the history of the Russian farewell formula <i>sčastlivo!</i>	70
Sergei Yu. DMITRENKO. Causal conjunction <i>tbət</i> in Cambodian: Notes on the history and functional properties	84

Heritage

Boris M. GASPAROV. Marr and Saussure: A hundred years later	104
Suren T. ZOLYAN. How to reconcile Luhmann with Saussure: The principle of intrasystemic differentiation as a basis for a neo-structuralist approach	121

Reviews

Tatiana B. AGRANAT. [Review of:] P. Kehayov. <i>The fate of mood and modality in language death. Evidence from minor Finnic</i> . Berlin: De Gruyter Mouton, 2017	142
Andrey N. SOBOLEV. [Review of:] N. Palliwoda, V. Sauer, S. Sauermilch (Hg.). <i>Politische Grenzen — sprachliche Grenzen? Dialektgeographische und wahrnehmungsdiagnostische Perspektiven im deutschsprachigen Raum</i> . Berlin: Walter de Gruyter, 2019	147
Dmitry V. GERASIMOV. [Review of:] B. Estigarribia, J. Pinta (eds.). <i>Guarani linguistics in the 21st century</i> . Leiden; Boston: Brill, 2017	155

Bound forms, welded forms, and affixes: Basic concepts for morphological comparison

© 2021

Martin Haspelmath

Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Leipzig, Germany;
Leipzig University, Leipzig, Germany; martin_haspelmath@eva.mpg.de

Abstract: This paper proposes definitions of three terms that can potentially be used in answering key questions of general morphology and syntax: *bound form*, *welded form*, and *affix*. The term *affix* is sometimes thought to involve phonological “fusion” of some kind, but I propose that it is best defined as a bound non-root that cannot occur on roots of different classes. A *bound form* (or non-autonomous form) is generally defined as a form that does not occur on its own (thus, its definition makes no reference to phonology). As a term for a bound form that shows phonological interactions with its host, I propose the new term *welded form*. I discuss the ways in which these terms may (or may not) help us justify the syntax-morphology subdivision, and the ways in which these terms may perhaps be the basis for justifying speculative classifications such as the well-known isolating, agglutinative and fleective types.

Keywords: affix, agglutination, alternations, morpheme, morphology, wordhood

Acknowledgements: I have discussed the issues of this paper with many colleagues over the years, but I would like to single out Matthew Dryer, David Gil, Chao Li, Östen Dahl, and Harald Hammarström for making particularly useful contributions to my thinking. I also thank two anonymous reviewers for *Voprosy Jazykoznanija* that made extremely good comments which helped me improve the paper. The support of the European Research Council (ERC Advanced Grant 670985, Grammatical Universals) is gratefully acknowledged.

For citation: Haspelmath M. Bound forms, welded forms, and affixes: Basic concepts for morphological comparison. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 1: 7–28.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.1.7-28

Связанные формы, спаянные формы и аффиксы: Базовые понятия для морфологического сопоставления

Мартин Хаспельмат

Институт эволюционной антропологии Макса Планка, Лейпциг, Германия;
Лейпцигский университет, Лейпциг, Германия; martin_haspelmath@eva.mpg.de

Аннотация: В статье предлагаются определения для трех понятий, которые, предположительно, могут быть использованы в решении ключевых вопросов общей морфологии и синтаксиса: *связанная форма*, *спаянная форма* и *аффикс*. Иногда считается, что понятие *аффикса* подразумевает некую фонологическую «фузию», но я предлагаю определять его просто как связанную морфему, не являющийся корнем и сочетающийся с корнями только одного класса. *Связанная* (или *неавтономная*) *форма* определяется как форма, не употребляющаяся изолированно (таким образом, и ее определение не опирается на фонологию). Для связанной формы, фонологически взаимодействующей с опорным элементом, я предлагаю новый термин *спаянная форма* (*welded form*). Я рассматриваю вопрос о том, как эти понятия могут пригодиться (или не пригодиться)

для того, чтобы эмпирически обосновать разграничение морфологии и синтаксиса, а также умозрительные классификации типа известного деления языков на изолирующие, агглютинативные и флективные.

Ключевые слова: агглютинация, аффикс, морфема, морфология, слово, чередования

Для цитирования: Haspelmath M. Bound forms, welded forms, and affixes: Basic concepts for morphological comparison. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 1: 7–28.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.1.7-28

1. Introduction: Three definitions and five principles

In this paper, I propose and discuss the following definitions of three important concepts that we need for comparing languages in terms of their morphosyntactic properties.

(1) **bound form** (§4)

A bound form is a form that cannot occur on its own.

(2) **welded form** (§5)

A welded form is a bound form which has shape variants phonologically conditioned by its host, or which phonologically conditions shape variants of its host.

(3) **affix** (§6)

An affix is a bound morph that is not a root, that must occur on a root, and that cannot occur on roots of different root classes.

Morphological typology is an area where traditional stereotypes abound, so it is particularly important to be critical of our traditional terminology. Plungian [2000: 81] hints at the problematic nature of two traditional terms when he says in his discussion of the terms *root* and *affix*: “I do not know a single effective definition of *root* and *affix*”.

The present discussion will be based on the following five principles for good general terminology of linguistics (note that I am talking about general terms for general linguistics, not about terms for particular phenomena in particular languages).

(4) A. All terms intended for technical use should be clearly defined on the basis of other well-defined terms, or on the basis of widely understood (quasi-)primitive terms.

B. Frequently used terms should be defined in a simple way, so that first-year students of linguistics can be expected to understand and remember the definitions.

C. The range of application of the definition of a widely used term should not deviate substantially from its traditional range of application.

D. General concepts are comparative concepts (defined in the same way for all languages), because each language has its own building blocks.

E. A term's general definition is a comparative definition and thus need not cover the entire domain of what a corresponding language-particular category covers. In other words, shared-core definitions of general terms (§7) are fully acceptable.

Before discussing the three definitions in (1)–(3) further (below in §§4–6), I will briefly review some reasons for the need for clear definitions (§2) and I will remind readers of the shaky basis for some of the stereotypical terms of traditional “morphological typology” (§3).

2. Why we need clear definitions

The need for clear definitions of technical scientific terms would seem to be completely uncontroversial, but in actual fact, linguists do not spend much energy on providing clearly defined technical terms. Our scholarly associations do not have terminology committees, and my personal experience shows that many colleagues are not really interested in questions of terminology (although they will admit in private that our terminology is often unclear). Terminological questions are often seen as inextricably linked to substantive questions, and as long as we do not make progress on these, these colleagues do not find terminological clarity urgent.

But without clear terms, we will not be able to tell each other about whatever progress we make on substantive questions, because we will not understand each other. So we must separate our terminology from substantive questions. The latter may prove intractable for a long time to come, but terminological issues are easier to make progress on, as I would like to show here. I will discuss the three definitions in (1)–(3) and explain some of their ingredients (so that they comply with principle A), and I hope that it will become clear that the definitions of the frequently used terms *bound form* and *affix* also comply with the principles B and C.

In the domain of morphology, which has been the subject of linguists' descriptions for hundreds of years, a particular problem that is not widely recognized is the existence of powerful traditional stereotypes. It would seem obvious that a science cannot make progress without ridding itself of stereotypes, but linguists have been slow to recognize these in their ways of talking about the structure of “words”. We have usually taken the existence of “words” for granted, and we have traditionally treated “inflection” differently from other structures without thinking much about these decisions.

Since the beginning of the modern continuous tradition of European academic linguistics in the 16th century, grammarians have been talking about “inflection” of “words”, without worrying much about how to recognize words and how to distinguish inflection from “particles” of various types. On the other hand, lexicographers have been compiling dictionaries, with “word” entries, which are quite separate from grammatical descriptions, and typically published in different books. This practice continues until now, and the main innovation that was introduced in the 20th century is the term “lexeme” for a “dictionary word”. The term “word-form” for a “grammar word”, coming from the Russian tradition (*slovoforma*; e.g. [Zaliznjak 1967; Mel'čuk 1993–2000]), has not become equally widespread yet (but see, for example, [Haspelmath 2002]).¹ In addition, there are relationships between different lexemes that are listed in dictionaries, and these are usually described by rules of “derivation” (a 19th century term). So we have the following stereotypical entities:

(5)	grammar:	word-forms,	inflection	(described in paradigms)
	dictionary:	lexeme,	derivation	(described separately)

But in actual fact, of course, there is a continuum between grammar and lexicon/dictionary (e.g. [Jackendoff, Audring 2020]), so terms like those in (5) are perhaps not more than artifacts of the European tradition of describing languages in two types of books. This need not be the case — it might turn out that speakers do indeed organize their mental knowledge along similar lines (e.g. [Pinker 1999]), but whether this is the case is a very difficult and unresolved substantive issue. All too often, linguists simply presuppose that there is a distinction between inflection and derivation, and between grammar and lexicon. But our current knowledge does not bear this out (see, e.g., [Plank 1994; Spencer 2013] on the non-existence of a division between inflection and derivation).

Moreover, there is a powerful stereotype of a “morphology vs. syntax” distinction. Morphologists have their own journals, handbooks and conferences, but there are serious doubts that the

¹ In the British tradition, the term *grammatical word* is sometimes used instead of *word-form* (cf. [Bauer 2019: 6]).

“word” notion, which would be at the basis of such a distinction, is based on more than the traditional spelling habits of European linguists (e.g. [Haspelmath 2011a; Tallman 2020]). If one only lives in morphologists’ circles, one can have many local insights and lead a happy life, but one will never find out whether morphology is a distinct domain of Human Language.

When questioned about this, linguists often say in their defense that these traditional choices have been “fruitful” or “inspiring”, which is no doubt the case, but there is no reason to think that other choices could not have been equally inspiring and fruitful. And in the later 20th century, many generative linguists thought that there was a very rich innate grammar blueprint, consisting of many dozens or even hundreds of innate elements. On that view, it made sense to hypothesize that our technical terms correspond to innate elements of the human mind. But this view has largely disappeared.

Thus, there is no way around separating our concepts (and the terms for them) from the substantive issues that we want to address. The question whether morphology is separate from syntax cannot be answered by presupposing the existence of morphology, but only by working with low-level concepts that are independent of a possible syntax/morphology distinction, and likewise independent of a possible inflection/derivation distinction. The terms *bound form* (1), *welded form* (2), and *affix* (3) should be usable in attempts to answer such questions because they do not depend on an answer to them. And the terms *bound form* and *affix*, which are already widely used, should have a clear and widely accepted (retro-)definition,² because they are technical terms that linguists expect to have a clear definition.

3. Morphological comparison and “morphological typology”

By “morphological comparison” as used in the title, I mean the study of differences and similarities between languages and between constructions of the same language with respect to general properties of “word-size forms” (where this is a vague term for forms that are roughly of the size of words in typical European languages). So even if we do not presuppose anything about the existence of a distinct “morphological component” in any language, we may still want to address some of the old questions in this domain.

“Morphological typology” is an area with a well-known and well-rehearsed history (e.g. [Horne 1970; Comrie 1989: §2.3; Payne 2017; Arkadiev 2020]), and the “types” in (6) with their example languages are well-known stereotypes.

(6)	isolating	Chinese
	agglutinative	Turkish
	flective	Sanskrit
	incorporating	Mohawk
	synthetic	Latin
	analytic	English

In fact, for quite some time, the term “language typology” was strongly associated with this kind of classification of languages, and it was only with Greenberg’s work (e.g. [1974]) that the term came to be applied to a broader range of phenomena.

But as with the inflection–derivation distinction and the syntax–morphology distinction, we do not know whether the types in (6) are significant. They come from the early 19th century

² By “retro-definition”, I mean a definition of an older (but undefined) term that captures the range of uses of that term to a very large extent.

[F. Schlegel 1808; A.W. Schlegel 1818; Humboldt 1822], and were proposed in a period of science when racial types were popular (in particular, Johann Friedrich Blumenbach's division of human populations into Caucasian, Mongolian, Malayan, Ethiopian and American races).³ But these racial types have been thoroughly discredited for quite some time now and are agreed to be not more than racist stereotypes, which should lead linguists to ask whether their morphological stereotypes have any scientific basis.

Again, in order to find out whether languages (or types of constructions) cluster significantly in such a way that the terms in (6) have a real meaning, we need uncontroversial basic terms which we can use to test specific hypotheses (see, e.g., [Haspelmath 2009] for an attempt to test the "agglutination hypothesis").

Importantly, these basic terms must be comparative concepts (principle D), because languages cannot be compared in terms of their building blocks. Each language has its own categories (defined in terms of its own system), so for comparison, we need concepts that apply to every language in the same way, regardless of the specifics of its unique system. This also means that the definitions in (1)–(3) need not be applied in the description of particular languages — though for reasons of transparency, we should of course define a language-particular "affix" concept in a way that yields results similar to (3).

Before moving on to some further discussion of each of the three terms (bound forms in §4, welded forms in §5, and affixes in §6), I should note that there is no direct relationship between the concerns of this paper and the various "frameworks" that have been prominent in the literature on general morphology (a-morphous morphology, realizational morphology, Distributed Morphology, Paradigm Function Morphology, and so on). Much of the time, these works seem concerned with finding the innate building blocks of our biocognitive blueprint for grammar,⁴ which are hypothesized to be the same for all languages. I think that this goal is premature, because we do not know whether there are any domain-specific, let alone grammar-specific components to human linguisticity (= our biological capacity for language). Thus, I envisage a more modest goal, namely to describe and compare the structures of languages systematically and thoroughly, with the hope of finding generalizations that can eventually point us to larger causal connections of diverse kinds. This is what most linguists do anyway in practice, so the present paper should be of interest to any linguist, regardless of their wider interests and ultimate goals.

4. Bound forms

The first term that I discuss is the term *bound* (contrasting with *free*), which occurs in the definition of *affix* in (3). The term is not uncommon in the literature, but it does not seem to be very clear to many linguists what exactly it refers to, as they seem to associate boundness with phonological properties.⁵ However, a bound form is clearly defined in terms of lack of independent occurrence,⁶ as in (1) (repeated from §1 above).

³ Both Wilhelm von Humboldt (originating from Berlin) and the two Schlegels (originating from Hannover) studied in Göttingen around 1790, when Blumenbach was teaching there, so the influence may even have been quite direct.

⁴ The innate blueprint for grammar is often called "universal grammar", and sometimes simply "language faculty", e.g. in Anderson [2008: 811]: "[The] central goal of linguistics: the devising of ways to infer the properties of the human language faculty from the available data".

⁵ A kind of sloppy terminology that one sometimes encounters is the wrong derived form "boundedness", instead of correct *boundness*. (Boundedness is the property of being *bounded*, which comes from the verb *to bound* or the noun *boundary*. By contrast, *bound(ness)* comes from the verb *to bind*.)

⁶ I use the expressions *independent occurrence*, *occur on its own*, and *occur in isolation* interchangeably.

(1) **bound form**

A bound form is a form that cannot occur on its own.

This simple and straightforward definition was given by Leonard Bloomfield (see 7a) when he first introduced this term in his book *Language*, and it is found in many other influential works. A selection of further quotations is given in (7b–f) (the emphasis in (a–c) is in the original).

- (7) a. “A linguistic form which is never spoken alone is a *bound* form; all others ... are *free* forms.” [Bloomfield 1933: 160]
- b. “Some forms ... have the property that on occasion they may occur as whole utterances... This property is *freedom*; forms that have it are *free*. Other segmental forms are not free, and are therefore called *bound*.” [Hockett 1958: 168]
- c. “Forms which never occur alone as whole utterances (in some normal situation) are *bound* forms; forms which may occur alone as utterances are *free* forms.” [Lyons 1968: 201]
- d. “Two types of bound morphemes are found attached to (free) words in many languages: clitics and affixes, in particular inflectional affixes.” [Zwicky, Pullum 1983: 502]
- e. “A useful distinction which is often made is that between ‘free’ and ‘bound’ forms. A free form can make up a complete word on its own, a bound form cannot. All affixes are, by their nature, bound.” [Dixon 2010: 145]
- f. “We recognize the ability of words to stand alone by saying that they are free forms. Units that are incapable of standing alone, such as affixes, are correspondingly called bound forms.” [Aronoff, Fudeman 2011: 35]

None of these authors link boundness to phonology,⁷ so it is surprising that in actual practice, linguists often talk about boundness as if it were somehow caused by a form’s phonological properties (a search for “phonologically bound” on Google Ngram Viewer will readily confirm this; see also the last paragraph of §5). Now it is true that many bound forms appear phonologically deficient. For example, the Arabic person suffix *-tu* (as in *katab-tu* ‘I wrote’) has a short vowel, the French definite article *le* has a schwa vowel, and the Russian preposition *s* ‘with’ has no vowel at all. In Standard Arabic, all free forms have at least a long vowel (or more than one vowel), and in French and Russian, all free forms have at least a full vowel. So these forms are phonologically different from free forms, and can be seen as deficient.

But phonological deficiency does not explain all cases of boundness. In many or most languages, there are bound forms that are not phonologically deficient. For example, German *-heit* (as in *Weis-heit* ‘wis-dom’) is phonologically complete, and so is Spanish *-dor* (as in *refrigera-dor* ‘refrigerat-or’), but these forms do not occur on their own and are thus bound forms.

Another term pair with the same meaning as *bound/free* is the pair *non-autonomous/autonomous* (e.g. [Plungian 2000: 19]). However, these terms have not been used very widely (and note that Lehmann’s [1982/2015] notion of “autonomy of a sign” is much broader).

Independent occurrence (i.e. occurrence as a non-defective utterance)⁸ is sometimes said to be a problematic criterion because it cannot be investigated by the usual fieldwork methods,

⁷ *Boundness* should not be confused with Lehmann’s [1982/2015] notion of *bondedness*, which is defined in very vague terms (including phonological properties): “The syntagmatic cohesion or bondedness of a sign is the intimacy with which it is connected with another sign to which it bears a syntagmatic relation. The degree of bondedness of a sign varies from juxtaposition to merger, in proportion to its degree of grammaticality” [Lehmann 1982/2015: §4.3.2]. Linguists also sometimes use the odd expression “bound morphology”, which seems tautological (presumably non-bound forms are not morphological by definition).

⁸ Of course, when someone is prevented from finishing an utterance (e.g. “a mosqui... ouch!”), the resulting partial expressions are not considered free forms, and neither are partial forms that only occur in metalinguistic uses (e.g. “the English *-ing* form”).

and because it is a matter of degree. Of course, no criterion is absolutely watertight, but I do not think that the boundness status of a form cannot be investigated by the usual methods. It may be necessary to set up entire dialogue situations and ask speakers about their naturalness, which is not so easy, but which is necessary for other phenomena anyway. Short free forms are likely to occur independently in elliptical situations, e.g. in answers to questions. Thus, *water* can occur on its own in English, in particular when answering a question (*What would you like?*), but *fork* cannot occur on its own. For example, when asked *Would you like chopsticks or a fork?*, the answer cannot be **fork*, but must be *a fork*, showing that *fork* (unlike *water*) is not a free form in English.

One good thing about the criterion of independent occurrence is that it can very often be observed “in nature”. In actual conversations, speakers utter many short free forms, e.g. *OK, true, absolutely, hopefully, quickly, I don’t know*, and so on. Thus, these forms are easy to recognize as free forms. Recognizing bound forms as such is not so easy, because there is no positive criterion for boundness. A bound form is simply a form that is not free, i.e. that cannot occur on its own. But in practice, almost all forms that are treated by grammarians as coordinators, subordinators, discourse markers, (non-demonstrative, non-numeral) articles, flags (case-markers or adpositions), tense and aspect markers, and agreement markers are bound forms. There may be occasional cases of subordinators that can also be used as adverbs (e.g. English *before*), or tense-aspect auxiliaries that can be stranded in elliptical yes-no answers (e.g. the Russian future-tense auxiliary, as in *Da, budet* ‘Yes, she will’), and these are free forms. But by and large, there does not seem to be a big practical problem in distinguishing free forms and bound forms.⁹

The crucial advantage of the criterion of independent occurrence is that it can be applied in exactly the same way in all languages, and this is what we need for general concepts (principle D in (4)). I know of no alternative concept that can give us a definition of “affix” and that can be applied uniformly across languages,¹⁰ so I take it as uncontroversial that we minimally need the criterion of boundness to distinguish affixes from non-affixes.

A bound form is sometimes BOUND TO a specific type of form, which is called its *host* (following Zwicky’s [1977] terminology), which means that it may occur next to this type of form, but not next to other types of forms. For example, the English clitic *’s* (from *is*) occurs following a subject nominal, but not following an adverbial (*My friend’s at home*; **My friend usually’s at home*). Affixes are bound to a root (as we will see in §6), and enclitics are bound to a preceding host. Bound prepositions like Russian *s* ‘with’ will surely be said to be bound to their complement nominal (e.g. *s Volodej* ‘with Volodja’), even if they are not regarded as proclitics. But languages may also have clause-level particles that are not limited to a particular type of host. For example, the German unstressed discourse particle *ja* cannot occur on its own,¹¹ so it is a bound form. But it does not occur on a specific type of host, as illustrated by the examples in (8) (the particle *ja* is not reflected in the translation, as there is no clear English counterpart).

⁹ It may appear counterintuitive that some English nouns are free forms (*water* and the other mass nouns), while most are bound forms in the singular (*fork* and the other count nouns). Similarly, while most Russian case forms of nouns are free, Locative case forms are bound (e.g. *v Moskv-e* ‘in Moscow’ vs. **Moskv-e* [Moscow-LOC], see [Plungian, Semionova 2016: 106]). But this situation is probably not uncommon, even though it has not been widely remarked upon. If there is no expectation that boundness is a particularly “deep” property of linguistic forms, it is not surprising.

¹⁰ Sometimes the term “attached” is used in defining affixes, e.g. in Bauer’s [2019: 124] definition of *affix*: “a morph which cannot stand alone in a sentence, but must be attached to a root to make a word.” Bauer does not say what he means by “attached”, and the first sentence of the definition suggests that the crucial property of an affix is indeed its boundness (in the sense of (1)).

¹¹ In addition to this particle, there is also a stressed discourse particle *ja*, and an answer particle *ja* ‘yes’. These three elements have the same segmental shape, but very different semantic and syntactic properties, so I treat them as three different forms.

- (8) a. *Sie arbeitet **ja** heute viel.*
 b. *Heute arbeitet sie **ja** viel.*
 c. *Sie arbeitet heute **ja** viel.*
 ‘She works a lot today.’

Thus, the term *bound* does not entail any kind of “attachment” to anything. It merely refers to the lack of independent occurrence. It is a separate question to what extent bound forms are not only restricted in their independence, but also positionally. Impressionistically, it is surely the case that bound forms are much more likely to be subject to rigid ordering rules than free forms. But it seems that nobody has established this empirically by actually counting. And just as there are some bound forms with multiple positional possibilities (as seen in (8)), there are also many free forms that obey strict ordering rules. For example, *money* and *more* are both free forms in English, but they can only be combined in one way (*more money*, not **money more*).

Finally, it should be noted that a bound form need not be a minimal form (i.e. a morph). For example, Modern Greek has clitic person forms such as *ton* ‘him’, *tin* ‘her’, *tus* ‘(to) them’, *tu* ‘to him’, and *tis* ‘to her’. They are bound person forms (or *person indexes* [Haspelmath 2013]), but they are not minimal: They can be segmented as *to-n* [he-ACC], *ti-n* [she-ACC], *t-us* [he-PL. OBL], *t-u* [he-GEN], *ti-s* [she-GEN], because there are other forms in the language that have these kinds of suffixes. These combinations of morphs are constituents and are thus forms,¹² so they are bound forms which are not morphs.

Perhaps the most interesting recent discussion of boundness is found in Boye & Harder [2012: 29], who note that bound forms need not be grammatical forms, but grammatical forms are always bound because they are by their very nature discursively secondary. The boundness property is thus not linked to any architectural properties of language (syntax vs. morphology) or to phonological properties, but to the way languages organize information in discourse.

5. Welded forms

Another widely used metaphor that goes back to American linguistics of the first half of the 20th century is “fusion”: the idea that morphological elements can show degrees of “coalescence”, rather than being “mechanically combined” with each other.¹³ Sapir [1921] gave the examples of *high* / *heigh-t* and *deep* / *dep-th*, where the root and the affix “cannot be torn apart quite so readily as could the *good* and *-ness* of *good-ness*”. Now my question is how this metaphor can be translated into a clearly definable criterion.

First of all, it is important to distinguish two different phenomena that are often conflated when discussing the distinction between agglutination and flecion: cumulation (= joint expression) of two grammatical meanings or distinctions, and phonological variation. The metaphor of “fusion” is often associated with the idea of “lack of clear morpheme boundaries” (e.g. [Bybee 1985: 45]), and of course, there are no “morpheme boundaries” in a cumulative affix like *-ov*

¹² See [Haspelmath 2020] for the definition of the terms *morph* and *form*. (A form must be a constituent, but how exactly this term is defined is not fully clear. So the notion of ‘a form’ must probably be taken as a *quasi-primitive* concept; see principle A in (4).)

¹³ Sapir’s [1921] use of the “mechanic” metaphor echoes F. Schlegel’s [1808] contrast between “mechanic” (= agglutinative) and “organic” inflection. Schlegel was not very explicit about the meaning of the latter, but he seems to have meant the Indo-European ablaut inflection where one might see more “coalescence” of the forms. (Of course, Schlegel’s *organic* vs. *mechanic* contrast was associated with a value judgement — he regarded the Indo-European patterns as superior. Sapir rejected this view, but still continued to use the “mechanic” metaphor.)

for Genitive Plural in Russian (e.g. [Comrie 1989: 45]). But the presence of cumulation (which is widespread for case and number in conservative Indo-European languages) is quite different from the presence of phonological variation — the latter is extremely common in the world's languages. Many affixes are like *-th* in English *heigh-t* and *dep-th* in that they either have shape variants themselves (*-th* vs. *-t*) or trigger shape variants in their host (*deep* vs. *dep-*). For such phenomena, I suggest we use the new term *welded form*:

(2) **welded form**

A welded form is a bound form which has shape variants phonologically conditioned by its host, or which phonologically conditions shape variants of its host.

A few more examples of welded forms are given in (9)–(12).

(9) welded non-roots with shape variants

a. Russian 'with'	<i>s toboj</i> 'with you'	vs. <i>so mnoj</i> 'with me'
b. English indefinite article	<i>a pear</i>	vs. <i>an apple</i>
c. German 3 rd singular	<i>komm-t</i> 'comes'	vs. <i>find-et</i> 'finds'
d. Japanese past tense	<i>mi-ta</i> 'saw'	vs. <i>yon-da</i> 'read (PST)'
e. Russian reflexive suffix	<i>myl-sja</i> 'he washed'	vs. <i>myla-s</i> 'she washed'

(10) welded non-roots that condition shape variants

a. English plural	<i>wife</i>	vs. <i>wive-s</i>
b. Polish plural	<i>Polak</i> 'Pole'	vs. <i>Polac-y</i> 'Poles'
c. Romanian plural	<i>cal</i> 'horse'	vs. <i>ca-i</i> 'horses'

(11) welded roots with shape variants

a. Russian 'crumple'	<i>mja-t</i> [crumple-INF]	vs. <i>mn-u</i> [crumple-PRS.1SG]
b. Spanish 'say'	<i>dig-o</i> [say-PRS.1SG]	vs. <i>dic-e</i> [say-PRS.3SG]
c. Polish 'mother'	<i>matk-a</i> [mother-NOM.SG]	vs. <i>matc-e</i> [mother-DAT.SG]

(12) welded roots that condition shape variants

a. Russian infinitive	<i>mo-č</i> [be.able-INF] (root <i>mo(g)-</i>)	vs. <i>pe-t</i> [sing-INF]
b. Gothic nominative singular	<i>harj-is</i> 'army'	vs. <i>haird-eis</i> 'shepherd'

Even though a welded form is defined as a kind of bound form,¹⁴ we may say that two elements that occur together are "welded together" if only one of them is welded in the sense of (2). For example, the two forms in *pass-ed* can be said to be welded together even though only the suffix is welded.

It is actually not so clear in what sense welded forms conform to the "fusion" metaphor because there is no problem with identifying the morph boundaries in (9)–(10) (and in Sapir's original examples *heigh-t* and *dep-th*, there is no problem with boundaries either). There is "coalescence" ("growing together") in the sense that two forms that are welded together

¹⁴ Of course, free forms may also have shape variants that are phonologically conditioned, e.g. English *write*, which has the shape variants [raɪt] and [raɪr] (in *writ-ing*). But intuitively, the intimacy of the phonological connection between adjacent forms is relevant only to the nature of bound forms, and this is reflected in the definition in (2).

typically have a history of occurring in a sequence, which made the phonological change possible.

So it seems to me that the new term *welded* is more suitable for the sense in (2), for which “fused” has sometimes been used.¹⁵ For example, Bybee [1985: 4–5] talks about the “degree of morpho-phonological fusion of an affix to a stem”, by which she means “the extent to which the stem and affix have a morpho-phonemic effect upon one another”. But note that weldedness as defined in (2) is not a matter of degree: Either a bound form is welded or it is not welded.

The sense in (2) was also prominent in Alpatov’s [1985] proposal for classifying bound forms in the world’s languages (see [Arkadiev 2020: §2] for recent discussion of Alpatov’s paper). He distinguished three types of grammatical markers:

- (13) a. flexions: attached directly, shape variants
 b. formants: attached directly, no shape variants
 c. function words: separable by free forms

The distinction between unwelded and welded forms is very much in the spirit of Alpatov’s distinction between flexions and formants (see also [Alpatov 2018]).

I should now add a few remarks about the precise meaning of *shape variants* in (2). There are three clear ways in which a grammatical meaning may be expressed in a variable way, exemplified by (14a–c).

- (14) a. automatic phonetic alternations

English	<i>let</i> [let]	vs. <i>lett-ing</i> [lerɪŋ]
Spanish	<i>veo</i> [beo] ‘I see’	vs. <i>lo veo</i> [loβeo] ‘I see it’
German	<i>leb-en</i> [le:bən] ‘live’	vs. <i>leb</i> [le:p] ‘live (IMPV)’
Russian	<i>nós-it</i> [ˈnosʲɪt] ‘carries’	vs. <i>nos-i</i> [nəˈsʲi] ‘carry (IMPV)’

- b. morphophonological alternations (shape variants of the same form)

Polish	<i>mlek-o</i> ‘milk’	vs. <i>mlecz-ko</i> ‘milk (DIM)’
English	<i>wife</i>	vs. <i>wive-s</i>
Spanish	<i>cont-ar</i> ‘count’	vs. <i>cuent-o</i> ‘I count’
Russian	<i>zamok</i> ‘castle’	vs. <i>zamk-i</i> ‘castles’

- c. suppletive alternations (different forms)

English	plural	<i>cow-s</i>	vs. <i>ox-en</i>
Latin	future	<i>lauda-bi-t</i> ‘will praise’	vs. <i>audi-e-t</i> ‘will hear’
Russian	plural	<i>knig-i</i> ‘books’	vs. <i>pis’m-a</i> ‘letters’
M. Greek	genitive	<i>spiti-u</i> ‘of the house’	vs. <i>poli-s</i> ‘of the city’

¹⁵ One might say that there is “true fusion” of two elements if the “resulting form” shares features of both “underlying forms”, as in Russian *moč* ‘be able’ (12a), which may be said to be “fused” from *mog-* [be.able] plus *-t* [INF] (cf. [Plungian 2001: 670]). However, this presupposes an abstract analysis in terms of “underlying” and “derived” forms, which cannot be done in an objective way that would be suitable for cross-linguistic comparison and general linguistics.

By *shape variants*, I mean in particular the morphophonological alternations as in (14b). The suppletive morph sets in (14c) are not included, because they are clearly different forms, not shape variants of the same form [Haspelmath 2020]. In the same way, automatic phonetic alternations of the type (14a) are typically excluded from discussions in morphology because they are regarded as being purely a matter of phonology, so they should not count as shape variants. To make this clearer, the definition in (8) could be made more precise, to say “A welded form is a bound form which has *non-automatic* shape variants...”. I have not done this, because the definition is already fairly complex (almost too complex for principle B).

Unfortunately, while everyone agrees that the three broad types in (14a–c) are different, linguists have not found ways of drawing clear boundaries between them, despite looking for such boundaries for decades. For example, is the English alternation between [-d] and [-t] in the English past-tense suffix an automatic alternation (14a) or a morphophonological alternation (14b)? This is hard to say, because it does not occur in other forms, and there are not many similar alternations (though the related [-s/-z] alternation in plural forms suggests that it is an automatic alternation). There was a lot of work on drawing the boundaries between automatic and morphophonological alternations in the 1980s and 1990s (often in terms of “postlexical” vs. “lexical” behaviour of “affixes” and “clitics”, e.g. [Dressler 1985; Miller 1992; Anderson 1992; Halpern 1995; Kiparsky 1996; Monachesi 1999]). I do not have anything to contribute to the ways in which the boundaries should be drawn here, so I will not say more about this.¹⁶ Note also that phonologically conditioned shape variants need not be due to an adjacent bound form: In the Spanish contrast between *contár* and *cuénto* (14b), the stem change is conditioned by stress. Prosodic properties also seem to be important for many people’s intuitive notion of “fusion”, but they are left out of consideration here (this would be a separate project).

I conclude that the notion of welding as defined here can serve as the basis for further research to explore the intuition that phonological interactions involving bound forms have larger significance (as in Bybee 1985, and in much of the literature on “fusion” vs. “agglutination”). It seems best to avoid the vague term “fusion”, and it also seems wise to avoid talking about “phonological boundness”. This latter term is actually used quite commonly, but I have never seen it defined in a textbook or survey article. We saw in §4 that boundness, as usually defined in the literature, has nothing to do with phonological properties. Thus, when linguists talk (loosely) about “phonological boundness”, what they actually seem to have in mind is weldedness.¹⁷

6. Affixes

To conclude the discussion of the three key terms that were introduced in §1, let us look at the term *affix*. For a long time, I was not sure how to define an affix, because the literature shows that the various criteria that have been given for distinguishing between affixes and clitics do not

¹⁶ However, it is important not to confuse “(morpho-)phonological variants” with “phonologically conditioned variants”, as is sometimes done. For example Alpatov [1985: 94] describes Turkish vowel harmony variants as “phonologically conditioned variation”, when in fact he means “purely phonological variation” (i.e. 14a). Crucially, suppletive alternations as in (14c) may also be phonologically conditioned, even though the forms that vary are not phonologically similar (e.g. the Dutch plural suffixes *-en* and *-s*, whose distribution depends on the phonological properties of the host noun).

¹⁷ Some linguists seem to use “phonologically bound” also when an element is somehow prosodically dependent, e.g. by lacking its own stress properties (like Ancient Greek clitics; I did this in [Haspelmath 2002: §8.2]). It is for such “obligatorily stressless” elements that one could perhaps justify the idea that phonologically deficient elements cannot occur on their own (cf. the discussion in §4). However, as just noted, I leave prosodic properties out of consideration in the definitions of this paper. By lumping several different properties together (as I did in [Haspelmath 2002]), one is not likely to find phenomena that are comparable across languages.

converge [Haspelmath 2011b; 2015; Bickel, Zúñiga 2017]. The approach proposed by Zwicky & Pullum's [1983] famous paper does not yield clear results in the world's languages.

However, once one adopts the principle E in (4), namely that our comparative definitions may be definitions of the shared core of what is found in languages, we can define *affix* as in (3).

(3) **affix**

An affix is a bound morph that is not a root, that must occur on a root, and that cannot occur on roots of different root classes.

Tense suffixes (almost) always occur on verbs, possessive prefixes always occur on nouns, and comparative suffixes always occur on adjectives. By contrast, typical clitics occur on words of various classes. For example, the Russian interrogative enclitic *li* can occur on verbs (*znaeš' li?* 'do you know?'), adjectives (*zdorov li?* 'is he well?'), adverbs (*zdes' li?* 'here?'), and so on. Recall also the example of the German clause-level particle *ja* in (8a–c) above, which is not an affix even though it is a bound form. The definition in (3) does not make reference to weldedness at all, and this seems right, because some elements that are clearly not affixes are welded forms (e.g. the English indefinite article: *a* or *an*, depending on the phonological context).

So for a large class of elements, this definition immediately makes the right subdivisions.¹⁸ It also conforms with Alpatov's [1985: 95] definition of "function words" as opposed to "flexions/formants" (cf. 13 above): Alpatov says that the main feature of function words that distinguishes them from affixes is that "other lexical units" can occur between them and "the stems to which they belong". For example, the Russian preposition *v* 'in' might be said to be an affix by Zwicky & Pullum's criteria, because the shape variants *v* and *vo* are distributed in a partly idiosyncratic way. However, as Alpatov notes, it does not always occur immediately next to the noun ("the stem to which it belongs"), but can be separated from it by adjectives (e.g. *v bol'shom dome* 'in (a) big house'). Plungian [2000: 21] calls this property of non-affixes *separability*. In the parlance of the definition in (3), we would say that the preposition *v* can occur "on noun roots", but also "on adjective roots". Thus Russian *v*, as well as all other Russian prepositions, are not prefixes.

Another example is the English indefinite article. The shape variants *a* and *an* cannot be due to an automatic phonetic alternation, but the article is not a prefix, because it can occur not only on nouns (*a house*, *an apple*), but also on pronominal adjectives (*a big house*, *an open house*).

In the same vein, Polish person-marking clitics are not "floating affixes" (e.g. [Crysmann 2006]), because they can occur on roots of different classes:

- (15) a. *W domu to zrobili=ście?*
 in house that did=2PL
 'Did you do that at home?'
 b. *W domu=ście to zrobili?*
 in house=2PL that did
 'Idem'

These forms have long been a thorny problem in Polish because they are welded forms (in that they occasionally influence the shape of their host). But weldedness and affixhood can sometimes go different ways.

Now what exactly is meant by "occurring on a root"? Many affixes occur not immediately adjacent to a root, but are (or may be) separated from it by another affix, e.g. Latin person-number suffixes (*-s*, *-isti*, etc.)

¹⁸ But it is not compatible with the idea that there can be "phrasal affixes" (e.g. [Anderson 1992; Börjars 2003]), although an affix may of course occur at the edge of a phrase (cf. the discussion of Japanese flags in the last paragraph of this section).

- (16) a. *lauda-s* ‘you praise’
 b. *lauda-bi-s* ‘you will praise’
 c. *lauda-v-isti* ‘you have praised’

These are affixes because they occur next to other elements that are affixes, too. If the future form *-bi* and the perfect form *-v* were not affixes, then person forms like *-s* and *-isti* would not be affixes either. So we need to define the notion of “occurrence on a root” as follows:

(17) **occurrence on a root:**

A bound form *X* is said to occur on a root *Y* if it occurs directly next to the root or next to an affix that occurs on the root.

This gives the desired result for a large number of affixes that always occur on nouns (possessive affixes, number affixes, case affixes, various types of derivational affixes), affixes that occur on adjectives (comparative and superlative affixes, attenuative affixes, abstract-noun affixes), and affixes that occur on verbs (voice, aspect, evidentiality, tense, mood, argument affixes).¹⁹

If a bound form occurs next to another bound form that is not an affix itself, it does not qualify as an affix. Consider the Turkish examples in (18), where the question is whether person-number indexes like *-sun* [2SG] are suffixes.

- (18) a. *gel-iyor-sun* [come-PROG-2SG] ‘you are coming’
 b. *gel-iyor mu-sun* [come-PROG QP-2SG] ‘are you coming?’
 c. *su mu* [water QP] ‘water?’

Based on the spelling (and maybe also on the vowel harmony), one might think that *-sun* is a suffix in (18a), but it follows the question particle *mu*, as seen in (18b). This question particle is not root-specific, but can also occur on a noun (in 18c), so it is not an affix (and Turkish spelling does not treat it as such). Therefore, the bound person marker *-sun* is not an affix by the definition in (3).

Note also that there is no need, on the definition given here, to say which form an affix “belongs to” (cf. Alpatov’s formulation earlier in this section). While it is perhaps clear that a comparative affix “belongs to” an adjective, and a plural affix “belongs to” a noun, this is much less clear in other cases, because affixes often have a larger semantic scope. Thus, a case affix may be said to belong to the entire nominal whose role it marks, and not merely to the noun. And a tense affix may be said to belong to the entire clause (or at least the entire predication) whose temporal location it expresses, not merely to the verb. But if a bound role marker always occurs on nouns, it is a case affix, and if a bound tense marker always occurs on verbs, it is a tense affix, regardless of its semantic scope.

The formulations in (3) and (17) are neutral with respect to ordering, so they do not exclude the possibility of affixes that occur on different sides of the root under different conditions. Thus, the bound person forms for objects in the Romance languages are affixes, because they always occur on verb roots. Italian object “clitics” as in (19) are discussed by Monachesi [1999] (though her reasons for a treatment as affixes rather than clitics are far more complex).

- (19) Italian
 a. *mi da* ‘gives to me’ (indicative)
 b. *da-mmi* ‘give to me’ (imperative)

¹⁹ Note that the definition is recursive in that an affix may occur next to an affix that itself occurs next to an affix, and so on.

The next question is: What exactly does it mean that a bound form occurs on roots of “different classes”? Recall from principle D above that the definitions must apply in the same way to all languages, so there can only be one answer: The root classes must be the three classes in (20).

- (20) a. noun = thing root
 b. verb = action root
 c. adjective = property root

It is only these three root classes that can be used in cross-linguistic comparison because they can be identified in all languages (cf. [Croft 1991; Haspelmath 2012; 2021]).

There may be other kinds of elements that we may be tempted to call “roots” (maybe “pronoun roots”, or “temporal adverb roots”), but there does not seem to be any need to include them, because they are marginal in one way or another. This also means that we can define the term “root” as in (21).

(21) **root**

A root is a morph that denotes a thing, an action, or a property.

This is important for the definition of *affix* because an affix is defined as a non-root morph. There have been many attempts to distinguish affixes from roots in other ways (cf. the discussion in [Plungian 2000: §I.3.1]), but I think that we need a simple way of defining affixes, as a type of bound morphs that are not roots. (One may also say that an affix is a *marker* that cannot occur on roots of different root classes, because the term *marker* is best defined as a bound morph that is not a root, in the sense of (21).)

Now what about case-markers that may occur both on nouns and on adjectives (e.g. Latin *hort-us nov-us* ‘new garden (nominative)’, *hort-i nov-i* ‘of the new garden (genitive)’, etc.)? And what about gender markers that occur both on adjectives and verbs (e.g. Russian *byl-a interesn-a* ‘was interesting’, with feminine singular *-a*)? Or plural markers that occur on nouns and adjectives (e.g. Spanish *casa-s nueva-s* ‘new houses’). The answer is perhaps surprising: These are not affixes by the definition in (3). But I think that it is the right answer after all, as I will discuss in the next section (§7).²⁰

However, it should be noted that while the definition of *affix* given in this section should be acceptable for the discipline of linguistics, this in no way implies that affixhood (or a notion of wordhood that might build on it) must be significant for understanding Human Language. It could still be that our propensity to use the term “affix” is more based on European spelling habits than on anything in languages. To see the problem, let us briefly compare Russian prepositions (e.g. *v* ‘in’, *s* ‘with’, *na* ‘on’) and Japanese case-markers (e.g. nominative *ga*, accusative *o*, dative *ni*). The former are not prefixes (as we saw), but the latter may well be suffixes, because they seem to only occur on nouns. If this is the case (see [Spencer, Otoguro 2005: §5] for discussion of these elements), then what can we conclude from this? It does not really seem to tell us anything about the nature of these forms, because it has to do with the order of nouns and adjectives: In Russian, adjectives are prenominal, so that NP-initial flags cannot be prefixes (by our definition). In Japanese, nouns are always final in the noun phrase, so NP-final flags are suffixes. But this seems to be a fact about the order of adjective and noun, not a fact about the nature of the role-marking elements (for this reason, the term *flag* is better suited for comparative purposes, as noted in [Haspelmath 2019]).²¹ Since the subdivision of grammar into mor-

²⁰ A reviewer notes that one could distinguish different degrees of word-class sensitivity. I have defined *affix* as showing strong sensitivity (being limited to a single root class), while stereotypical clitics show no sensitivity at all. Eventually, we want to measure such differences, and one could of course use a different cut-off point for the term *affix*. The choice proposed here is also driven by considerations of simplicity (principle (B) in (4); see also note 25 below).

²¹ In Basque, an SOV language that shares some typological features with Japanese, adjectives happen to follow nouns. As a result, the Basque flags are postpositions, not suffixes, but this is hardly a significant difference between Japanese and Basque.

phology and syntax seems to be (at least in part) based on the difference between affixes and “words”, these accidental factors in the identification of affixes indicate that there is probably no deeper significance to this traditional subdivision.

7. Shared-core definitions of comparative concepts

All languages consist of extremely complex sets of forms and regularities, and they are harder to compare than the stereotypical cases may suggest. Historical linguists and lexical typologists routinely compare words of different languages based on their meanings, and study phenomena such as colexifications (e.g. [List et al. 2018]). But even very simple phenomena such as ‘hand/arm’ colexification are not completely straightforward, because a language might have two different terms, with one of the terms meaning ‘hand plus forearm’ (cf. [Brown 2005] for discussion). So when we treat such a language in the same way as English (rather than like Russian, which has a single word, *ruka*, for ‘hand or arm’), we are ignoring some aspects of the diversity.

But this is unavoidable, because the goal of cross-linguistic comparison cannot be complete comparison of all aspects of a language. We always need to focus on some parts where the comparison seems particularly fruitful. Bickel & Nichols [2013] are explicit about this in their *WALS* chapters about morphological typology: Instead of considering the entire range of case markers and tense-aspect-mood markers, they focus on a single characteristic marker (a grammatical case marker, a past tense marker, etc.).

Likewise, technical terms that are intended for general comparison cannot be defined in such a way that they always cover the entire range of phenomena in a particular language. When re-defining an existing term, we need to focus on the shared core of what the term denotes in the actual literature (cf. principle C and E). Since [Foley, Van Valin 1977] at the latest, it has been known that the term “subject” cannot be defined in such a way that it covers all the relevant phenomena in each individual language, and at the same time applies to all languages. So Comrie [1978] and Dixon [1979] proposed to use the terms S, A and P for those arguments of verbs that are readily comparable across languages, and Dixon used “subject” in the sense of “S or A” (what Kibrik [1997: 291] calls “principal”). This does not cover all cases, because “dative subjects”, “expletive subjects” and all kinds of other phenomena in various languages are not included, but it certainly covers the shared core of what linguists have called “subject”. It allows us to make general and comparative statements (e.g. “Both Russian and Persian show agreement of the verb with the subject”), even though it does not extend to special cases. The role-types S, A and P are defined with respect to a rather narrow set of verb types (single-argument change-of-state verbs, two-argument physical-effect verbs), but it is only with verbs of this type that languages behave uniformly [Haspelmath 2011a]. So strictly speaking, experiential verbs (including common perception verbs like ‘see’) are not included in the general definition. But in practice, this does not matter much, because there is no question which argument is the English Subject in *Kim saw her*: There is also no question how to call this syntactic function in English (Subject, because it matches the general “subject” quite well).

So cross-linguistic comparison removes some language-particular facts from consideration for purposes of general linguistics, but in cases like “subject”, this is not a problem, because the shared core can still be compared in alignment typology in a very fruitful way. Likewise, I think that it is not a problem that the definition of *affix* in (3) is a shared-core definition. It does not cover all phenomena that have been called affixes in particular languages, and that we probably want to continue to call affixes. For example, Russian has several participial forms of verbs that can themselves take number-case suffixes, e.g. *znajušč-aja* ‘knowing (NOM.SG.F)’, *znajušč-uju* ‘knowing (ACC.SG.F)’, *znajušč-ix* ‘knowing (GEN.PL)’. But these number-case suffixes occur not only on such verbs, but also on adjectives, e.g. *bol’š-aja* ‘big (NOM.SG.F)’, *bol’š-uju* ‘big (ACC.SG.F)’. So are these elements affixes or clitics? Well, from a Russian perspective, we

want to say that they are Russian Affixes. But from the general perspective of the definition in (3), they are not affixes. This may at first sound unintuitive, but it is no more problematic than saying that in *Kim saw her*, *Kim* is not a subject from a general perspective.

Cross-linguistic comparison must concentrate on those aspects of languages that are comparable, and as a consequence, general definitions of grammatical terms must often be defined in terms of a shared core of phenomena. Not all grammatical terms require a shared-core definition (the term *bound* of §4 can be used cross-linguistically in the same way as in particular languages, because the definitional criterion of independent occurrence is so simple), but many of them do. However, we have seen that it is not problematic in any way.

8. Back to “morphological typology”

Now that we have clear definitions of the terms *bound*, *welded* and *affix*, does this help us with the “morphological types” that go back to the Schlegels and Humboldt (§3)?

Let us consider a set of straightforward expressions for location in five languages, corresponding to five of the six types in (6) above.

(22) a. Mandarin Chinese	<i>zài Shànghǎi</i>	‘in Shanghai’	(isolating?)
b. Turkish	<i>İstanbul’da</i>	‘in Istanbul’	(agglutinating?)
c. Latin	<i>Brundisi-i</i>	‘in Brundisium’	(flective?)
d. Sanskrit	<i>Śiv-e</i>	‘in Śiva’	(synthetic?)
e. English	<i>in Glasgow</i>		(analytic?)

The affix concept of §6 allows us to say that the Turkish, Latin and Sanskrit markers are affixes, as opposed to the Chinese and English markers, which can occur on roots of different classes (both English and Chinese nouns may be preceded by modifying adjectives). So these examples might be taken to exemplify the common definition of isolating languages in terms of “lacking morphology”. The term “analytic” does not seem to have a meaning different from “isolating” (in practice, it is not much used for classifying entire languages, but it is often used for “analytic constructions”; cf. [Haspelmath, Michaelis 2017]).

Now this might be taken as a basis for computing indexes of analyticity/isolation and syntheticity along the lines of Greenberg [1960] (see [Payne 2017: 82–87] for recent discussion). We might identify roots and affixes in corpora of different languages and count how many affixes there are in each language.²² But would this help us distinguish types that are relevant beyond this counting exercise? Recall from §6 (last paragraph) that the distinction between an affix and a non-affix may have to do with word order possibilities. This can also be illustrated by Hebrew, which has a proposed locative marker like Chinese and English.

- (23) Hebrew *be-Haifa* ‘in Haifa’

But Hebrew has no prenominal adjectives, so the “preposition” *be-* is actually a prefix by the definition in §6. As a result, Hebrew but not Chinese or English would be synthetic on this count, just as Japanese but not Basque would be synthetic (see note 21). This would be consistent, but apparently unrevealing. The widespread idea that “morphology” is somehow “complex” while “isolating” structures are “simple” (cf. [Gil 2008]) is thus not straightforward at all.

²² But recall that this would allow us to count only those elements that are affixes on verbs, nouns and adjectives. Elements which occur on personal pronouns, on demonstratives, on auxiliary verbs etc. could not be counted. So the counts would not be exhaustive (cf. §7), but apparently still representative.

Placing a grammatical marker in a fixed position where it is always next to verb or a noun is not more complex than placing it in a fixed position where it is always at the beginning of a noun phrase or a verb phrase.

Next, what about the difference between agglutinative and fleective languages? One might say that agglutinative languages are those with few welded forms, both among the roots and among the affixes, while fleective languages are those with many welded forms (using the new term *welded form* of §5). Plungian [2001: §2.1–2] discusses the fleective type in these terms, as does Payne [2017: 87]. So what about Turkish, the language that is always mentioned as a paradigm case of an agglutinative language (cf. 22b)? It is well-known that Turkish has suffixes which vary by vowel harmony (and a kind of consonant harmony), e.g. *Istanbul'da* ‘in Istanbul’ vs. *Paris'te* ‘in Paris’. So is the locative suffix *-da/-de/-ta/-te* welded, according to our definition? I would say that it is, because vowel harmony is a morphophonological alternation, not an automatic phonetic alternation (recall the three-way distinction in (14)). But as I said, the precise boundaries are not agreed among linguists,²³ and it would take a major effort to come up with clear types and technical terms for them that can be applied in an objective way.

But Plungian and Payne also add cumulation as an additional ingredient of fleective languages, in line with the earlier literature.²⁴ For example, like Latin and Sanskrit in (22c–d), Russian shows cumulation of case and number meanings (24a), while Modern Armenian does not (24b).

(24)	NOM.SG	INS.SG	NOM.PL	INS.PL	
a. Russian	<i>sten-a</i>	<i>sten-oj</i>	<i>sten-y</i>	<i>sten-ami</i>	‘wall(s)’
b. Armenian	<i>ban-Ø</i>	<i>ban-ov</i>	<i>ban-er-Ø</i>	<i>ban-er-ov</i>	‘thing(s)’

But is cumulation closely related to weldedness of forms? As I noted earlier, cumulation is not common, while welded forms are extremely common in the world’s languages. And in an earlier preliminary study (Haspelmath 2009), I did not find that weldedness correlates with cumulation.

The technical terms defined in the present paper do not allow us to make progress with regard to cumulation, because cumulation can be identified only if it is fully clear which grammatical meanings are expressed by a form. And this is rarely as clear as in the classical number and case paradigms. For Spanish verb inflection, Payne [2017: 88] notes that the form *habl-ó* ‘s/he spoke’ could be said to express five meanings (or “categories”): indicative mood, third person, singular number, past tense, and perfective aspect. But whether “perfective” and “past” are separate meanings is not quite clear (the aspectual contrast is not relevant for present and future tenses), and the “indicative meaning” is also not fully clear (there is no future subjunctive, and “subjunctive” forms are as much syntactically as semantically determined). So before we can compute a general “cumulation” index, we would have to find a way to determine the number of grammatical meanings that a form expresses.

Thus, the new, rigorously defined terms of the present paper help us only in limited ways in understanding whether the old “morphological typology” still has any value. It may well be that it will have to go the way of Blumenbach’s classification of human races, and it may be wise for the moment to continue to put question marks behind all these terms (as was done in (22)).

²³ Alpatov [1985: 94] regards Turkish vowel harmony as purely phonological, not morphophonological (i.e. (14a), not (14b)). The reason why I do not regard it as an automatic phonetic alternation is that it is violated in many Turkish roots (of Arabic or Persian origin). Its effects can be seen by linguists also in non-borrowed roots, but it is obligatory in the language system only in morphological/morphosyntactic contexts.

²⁴ In addition, Plungian mentions *suppletive alternations* as in (14c) (cf. also [Haspelmath 2009]). These are sometimes mentioned as typical of fleective languages, but they do not seem to have anything to do with “fusion” or “lack of clear morpheme boundaries” (so maybe they are mentioned primarily because they are common in Indo-European).

9. Back to the purposes of general terminology in linguistics

It should have become clear by now that the simple definitions of common terms (*bound form*, *affix*, *root*) proposed in this paper are not based on brilliant new insights on how the perennial problems of grammatical terminology can be solved. However, what is probably quite new here (compared to attempts such as [Bloomfield 1933; Hockett 1947; Mel'čuk 1982; Mel'čuk 1993–2000]) are two realizations:

(25) General linguistics must be based on comparative concepts,
while particular linguistics must be based on language-particular categories.

(26) Widely used terms must be defined clearly as comparative concepts.

The first entails that the definitions must be independent of language-particular phenomena (principle D in (4)), which rules out many of the criteria that have been discussed in the literature. Of course, if one decided to follow the approach of “building block uniformity” (as is characteristic for traditional generative grammar), then the picture would look rather different: One may hypothesize that a category such as “affix” or “clitic” is an element of our innate grammar blueprint, and then there is no limit to the kinds of symptoms that one might use to identify affixes or clitics (cf. [Haspelmath 2015]). But if one has no great trust in a rich set of innate grammatical elements, then one must base general linguistics on comparative concepts.

The second realization is that if there is no clear definition of widely used terms, linguists will continue to be as confused as they have been over the last decades. Textbooks will continue to present salient examples and hope that their readers will somehow form the right concepts, based on the examples. But if a textbook does not define a term, the readers will not understand what it means and will instead create their own stereotype. This may often lead to the appearance of widespread agreement, as noted by Plungian [2011: 18]:

“As in many other cases, when we deal with traditional concepts of linguistics that rely on the intuition of speakers of European languages and a long descriptive practice, it is often much simpler to give an acceptable result of classification than to identify those criteria on which this result was based.”

However, if the criteria are not clear, then the “acceptability” of a classification may be based on shared stereotypes rather than on true differences in the world (recall from §3 the failure of racial classifications, which were widely accepted for a long time, but which were shown to be without any scientific foundation).

Now it may of course turn out that the comparative definitions proposed here will not be particularly helpful, or rather that other definitions will be much more useful for gaining insights about Human Language. This is a separate question that I do not deal with here. But until we have clearly better general concepts and terms, we must continue working with terms like “affix” and “root”, and they should have clear and simple definitions.²⁵ (Other terms, such as “finite” or “markedness”, may not be amenable to retrodefinition, so they should be abandoned. But in general, proposing a retrodefinition is preferable to proposing abandoning a term, because such negative recommendations are rarely effective.)

²⁵ A reviewer asked whether it is a scientific requirement that frequently used terms should have simple definitions (recall principle B in (4)). The answer is of course no: It is a purely practical requirement, and if we had very good reasons to think that an affix concept that requires a very complex definition is needed, then we should use such a definition for this term. But since we do not know much about what concepts yield the best results, we should choose a simple definition (for practical, including pedagogical purposes).

Finally, there is a further question that some readers may have: Need the definitions be categorical, as I have presented them in this paper? Wouldn't it be more appropriate to have definitions that are fuzzy or vague, corresponding to the fuzziness or continuity that we find in the actual world (cf. [Plungian 2000: 20])? The reason why I think that the definitions cannot be fuzzy or prototype-based is that we need these terms in order to test hypotheses. The terms are our "units of measurement", analogous to the SI units in physics. It does indeed seem to be the case that many languages have more or less fuzzy categories. But some categories are not fuzzy at all.²⁶ And while there are many cases of vagueness or unclarity of cross-linguistic concepts (what exactly is "finiteness" of verbs? what exactly is "left dislocation"?), there are other cases where cross-linguistic classification is very clear (e.g. demonstratives, question pronouns, numerals and negative markers are readily identified across languages).

So the extent to which a phenomenon is fuzzy is an empirical question, and to answer such questions, we need good research tools: general terms that are not defined in a stereotypical or subjective way, but in a simple straightforward way so that all linguists understand the terms in the same way. It appears that many linguists think that this is not possible or not a worthwhile task, but this paper has tried to show that it is possible (at least for bound and welded forms and for affixes), as long as one understands that the definitions must sometimes be shared-core definitions (principle E, §7). But since the definitions are comparative definitions anyway and cannot be applied to particular languages, this is not a defect of these definitions.

ABBREVIATIONS

ACC — accusative	GEN — genitive	NOM — nominative	PRS — present
DAT — dative	IMPV — imperative	OBL — oblique	SG — singular
DIM — diminutive	INF — infinitive	PL — plural	QP — question particle
F — feminine	INS — instrumental	PROG — progressive	

REFERENCES

- Alpatov 1985 — Алпатов В. М. Об уточнении понятий «флективный язык» и «агглютинативный язык». *Лингвистическая типология*. Солнцев В. М., Вардоль И. Ф. (ред.). М.: Наука, 1985, 92–101. [Alpatov V. M. On elaboration of the notions 'flective language' and 'agglutinative language'. *Lingvisticheskaya tipologiya*. Solntsev V. M., Vardul' I. F. (eds.). Moscow: Nauka, 1985, 92–101.]
- Alpatov 2018 — Алпатов В. М. *Слово и части речи*. М.: Издательский дом «ЯСК», 2018. [Alpatov V. M. *Slovo i chasti rechi* [Word and parts of speech]. Moscow: YaSK Publishing House, 2018.]
- Anderson 1992 — Anderson S. R. *A-morphous morphology*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1992.
- Anderson 2008 — Anderson S. R. The logical structure of linguistic theory. *Language*, 2008, 84(4): 795–814. <https://doi.org/10.1353/lan.0.0075>.
- Arkadiev 2020 — Arkadiev P. M. Morphology in typology: Historical retrospect, state of the art, and prospects. *Oxford research encyclopedia of linguistics*. Aronoff M. et al. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2020. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780199384655.013.626>.
- Aronoff, Fudeman 2011 — Aronoff M., Fudeman K. A. *What is morphology?* 2nd edn. Chichester: Wiley-Blackwell, 2011.
- Bauer 2019 — Bauer L. *Rethinking morphology*. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2019.
- Bickel, Nichols 2013 — Bickel B., Nichols J. Sampling case and tense formatives. *The world atlas of language structures online*. Dryer M. S., Haspelmath M. (eds.). Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. <https://wals.info/chapter/s5>.
- Bickel, Zúñiga 2017 — Bickel B., Zúñiga F. The "word" in polysynthetic languages: Phonological and syntactic challenges. *The Oxford handbook of polysynthesis*. Fortescue M., Mithun M., Evans N. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2017. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199683208.013.52>.

²⁶ For example, it is very clear what a verb is in Russian, or what a vowel is in German; there do not seem to be any unclear cases of "verb-noun" hybrids or "vowel-consonant hybrids" in these languages.

- Bloomfield 1933 — Bloomfield L. *Language*. New York: H. Holt and Company, 1933.
- Börjars 2003 — Börjars K. Morphological status and (de)grammaticalisation: The Swedish possessive. *Nordic Journal of Linguistics*, 2003, 26(2): 133–163. <https://doi.org/10.1017/S0032586503001069>.
- Boye, Harder 2012 — Boye K., Harder P. A usage-based theory of grammatical status and grammaticalization. *Language*, 2012, 88(1): 1–44.
- Brown 2005 — Brown C. H. Hand and arm. *The world atlas of language structures*. Haspelmath M., Dryer M. S., Gil D., Comrie B. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2005, 522–525. <http://wals.info/chapter/s6>.
- Bybee 1985 — Bybee J. L. *Morphology: A study of the relation between meaning and form*. Amsterdam: John Benjamins, 1985.
- Comrie 1978 — Comrie B. Ergativity. *Syntactic typology: Studies in the phenomenology of language*. Lehmann W. P. (ed.). Austin: Univ. of Texas Press, 1978, 329–394.
- Comrie 1989 — Comrie B. *Language universals and linguistic typology: Syntax and morphology*. Oxford: Blackwell, 1989.
- Croft 1991 — Croft W. *Syntactic categories and grammatical relations: The cognitive organization of information*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1991.
- Crysmann 2006 — Crysmann B. Floating affixes in Polish. *Proc. of the 13th International Conf. on Head-Driven Phrase Structure Grammar*. Müller S. (ed.). Stanford (CA): CSLI, 2006, 123–139.
- Dixon 2010 — Dixon R. M. W. *Basic linguistic theory*. Vol. 1. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010.
- Dixon 1979 — Dixon R. M. W. Ergativity. *Language*, 1979, 55: 59–138.
- Dressler 1985 — Dressler W. U. *Morphonology*. Ann Arbor (MI): Karoma Publ., 1985.
- Foley, Van Valin 1977 — Foley W. A., Van Valin R. D. On the viability of the notion of “subject” in universal grammar. *Berkeley Linguistics Society*, 1977, 3: 293–320.
- Gil 2008 — Gil D. How complex are isolating languages? *Language complexity: Typology, contact, change*. Miestamo M., Sinnemäki K., Karlsson F. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2008, 109–131.
- Greenberg 1960 — Greenberg J. H. A quantitative approach to the morphological typology of language. *International Journal of American Linguistics*, 1960, 26(3): 178–194.
- Greenberg 1974 — Greenberg J. H. *Language typology: A historical and analytic overview*. The Hague: Mouton, 1974.
- Halpern 1995 — Halpern A. *On the placement and morphology of clitics*. Stanford (CA): CSLI Publications, 1995.
- Haspelmath 2002 — Haspelmath M. *Understanding morphology*. London: Arnold, 2002.
- Haspelmath 2009 — Haspelmath M. An empirical test of the Agglutination Hypothesis. *Universals of language today*. Scalise S., Magni E., Bisetto A. (eds.). Dordrecht: Springer, 2009, 13–29. (Accessed May 27, 2016.)
- Haspelmath 2011a — Haspelmath M. On S, A, P, T, and R as comparative concepts for alignment typology. *Linguistic Typology*, 2011, 15(3): 535–567.
- Haspelmath 2011b — Haspelmath M. The indeterminacy of word segmentation and the nature of morphology and syntax. *Folia Linguistica*, 2011, 45(1): 31–80.
- Haspelmath 2012 — Haspelmath M. How to compare major word-classes across the world’s languages. *Theories of everything: In honor of Edward Keenan*. (UCLA Working Papers in Linguistics, 17.) Graf T., Paperno D., Szabolcsi A., Tellings J. (eds.). Los Angeles: UCLA, 2012, 109–130.
- Haspelmath 2013 — Haspelmath M. Argument indexing: A conceptual framework for the syntax of bound person forms. *Languages across boundaries: Studies in memory of Anna Siewierska*. Bakker D., Haspelmath M. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2013, 197–226.
- Haspelmath 2015 — Haspelmath M. Defining vs. diagnosing linguistic categories: A case study of clitic phenomena. *How categorical are categories? New approaches to the old questions of noun, verb, and adjective*. Błaszczak J., Klimek-Jankowska D., Migdalski K. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2015, 273–304.
- Haspelmath 2019 — Haspelmath M. Indexing and flagging, and head and dependent marking. *Te Reo*, 2019, 62(1): 93–115. <https://doi.org/10.17617/2.3168042>.
- Haspelmath 2020 — Haspelmath M. The morph as a minimal linguistic form. *Morphology*, 2020, 30(2): 117–134. <https://doi.org/10.1007/s11525-020-09355-5>.
- Haspelmath 2021 — Haspelmath M. Word class universals and language-particular analysis. 2021. To appear in *Oxford handbook of word classes*, ed. by Eva van Lier.
- Haspelmath, Michaelis 2017 — Haspelmath M., Michaelis S. M. Analytic and synthetic: Typological change in varieties of European languages. *Language variation — European perspectives VI: Selected*

- papers from the 8th International Conf. on Language Variation in Europe (ICLaVE 8), Leipzig 2015.* Buchstaller I., Siebenhaar B. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2017.
- Hockett 1947 — Hockett C. F. Problems of morphemic analysis. *Language*, 1947, 23(4): 321–343. <https://doi.org/10.2307/410295>.
- Hockett 1958 — Hockett C. F. *A course in modern linguistics*. New York: MacMillan, 1958.
- Horne 1970 — Horne K. M. *Language typology: 19th and 20th century views*. Washington: Georgetown Univ. Press, 1970.
- Humboldt 1822 — von Humboldt W. Über das Entstehen der grammatischen Formen und ihren Einfluss auf die Ideenentwicklung. *Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften zu Berlin*, 1822: 31–63.
- Jackendoff, Audring 2020 — Jackendoff R., Audring J. *The texture of the lexicon: Relational Morphology and the Parallel Architecture*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2020.
- Kibrik 1997 — Kibrik A. E. Beyond subject and object: Toward a comprehensive relational typology. *Linguistic Typology*, 1997, 1(3): 279–346.
- Kiparsky 1996 — Kiparsky P. Allomorphy or morphophonology? *Trubetzkoy's orphan*. Singh R., Desrochers R. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1996, 13–31.
- Lehmann 1982/2015 — Lehmann C. *Thoughts on grammaticalization*. Berlin: Language Science Press, 2015. (Originally published in 1982.) <http://langsci-press.org/catalog/book/88>.
- List et al. 2018 — List J.-M., Greenhill S. J., Anderson C., Mayer T., Tresoldi T., Forkel R. CLICS2: An improved database of cross-linguistic colexifications assembling lexical data with the help of cross-linguistic data formats. *Linguistic Typology*, 2018, 22(2): 277–306. <https://doi.org/10.1515/lingty-2018-0010>.
- Lyons 1968 — Lyons J. *Introduction to theoretical linguistics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1968.
- Mel'čuk 1982 — Mel'čuk I. A. *Towards a language of linguistics: A system of formal notions for theoretical morphology*. München: Fink, 1982.
- Mel'čuk 1993–2000 — Mel'čuk I. *Cours de morphologie générale (théorique et descriptive)*. Vol. I–V. Montréal: Presses de l'Université de Montréal; CNRS Éditions, 1993–2000.
- Miller 1992 — Miller P. H. *Clitics and constituents in phrase structure grammar*. New York: Garland, 1992.
- Monachesi 1999 — Monachesi P. *A lexical approach to Italian cliticization*. Stanford (CA): CSLI Publications, 1999.
- Payne 2017 — Payne T. E. Morphological typology. *The Cambridge handbook of linguistic typology*. Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2017, 78–94. <https://doi.org/10.1017/9781316135716.017>.
- Pinker 1999 — Pinker S. *Words and rules: The ingredients of language*. New York: Harper Collins, 1999.
- Plank 1994 — Plank F. Inflection and derivation. *Encyclopedia of language and linguistics*. Asher R. E. (ed.). Oxford: Pergamon, 1994, 1671–1678.
- Plungian 2000 — Плу́нгян В. А. *Общая морфология: Введение в проблематику*. М.: УРСС, 2000. [Plungian V. A. *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [General morphology: Introduction to the problematics]. Moscow: URSS, 2000.]
- Plungian 2001 — Plungian V. A. Agglutination and flection. *Language typology and language universals: An international handbook*. Vol. 1. Haspelmath M., König E., Oesterreicher W., Raible W. (eds.). Berlin: Walter de Gruyter, 2001, 669–678.
- Plungian 2011 — Плу́нгян В. А. *Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: Grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Plungian, Semionova 2016 — Плу́нгян В. А., Семенова Кс. П. К типологии древнеармянской именной парадигматики: INSTR.PL. *Вопросы языкознания*, 2016, 5: 103–118. [Plungian V. A., Semionova X. P. Towards a typology of Classical Armenian nominal paradigms: INSTR.PL. *Voprosy Jazykoznanija*, 2016, 5: 103–118.]
- Sapir 1921 — Sapir E. *Language: An introduction to the study of speech*. New York: Harcourt, Brace, Co., 1921.
- A. W. Schlegel 1818 — von Schlegel A. W. *Observations sur la langue et la littérature provençales*. Paris: Librairie grecque-latine-allemande, 1818.
- F. Schlegel 1808 — von Schlegel F. *Ueber die Sprache und Weisheit der Indier: Ein Beitrag zur Begründung der Alterthumskunde*. Heidelberg: Mohr und Zimmer, 1808.
- Spencer 2013 — Spencer A. *Lexical relatedness*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013.

- Spencer, Otaguro 2005 — Spencer A., Otaguro R. Limits to case: A critical survey of the notion. *Competition and variation in natural languages: The case for case*. Amberber M., de Hoop H. (eds.). Oxford: Elsevier, 2005, 119–145.
- Tallman 2020 — Tallman A. J. R. Beyond grammatical and phonological words. *Language and Linguistics Compass*, 2020, 14(2): e12364. <https://doi.org/10.1111/lnc3.12364>.
- Zaliznyak 1967 — Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. [Zaliznyak A. A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie* [Russian nominal inflection]. Moscow: Nauka. 1967.]
- Zwicky 1977 — Zwicky A. M. *On clitics*. Bloomington: Indiana Univ. Linguistics Club, 1977.
- Zwicky, Pullum 1983 — Zwicky A. M., Pullum G. K. Cliticization vs. inflection: English *n't*. *Language*, 1983, 59(3): 502–513.

Получено / received 16.07.2020

Принято / accepted 23.09.2020

Семантический анализ с опорой на умозаключения в функциональной модели языка

© 2021

Игорь Михайлович Богуславский

Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН, Москва, Россия;
Мадридский политехнический университет, Испания; bogus@iitp.ru

Аннотация: Описывается модель семантического анализа (SemETAP), задача которого — строить семантические структуры предложений русского языка. Эта модель представляет собой новую опцию лингвистического процессора ETAP-4 и использует некоторые его лингвистические знания. Мы исходим из того, что чем больше разнообразных следствий мы можем извлечь из текста, тем лучше мы его поняли. Поэтому, интерпретируя предложение, модель стремится вывести все следствия, которые допускают ее знания. Эти следствия относятся к двум типам — строгие импликации и правдоподобные ожидания (импликатуры). Мы описываем разные типы знаний, которыми располагает модель (как языковые, так и внеязыковые), и показываем, как они используются при интерпретации предложения. В частности, мы разбираем некоторые проблемы референции, сложные для автоматического анализа, и показываем, как наша модель помогает с ними справиться.

Ключевые слова: автоматический анализ текста, искусственный интеллект, логико-семантические отношения, референция, семантика

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования (грант № 075-15-2020-793).

Для цитирования: Богуславский И. М. Семантический анализ с опорой на умозаключения в функциональной модели языка. *Вопросы языкознания*, 2021, 1: 29–56.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.1.29-56

Semantic analysis supported by inference in a functional model of language

Igor M. Boguslavsky

Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow, Russia;
Universidad Politécnica de Madrid, Spain; bogus@iitp.ru

Abstract: We describe a model of semantic analysis (SemETAP) aiming at producing semantic structures of Russian sentences. The model is a new option of the ETAP-4 linguistic processor and reuses some of its linguistic knowledge. We believe that the more inferences we can draw from a text, the better we understand it. Therefore, the model tries to make all the inferences its knowledge allows us to make. The inferences are of two types: strict implications and plausible expectations (implicatures). We describe different types of knowledge, both linguistic and extralinguistic, which the model has at its disposal, and show how this knowledge can be used for text understanding. In particular, we discuss some issues related to reference, which are difficult for automatic analysis and show how SemETAP helps cope with them.

Keywords: artificial intelligence, logical-semantic relations, natural language processing, reference, semantics

Acknowledgements. The paper is supported by the Russian Ministry of Science and Higher Education (project No. 075-15-2020-793).

For citation: Boguslavsky I. M. Semantic analysis supported by inference in a functional model of language. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 1: 29–56.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.1.29-56

1. Вводные замечания

1.1. Компьютерная лингвистика и обработка естественного языка

В этой статье речь пойдет о компьютерной семантике — сфере, практически не представленной в традиционных лингвистических журналах. Поэтому представляется уместным предварить наш рассказ небольшим введением, обрисовывающим фон, на котором его следует воспринимать.

Компьютерная семантика входит в более широкую дисциплину под названием компьютерная лингвистика, под которой понимается обширная и разнородная область, охватывающая многообразные применения компьютерных инструментов и методов к естественному языку. К сожалению, в последние десятилетия в этой области наблюдается тенденция к размыванию границы между фундаментальной наукой и инженерией и сползанию фундаментальной науки в сторону инженерии. Тем не менее эту границу не стоит терять из виду. Следует различать «компьютерную лингвистику» (computational linguistics, CL) и «обработку естественного языка» (natural language processing (NLP), также известную как «языковая инженерия», natural language engineering). Компьютерную лингвистику естественно понимать как фундаментальную науку, задачей которой является изучение естественного языка и феномена владения естественным языком методом компьютерного моделирования. Обработка естественного языка — это скорее область инженерии, основная цель которой — разрабатывать полезные приложения, связанные с естественным языком. Таких приложений множество. Это, например, машинный перевод, информационный поиск, извлечение информации из текстов, программы в помощь автору, такие как орфографический или грамматический корректор, распознавание устной речи, автоматическое определение «тональности текста» и др. Разумеется, эти два направления тесно связаны, и термины «компьютерная лингвистика» и «обработка естественного языка», особенно в англоязычном варианте natural language processing, часто употребляются как синонимы. Тем не менее их целесообразно различать, поскольку у этих направлений существенно разные задачи. Сошлемся здесь на мнение классика компьютерной лингвистики Мартина Кэя, который в своем выступлении на церемонии вручения ему премии Lifetime Achievement Award от Ассоциации компьютерной лингвистики подчеркивал: “Computational linguistics is not natural language processing. Computational linguistics is trying to do what linguists do in a computational manner, not trying to process texts, by whatever methods, for practical purposes. Natural language processing, on the other hand, is motivated by engineering concerns. I suspect that nobody would care about building probabilistic models of language unless it was thought that they would serve some practical end” [Kay 2005, 429].

В качестве примера различия подходов возьмем тексты репортажей о футбольных матчах. Это массив текстов, очень интересный с точки зрения моделирования семантики, и ниже мы не раз будем к ним обращаться. Популярная задача для NLP — это information extraction, представляющая собой извлечение из свободного текста строго определенной информации и представление ее в структурированном виде. В данном случае типичная постановка задачи состоит в том, чтобы автоматически выявить из текста репортажа

основные параметры матча, например, какая команда победила и с каким счетом, кто забил голы и на какой минуте, а также представить эту информацию в удобном для восприятия виде, например, в виде таблицы [van Oorschot et al. 2012]. Понятно, что для этой задачи важно суметь опознать событие гола, как бы это событие ни было представлено в тексте. С точки зрения данной задачи такие разные выражения, как *открыть счет*, *сравнять счет* и *отыграть один мяч* представляют собой просто сообщения о том, что был забит один гол. Все, что выходит за рамки запрашиваемой информации, остается невосстановленным и не анализируется.

С другой стороны, если посмотреть на текст репортажа с более широкой точки зрения — с точки зрения понимания текста в целом — то окажется, что помимо утверждения о голе эти выражения содержат и другие компоненты значения. Так, *открыть счет* означает не просто забить гол, но и то, что этот гол — первый в матче. Выражение *сравнять счет* означает не только то, что гол был забит, но и то, что в результате этого счет стал равным. Выражение *отыграть один мяч* означает ‘забить гол в ситуации, когда забивающая команда имела меньше забитых голов, чем ее соперник, а в результате этого гола разница в количестве забитых голов уменьшилась на единицу’.

Итак, для задачи information extraction интерес представляют только те несколько компонентов значения, которые были заранее объявлены существенными и которые, по некоторым данным, составляют обычно не более 10 % всего содержания текста. При моделировании понимания текста идеалом является весь объем сведений, который может извлечь из текста человек, хорошо владеющий не только языком, но и всем комплексом внеязыковой информации, необходимой для адекватного понимания. Разумеется, эта задача в полном объеме неразрешима, но она задает тот ориентир, к которому следует стремиться.

1.2. Компьютерная лингвистика и лингвистика

Благодаря успехам машинного обучения и по ряду других причин за последние 20–25 лет интерес к теоретическим проблемам языка в компьютерно-лингвистическом сообществе значительно ослаб, и вместе с ним ослабли связи с лингвистикой как таковой. Компьютерная лингвистика в значительной степени превратилась в прикладную статистику [Wintner 2009]. Большая часть работ, представляемых на основных компьютерно-лингвистических конференциях, таких как ACL, EMNLP, IJCNLP, CoNLL, COLING и CicLing, обсуждают инженерные решения практических задач методом машинного обучения. Крайнее выражение этой тенденции, которое автору довелось услышать от одного из ее убежденных сторонников, звучит так: «Соотношение компьютерной лингвистики и просто лингвистики похоже на соотношение самолетостроения и орнитологии. Когда-то самолетостроение оторвалось от орнитологии и больше никогда к ней не вернется. Точно так же пришло время для того, чтобы компьютерная лингвистика оторвалась от лингвистики».

Тем не менее можно наблюдать и тенденцию к сближению между компьютерной лингвистикой, с одной стороны, и лингвистикой теоретической и описательной, с другой. Такое сближение идет в основном в двух встречных направлениях. Первое из них можно назвать «лингвистика для компьютерной лингвистики». Растет число работ, которые демонстрируют, что учет лингвистических знаний может повысить эффективность компьютерно-лингвистических приложений. Чаще всего это принимает форму включения синтаксических и семантических характеристик в число параметров, учитываемых при машинном обучении, вдобавок к более простым морфологическим и позиционным характеристикам. Обзор таких работ можно найти в [Толдова, Ляшевская 2014]. Сюда же можно отнести точку зрения, согласно которой роль лингвистов в компьютерно-лингвистическом

процессе состоит в создании разного рода размеченных корпусов, на базе которых будет проводиться машинное обучение.

Второе направление можно квалифицировать как «компьютерную лингвистику для лингвистики». Здесь речь идет о работах, показывающих, как можно использовать компьютерные методы для решения традиционных задач языкознания, которые трудно решить обычными методами [Nerbonne 2007; Бонч-Осмоловская 2016]. В первую очередь здесь можно говорить об анализе многофакторных явлений, для которых невозможно построить строгие правила. Хорошим примером такой задачи является задача предсказания выбора варианта в дативной конструкции в английском языке (*John gave Mary a book — John gave a book to Mary*). Хорошо известно, что на этот выбор влияет целая серия параметров, нередко конфликтующих друг с другом. Методика машинного обучения позволяет определить относительный вес каждого из параметров и связь этих весов с результирующим предсказанием [Bresnan, Ford 2010]. Интересный результат из области лингвистической типологии получен в работе [Daumé III, Campbell 2007], в которой методы машинного обучения применяются к данным Всемирного атласа лингвистических структур, в результате чего выявляются лингвистические универсалии. В [Nerbonne 2007] приводятся примеры плодотворного применения компьютерных методов в диалектологии, диахронной лингвистике, при изучении усвоения языка и языковых контактов.

В настоящей статье мы хотели бы продемонстрировать несколько другую перспективу для взаимодействия теоретической и компьютерной лингвистики — построение реализованной на компьютере модели языка, имитирующей основные языковые способности человека — говорение (синтез текста) и понимание (анализ текста). С одной стороны, такую задачу следует считать безоговорочно находящейся в сфере ответственности лингвистики как фундаментальной науки — ведь речь идет о построении модели явления, которое составляет главный объект ее изучения. С другой стороны, эта задача решается методом построения компьютерной системы и тем самым с не меньшим основанием относится к области компьютерной лингвистики в том ее понимании, о котором мы говорили выше. Здесь еще раз уместно сослаться на М. Кэя, который призывал компьютерных лингвистов не терять из виду центральной роли исследований языка: «Language (...) remains a valid and respectable object of study, and I earnestly hope that [computational linguistics] will continue to pursue it» [Kay 2005, 438].

Над такой моделью под названием ЭТАП-4 коллектив Лаборатории компьютерной лингвистики Института проблем передачи информации РАН работает в течение длительного времени. По ряду причин внешнего характера, обусловленных тем, что работа начиналась в рамках отраслевого информационного института Министерства электротехнической промышленности, эта модель долго позиционировалась как система машинного перевода, но по существу главной целью коллектива, руководимого Ю. Д. Апресяном, была фундаментальная задача построения действующей модели анализа и синтеза текста. Общая концепция этой модели и многие фрагменты публиковались по ходу работы (см., например, [Апресян и др. 1989; 1992; 2010]). В этой статье мы хотели бы рассказать о новой части модели, которой мы занимаемся в последние годы. Это семантика, точнее — семантический анализатор¹. Его задача — строить семантические структуры предложений русского языка, представляющие значение этих предложений эксплицитным образом. Существенно, что это значение включает в себя значительное количество умозаключений, надежных или предположительных, которые можно сделать на основе всех доступных модели знаний, как лингвистических, так и лежащих вне языка. Поскольку наше изложение предназначено для лингвистов, мы будем избегать технических деталей и сосредоточимся на содержательной стороне дела. Более подробное изложение разных фрагментов работы можно найти

¹ Пользуюсь случаем, чтобы с удовольствием и благодарностью перечислить непосредственных участников работы над семантическим анализатором. Это В. Г. Диконев, Е. И. Иншакова, Л. Л. Иомдин, А. В. Лазурский, И. П. Рыгаев, С. П. Тимошенко и Т. И. Фролова.

в [Boguslavsky et al. 2016; 2018; 2020; Boguslavsky 2017]. Тех читателей, которые интересуются формальными аспектами проекта — архитектурой модели, алгоритмами, формальными языками для записи лингвистических данных, механизмом вывода следствий и пр., — мы отсылаем к публикациям [Апресян и др. 1992; Rygaev 2017; 2018; Boguslavsky et al. 2019]. В настоящей статье мы видим свою задачу в том, чтобы показать, в каком направлении развивается наша модель естественного языка, какие новые черты она приобретает в ходе построения семантического модуля и какие новые задачи они позволяют решить.

План дальнейшего изложения будет следующим. В разделе 2 будет описана постановка задачи. Здесь мы постараемся обосновать наш подход к моделированию семантики, отличающийся от *mainstream*. Затем мы перейдем непосредственно к нашей модели. В разделе 3 мы дадим ее общий обзор, а в разделе 4 остановимся на ее важнейших особенностях: используемых языковых и внеязыковых знаниях, типах следствий и способах их извлечения и принципах семантического разложения. В разделе 5 мы покажем, как наша модель позволяет справиться с некоторыми сложными проблемами референции.

2. Постановка задачи: семантический анализ текстов с использованием разных источников информации

2.1. Машинное обучение, нейронные сети и подход, основанный на знаниях

Как мы упоминали в предыдущем разделе, *mainstream* современной компьютерной лингвистики и, в частности, компьютерной семантики образуют работы, основанные на машинном обучении и в особенности на нейронных сетях (*data-based approach*). Модель, которую строим мы, не принадлежит к этому направлению. Наш подход состоит в том, чтобы использовать эксплицитные знания, сообщенные системе человеком (*knowledge-based approach*). В настоящее время эти два подхода довольно резко противопоставлены, хотя есть признаки того, что они сближаются и в конечном итоге сольются.

Следует объяснить, на чем основывается наш выбор. Во многих случаях выбор парадигмы определяется задачей, которую исследователи перед собой ставят. Скажем, если мы хотим научить компьютер определять, какие слова близки по значению, а какие стоят дальше друг от друга и насколько, то для этого хорошо подойдут методы дистрибутивной семантики и глубокого обучения, опирающиеся на частоту употребления слов в определенных контекстах [Schutze 1992; Turney, Pantel 2010; Kutuzov, Andreev 2015]. Если же наша задача требует не просто установления факта семантической близости слов, но и выявления того, что именно слова значат и в чем состоят различия между ними (а полная модель языка, безусловно, должна включать и такое знание — ср. [НОСС 2004]), то эти методы нам вряд ли помогут. Аналогично, если нашей целью является только получение конкретного полезного приложения (например, системы, способной строить синтаксические структуры предложений или переводить текст с одного языка на другой), то, скорее всего, предпочтительным инструментом будут нейронные сети. Если же мы хотим, чтобы наше описание некоторого лингвистического явления или фрагмента языка было объяснительным и, например, давало возможность сравнить его с аналогичным явлением другого языка или того же языка, но в другой период времени, то модель, основанная на машинном обучении, нам не подойдет, поскольку она не будет столь прозрачной, какой может быть модель, основанная на знаниях. На сегодня при прочих равных условиях лингвистическая модель, основанная на знаниях эксперта, обладает большей объяснительной силой, чем модель, полученная с помощью машинного обучения, по крайней мере, при современном уровне технологии.

Близкие соображения высказываются и со стороны компьютерной науки. При всех успехах машинного обучения, в последнее время нарастает неудовлетворенность его непрозрачностью. Появился новый термин — «прозрачный искусственный интеллект» (explainable (interpretable, transparent) Artificial Intelligence), который объединяет разнообразные попытки сделать работу искусственного интеллекта понятной человеку (см. [Došilović et al. 2018; Ribeiro et al. 2016], а также материалы конференции IJCAI 2017 Workshop on Explainable Artificial Intelligence). Эрик Мюллер, известный специалист в области искусственного интеллекта и автоматизации умозаключений, основанных на обыденной логике (common sense reasoning), посвятил этой проблеме книгу под названием «Transparent computers: Designing understandable intelligent systems» [Mueller 2016], в которой настаивает, что интеллектуальные системы должны стать более прозрачными и открытыми для понимания человеком. Пользователи должны иметь возможность понимать, почему компьютер пришел к тому или иному выводу или предпринял те или иные действия. Поэтому интеллектуальные системы должны быть способны рассуждать как люди, они должны использовать понятия, знакомые людям, и оперировать ими понятным людям образом. Компьютеры должны быть способны объяснить человеку ход своих рассуждений, так чтобы он мог решить, следует ли ему принять или отвергнуть совет, предлагаемый системой. С такой системой пользователю работать удобнее, и он больше ей доверяет. К сожалению, нейронные сети, которые постепенно становятся основным инструментом компьютерной лингвистики, при всех своих достоинствах, лишены прозрачности и представляют собой «черный ящик». Пользователь не знает, что они делают и на чем основываются их выводы. В то же время так называемые символичные подходы в значительной степени обладают прозрачностью и интерпретируемостью. Если ограничиваться областью компьютерной семантики, то можно назвать такие подходы, как Cys [Lenat 1995], OntoSem [Nirenburg, Raskin 2004], Event Calculus [Mueller 2006] и Компрено [Anisimovich et al. 2012]. Они представляют знания эксплицитным образом и оперируют ими так, что людям вполне по силам проследить за ходом умозаключений. Наша система, о которой мы будем говорить ниже, также находится в русле этой традиции. Ее задача — моделирование понимания текста посредством умозаключений, и для такой задачи особенно важно, чтобы человеку было понятно, на основе каких фактов и правил система строит свои выводы.

Поясним сказанное на примере. Рассмотрим задачу разрешения анафоры в специальном классе предложений, которые требуют привлечения фоновых знаний (background knowledge) о мире (подробнее о ней будет рассказано ниже в разделе 5.4). Эта задача известна под именем Winograd Schema Challenge. В целом ряде исследований такие предложения используются для тестирования способности системы использовать фоновые знания. Так, в статье [Peng et al. 2015] приводится пример *Bill was robbed by John, so the officer arrested him* ‘Билл был ограблен Джоном, и полицейский арестовал его’ и рассказывается, каким образом предлагаемый авторами метод обнаруживает, что антецедентом местоимения *him* ‘его’ является Джон, а не Билл. Коротко говоря, этот метод опирается на то, что объектом ареста чаще бывает агент ограбления, чем его жертва, и эту информацию можно извлечь из больших корпусов текстов с помощью статистической обработки. Однако даже если эта информация доступна, она говорит лишь о том, что бывает чаще, но не предлагает никакого объяснения того, почему одно положение вещей более частотно и естественно, чем другое. Таким объяснением могла бы служить демонстрация того, что выбранное положение вещей больше согласовано с семантикой слов и фоновыми знаниями, чем альтернативное. В данном примере это могло бы выглядеть так. Арест представляет собой ограничение свободы лица, которое совершило преступление или подозревается в этом. Объект ареста совпадает с агентом преступления не потому, что так случается часто, а потому, что это вытекает из определения понятия арест. Ограбление принадлежит к классу преступлений, а значит, и сказанное выше об агенте преступления распространяется и на агента ограбления. Следовательно, естественно, что аресту подвергается тот, кто совершил ограбление.

Понятно, что для того чтобы сформулировать такое умозаключение, необходимо располагать эксплицитными знаниями и уметь ими манипулировать. Однако выявление и накопление таких знаний представляет собой большую проблему, на которой мы остановимся в следующем разделе.

2.2. Откуда брать фоновые знания?

Подход к моделированию понимания текста, основанный на знаниях, предполагает, что фоновые знания, по крайней мере, значительная их часть, должны быть представлены эксплицитно. Имеется много попыток извлекать такие знания из больших массивов текстов автоматически, но эти попытки пока не открыли возможности получать нетривиальные знания. Возможно, этот подход в конечном счете и приведет к успеху, но, пока этого не произошло, нам представляется заманчивым другой путь.

Мы исходим из того, что формализация нетривиального массива фоновых знаний может быть получена путем кропотливой ручной работы, заключающейся в последовательном построении различных фрагментов «наивной картины мира». Можно надеяться, что таким образом будет построено некоторое приближение к полной картине. Это длинный путь, и мы находимся близко к его началу, так что ожидать быстрого достижения цели не приходится. Разумеется, наши сомнения относительно реалистичности автоматического построения полной модели нисколько не препятствуют тому, чтобы включать в общую копилку знаний те фрагменты, которые удастся получить автоматически. В первую очередь это касается базовых онтологических соотношений («дуб — дерево») и знаний об индивидах («Дмитрий Шостакович — композитор и пианист, родился в 1906 году в Санкт-Петербурге»), которые уже сейчас легко автоматически извлекаются из Википедии и других общедоступных массивов знаний. Однако основной объем фоновых знаний разрабатывается вручную.

На сегодняшний день имеется несколько попыток формализации разных фрагментов фоновых знаний человека (микротеорий), начиная с весьма узких сценариев типа разбиения яйца и выливания его содержимого в сосуд [Morgenstern 2001] и заканчивая достаточно широкими фрагментами «наивной картины мира», такими как эмоции, межличностные отношения, наивная психология, каузальность, изменение состояния и др. [Gordon, Hobbs 2004; 2011; Hobbs, Gordon 2008; 2010; Gordon et al. 2011; Hobbs et al. 2012; Montazeri, Hobbs 2011; 2012; McShane et al. 2009]. Формализация мира острых событий футбольного матча описана в работе [Boguslavsky et al. 2018]. Однако пока количество таких фрагментов совершенно недостаточно для покрытия текстов общей семантики.

3. Семантический модуль системы ЭТАП-4: SemETAP

Как упоминалось выше, Лаборатория компьютерной лингвистики ИППИ РАН разработала компьютерную систему ЭТАП-4, представляющую собой функциональную модель языка, реализующую понимание (анализ) и порождение (синтез) текста. Теоретической основой для этой системы являются модель «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст» И. А. Мельчука и теория интегрального описания языка Ю. Д. Апресяна.

Основные постулаты, заимствованные нами из этих теорий, можно сформулировать в виде двух положений:

1. Соответствие между текстом и его семантическим представлением устанавливается через ряд промежуточных уровней. Переход от одного уровня к другому осуществляется с помощью специальных правил, записанных на формальном языке.

2. Лингвистические знания модели распределены между двумя источниками: грамматикой и словарем. Грамматика представляет собой совокупность общих правил, преобразующих структуру предыдущего уровня в структуру последующего уровня. Словарь содержит разнообразную информацию о каждом слове, которая может потребоваться для выполнения правил.

Естественно, что при создании модели, которая должна функционировать на компьютере, некоторые компоненты теории остались не реализованными, а некоторые другие потребовали более детальной проработки. В частности, пришлось разработать формальные языки для записи лингвистической информации, которые были бы, во-первых, удобны для лингвистов, а во-вторых, допускали бы эффективную алгоритмическую обработку.

Поскольку нашим главным предметом в данной статье является семантический компонент модели ЭТАП-4, мы не имеем возможности характеризовать здесь все компоненты этой модели. Читателей, интересующихся описанием других компонентов, отсылаем к работам, упоминавшимся выше². А мы перейдем непосредственно к семантическому модулю. Этот модуль вступает в действие после того, как отработали начальные этапы обработки предложения, которые осуществляют три последовательные операции:

1. Морфологический анализ, преобразующий исходное предложение в его морфологическую структуру (МорфС), в которой каждое слово представлено в виде словарной формы (леммы), снабженной полным набором морфологических характеристик.
2. Синтаксический анализ³, преобразующий МорфС предложения в его синтаксическую структуру (СинтС). Она представляет собой дерево зависимостей, узлами которого являются леммы с морфологическими характеристиками, а ребрами — имена синтаксических отношений данного языка.
3. Нормализация, преобразующая СинтС предложения в его нормализованную синтаксическую структуру (НормСинтС), которая отличается от СинтС тем, что в ней элиминированы некоторые лексико-синтаксические особенности исходного предложения, такие как синтаксически обусловленные предлоги и союзы, обрабатываются аналитические формы глагольных времен и сравнительной и превосходной степени прилагательных и наречий, отыскиваются значения лексических функций, антецеденты анафорических местоимений и проводятся некоторые другие операции, приближающие СинтС к семантической структуре.

После этих предварительных этапов осуществляется собственно семантический анализ. Его задача — семантическая интерпретация предложения. Она осуществляется с использованием широкого спектра лингвистических и нелингвистических знаний и заключается в последовательном построении двух типов семантических структур — Базовой семантической структуры (БСемС) и Расширенной семантической структуры (РСемС). Первая из них отражает непосредственное значение предложения, а вторая обогащает первую разнообразными следствиями. Оба типа структур строятся из элементов онтологии — особого ресурса, который представляет собой структурированное представление объектов внешнего мира и их свойств, о котором мы расскажем ниже.

² Саму систему ЭТАП-4 можно скачать для научных или педагогических целей на странице <http://proling.iitp.ru/software>.

³ Морфологический и синтаксический анализ реализованы в виде самостоятельного модуля — синтаксического анализатора SyntETAP. Это одна из наиболее полных и эффективных из существующих компьютерных моделей русского синтаксиса, с помощью которой был создан глубоко размеченный корпус СинТагРус, составляющий интегральную часть Национального корпуса русского языка (<http://ruscorpora.ru/new/instruction-syntax.html>).

Надо сказать, что уже в ходе синтаксического анализа и нормализации предложения используется значительное количество семантической информации. Это и семантические признаки слов, и семантические требования предикатов к заполнению валентностей, и семантические ограничения на насыщение позиций в определенных конструкциях, и лексические функции модели Смысл $\Leftrightarrow$ Текст. Однако всего этого недостаточно, для того чтобы можно было говорить о полноценном семантическом компоненте модели понимания текстов. Распространение модели на уровень семантики потребовало решения нескольких новых задач. Среди них было выделено три приоритетных направления:

- Разложение сложных значений на более простые компоненты.
- Объединение языковой и внеязыковой информации.
- Извлечение разнообразных следствий.

Ниже мы остановимся на этих направлениях подробнее.

4. Знания, имеющиеся в распоряжении SemETAP

SemETAP располагает значительным объемом знаний, которые распределены между несколькими ресурсами. Языковые знания хранятся в морфологическом и комбинаторном словарях и в нескольких массивах правил. Внеязыковые знания сосредоточены в онтологии, базе индивидов и массиве правил вывода. Ниже мы коротко расскажем обо всех этих знаниях и начнем с внеязыковых знаний.

4.1. Онтологические знания SemETAP: онтология и база индивидов

4.1.1. Онтология

Основным инструментом для записи внеязыковой информации является «онтология». Этот термин был позаимствован информатикой из философии и обозначает формальную модель некоторой области знаний, показывающую, какие сущности функционируют в этой области, каковы их свойства и как они связаны между собой. Онтологии широко используются в информатике и искусственном интеллекте для представления знаний, унификации терминологии, обмена данными, разработки вопросно-ответных систем, обеспечения совместимости между разнородными системами и базами данных и других задач. В нашем анализаторе онтология играет двоякую роль.

С одной стороны, она представляет собой хранилище структурированной информации о концептах⁴, а с другой стороны, служит метаязыком семантического описания. Это значит, что семантические структуры, порождаемые анализатором, строятся из онтологических элементов, а для того чтобы это было возможно, все значимые элементы естественного языка (лексические единицы, морфологические показатели, синтаксические конструкции) должны интерпретироваться в терминах этих элементов. Аналогичный подход принят в теории онтологической семантики [Nirenburg, Raskin, 2004].

⁴ В применении к онтологии термин «концепт» синонимичен термину «класс», и мы будем пользоваться обоими этими терминами.

Замечание. Мы не можем давать здесь обзор всех существующих в компьютерной семантике подходов к семантическому анализу. Упомянем еще лишь один популярный ресурс — FrameNet — лексическую базу данных для английского языка, основанную на семантике фреймов Ч. Филлмора, и сопряженный с ней корпус текстов. FrameNet описывает семантику посредством фреймов — концептуальных структур, связывающих событие и его участников посредством семантических ролей [Ruppenhofer et al. 2016]. FrameNet используется главным образом для того, чтобы соотнести слова предложения с соответствующим фреймом, обнаружить в предложении элементы фрейма и установить их семантические роли. Основное различие FrameNet и нашего подхода состоит в том, что наши описания концептов содержат, помимо фиксации семантических ролей, и много другой информации, как языковой, так и внеязыковой. Кроме того, во FrameNet семантическое описание фрейма выполнено неформально, на естественном языке и не предназначено для построения семантической структуры и автоматического извлечения следствий.

Концепты обозначают классы сущностей, и описание концепта характеризует все элементы этого класса. В каждый такой класс могут входить как другие классы (более частные концепты), так и индивидуальные объекты (индивиды). Так, описание концепта *City*⁵ характеризует «город вообще», а описание индивида *Moscow* наследует всю информацию о «городе вообще» и кроме того содержит релевантные сведения об этом конкретном индивиде. Подробнее об индивидах мы будем говорить в разделе 4.2.2.

Описать концепт онтологии значит, прежде всего, указать, какие отношения связывают данный концепт с другими онтологическими элементами. Основное отношение, устанавливаемое между концептами онтологии, — это отношение класс/подкласс (*isA*). Это отношение связывает, например, концепт *SocialRole* («социальная роль») и более узкий концепт *Position* («должность»), концепт *Human* («человек») и *Woman* («женщина»), концепт *Urging* («побуждение») и *Request* («просьба») и т. д. Отношение класс/подкласс формирует иерархическую сеть концептов. В вершине этой сети находится исходный концепт *Thing*, имеющий два подкласса — ситуации в широком смысле (*Event*) и объекты тоже в широком смысле (*Object*). Все остальные концепты непосредственно или опосредованно входят в эти классы.

Помимо отношения класс/подкласс в онтологии используется и ряд других отношений, которые описывают разные свойства концептов. Наверное, наиболее ожидаемые лингвистами свойства концептов — это семантические валентности. Например, концепту *Giving* «давать» приписаны отношения *hasAgent*, *hasObject* и *hasRecipient*, а концепту *Gratitude* «благодарность» — отношения *hasExperiencer* «кто благодарен», *hasObject* «кому» и *hasStimulus* «за что». Эти отношения представляют собой привычные семантические роли. Есть и другие, невалентные, отношения, с помощью которых описывается множество других свойств объектов. Например, концепту *Human*, среди прочих, приписаны такие отношения, как *hasFirstName*, *hasFamilyName*, *hasBirthDate*, *hasBirthPlace*, *hasNationality*, *hasHomeAddress* и т. п. Про каждое отношение сообщается, какого рода сущности оно может присоединять к данному концепту. Например, отношение *hasBirthDate* присоединяет дату, отношение *hasBirthPlace* — географический объект, а отношение *hasFirstName* — произвольную цепочку букв. Несколько упрощая, можно сказать, что описание концепта включает в себя нечто вроде анкеты, задающей свойства объектов данного класса, существенные с точки зрения тех задач, для которых разрабатывается онтология (хотя в общем случае описание концепта такой анкетой не исчерпывается). Так, набор отношений, приписанных концепту *Human*, говорит о том, что для людей существенны такие свойства, как, например, имя, фамилия, дата и место рождения и домашний адрес. Значения этих свойств *Human* не фиксированы: у разных людей эти свойства могут принимать разные значения.

⁵ Здесь и ниже, цитируя онтологические элементы, мы будем иметь в виду конкретную онтологию *OntoETAP*, разработанную для проекта *SemETAP*.

Между тем существуют свойства, которые имеют фиксированные значения. Например, значением свойства *hasNumberOfLegs* у того же концепта *Human* (если бы мы захотели такое свойство ввести) было бы конкретное число 2, поскольку все объекты, входящие в класс *Human*, характеризуются именно этим значением данного свойства.

Лингвистической аналогией отношениям с нефиксированными значениями могут служить семантические валентности слов. Подобно тому, как словарь русского языка говорит нам, что у глагола *давать* есть валентности агента, пациенса и реципиента, онтология говорит, что у концепта *Human* есть слоты⁶ *hasFirstName*, *hasFamilyName*, *hasBirthDate*, *hasBirthPlace*, *hasNationality*, *hasHomeAddress* и т. п. Можно утверждать, что если слову соответствует некоторый концепт, то семантической валентности слова всегда отвечает определенный слот этого концепта, но обратное неверно. Онтологические слоты не всегда соответствуют семантическим валентностям слов. Для случая *давать* / *Giving* такое соответствие есть, а для случая *человек* / *Human* его нет. Слотам *hasFirstName*, *hasBirthDate* и т. п., разумеется, не соответствуют семантические валентности *человек*.

Однако аналогию между онтологическими слотами и семантическими валентностями слов полезно иметь в виду.

Свойства концептов могут описываться не только как значение того или иного слота (типа *Blood hasColor Red*), но и более сложным образом. Например, описание концепта помощи (см. раздел 5.4, рис. 3) содержит информацию о том, что бенефициар помощи хочет достичь некоторой цели, и что достичь ее ему трудно; агент помощи делает нечто, что облегчает для бенефициара достижение его цели; эти действия агента оцениваются как благоприятные для бенефициара.

Важная особенность онтологий состоит в том, что все свойства классов наследуются их подклассами. Так, концепты *Man*, *Woman*, *Boy*, *Girl* и т. п. являются подклассами концепта *Human* и в силу этого автоматически наследуют отношения *hasFirstName*, *hasBirthDate*, *hasBirthPlace*, *hasNationality* и т. п. Это позволяет строить более компактные описания концептов, содержащие только ту информацию, которая отличает данный концепт от вышележащего.

Чтобы дать более полное представление о том, какая информация включается в онтологическое описание концепта, перечислим основные аспекты, которые надо принимать во внимание при описании предметов (*PhysicalObject*):

- части *PhysicalObject*: обязательные (*птица — крыло, дом — крыша*) или типичные (*дом — чердак, подвал, погреб*);
- то, для чего *PhysicalObject* является частью (*окно — строение, транспорт*);
- типичные размеры *PhysicalObject* (длина, ширина, высота);
- типичная форма *PhysicalObject* (*таблетка — круглая*);
- типичный цвет *PhysicalObject* (*яблоко — красное, зеленое, желтое*);
- главное предназначение *PhysicalObject* (*топор — рубить, нож — резать, ручка — писать, еда — съедать, напиток — пить*);
 - здесь надо указать не только соответствующее действие, но и ту роль, которую в нем играет характеризующий концепт. Например, топор является для рубки инструментом, а напиток для питья — объектом.
- типичный материал или предмет, из которого *PhysicalObject* состоит или делается (*книга — бумага, обложка — картон, сок (фруктовый) — фрукт, курица — курица*);

⁶ Слот — это приблизительный аналог лингвистического понятия валентности, используемый в работах по представлению знаний. Слот концепта представляет собой позицию, в которую могут помещаться онтологические элементы, выполняющие относительно концепта определенную семантическую роль.

- вещи, которые типично делаются из `PhysicalObject` (свойство, обратное к материалу) (*фрукт — сок, молоко — сыр, древесина — мебель, золото — ювелирные изделия*);
- типичное местонахождение `PhysicalObject` (*рыба — в естественном водном ресурсе или в аквариуме, фрукты — в саду, морошка — в тундре*);
- типичное происхождение `PhysicalObject` (*авокадо — южный регион, камамбер — Франция*);
- частые ситуации с участием `PhysicalObject` (отличные от его главного предназначения): *топор — забивать гвозди* (Инструмент), *нож — убивать* (Инструмент), *курица — готовить в пищу* (Объект), *кормить* (Объект), *откладывать яйца* (Агент).

По полноте и детальности описания концептов сближаются со словарными толкованиями слов, но часто превосходят их по объему сообщаемых внеязыковых знаний. Однако эти описания не должны дублировать энциклопедический словарь. Мы стремимся включать в описание только такую внеязыковую информацию, которая может быть полезной для умозаключений (подробнее ниже в разделе 4.3), хотя, разумеется, четкую границу провести здесь очень сложно.

Приведем (несколько упрощенный) пример онтологического описания концепта Библиотека (`Library`) — рис. 1. Мы дадим описание на формальном языке `Etag`, который был специально разработан для `SemETAP`, с необходимыми комментариями.

```
[1] Library ?library
[2] ->
[3] ?library
[4]   isA ClientServingOrganization
[5]   hasManager(Human)
[6]   hasUser(Human ?user)
[7]   hasInStaff(Human ?librarian
                hasRole LibrarianRole)
[8]   belongsTo(Thing
                hasAlternative(Organization)
                hasAlternative(GeopoliticalUnit))
[9]   hasFunction
        ((Lending ?lending)
         hasAgent ?librarian
         hasObject (ContentBearingObject ?material)
         hasRecipient ?user)
[10] hasUserAction(Using
                  has Agent ?user
                  hasObject ?material)
[11]   hasInStock (ContentBearingObject)
[12]   hasAboutness (Thing)
[13] Subrule 1:
      {?library hasAboutness ?topic
       ->
       ?library hasInStock (?book
                           hasAboutness ?topic) }
```

Рис. 1. Описание концепта `Library` в онтологии

Комментарии.

Строки [1]–[3] гласят: пусть объект `?library` входит в класс `Library`. Тогда этот объект обладает свойствами, перечисленными ниже. Записи, начинающиеся с символа `?`, обозначают переменные, и про каждую из них сообщается, сущность какого класса она обозначает. Так, в тексте описания фигурируют переменные `?user` и `?librarian`, и обе они обозначают некоторую сущность класса `Human` (см. строки [6] и [7]).

Строка [4]. Про каждый концепт надо сообщить, в какой более широкий класс он входит. Здесь сообщается, что `Library` входит в класс `ClientServingOrganization`. Этот класс включает в себя организации, функция которых состоит в оказании услуг клиентам. Наряду с `Library` к этому классу относятся концепты, обозначающие магазин, ресторан, поликлинику, школу и т. д. `ClientServingOrganization`, в свою очередь, входит в более широкий класс `Organization`.

Строка [5]. Здесь говорится, что в библиотеке есть руководитель, и эту роль выполняет некоторый элемент класса `Human`. Это свойство не является специфическим свойством библиотеки, а унаследовано от более широкого класса `Organization`, в который входит `ClientServingOrganization`, а значит и `Library`.

Строка [6]. Это свойство — иметь клиентов — также унаследовано от класса `ClientServingOrganization`.

Строка [7]. В штат библиотеки входит человек, выполняющий роль библиотекаря. А это — собственное свойство концепта `Library`. Оно не наследуется от вышележащих концептов.

Строка [8]. Здесь фиксируется, что библиотека имеет административное подчинение; она принадлежит либо организации (*факультетская, заводская библиотека*), либо географическому объекту, имеющему субъектность (*московская, городская, республиканская, районная, областная, краевая, сельская*).

Строка [9]. Функция библиотеки состоит в предоставлении клиенту на время информационных материалов (книг, периодики, аудио- и видеоматериалов и др.).

Строка [10]. Отношение `hasUserAction` описывает, как клиент пользуется данным объектом. В случае библиотеки действие клиента состоит в том, что он использует по назначению материалы, выданные библиотекой. Что означает «использование по назначению» зависит от используемого объекта и фиксируется в онтологическом описании самого этого объекта. Так, нормальное использование текстовых объектов (книг, газет, журналов) — это их чтение, аудиоматериалов — прослушивание, видеоматериалов — просмотр. Для других организаций из класса `ClientServingOrganization` действия клиента, естественно, другие. В магазине клиенты что-то покупают, в больнице — лечатся, в ресторане — едят приготовленную там пищу и т. п.

Строка [11]. Отношение `hasInStock` показывает, какой тип информационных материалов выдает данная библиотека (книги, периодика, ноты, карты, аудио- и видеоматериалы...).

Строка [12]. Отношение `hasAboutness` определяет тематику библиотеки.

Строка [13]. Здесь записано правило, гласящее, что если библиотека имеет некоторую тематику, то это значит, что такова тематика хранящихся в ней информационных объектов.

Такое описание не только задает существенные компоненты значения концепта, но и позволяет семантически интерпретировать ряд сочетаний слова *библиотека* с другими словами. Как известно, не всегда достаточно знать лексические значения слов, чтобы понять значение словосочетания. Особенно наглядно это обстоятельство проявляется в случае относительных прилагательных. Лексическое значение таких прилагательных, фиксируемое в словарях, часто весьма расплывчато. Прилагательное *московский* вряд ли имеет лексическое значение, более конкретное, чем просто ‘имеющий отношение к Москве’. При этом, встречая это слово в тексте, мы обычно придаем ему более содержательную интерпретацию. Для того чтобы то же мог делать семантический анализатор,

бывает достаточно привлечь внеязыковые знания, которые можно найти в онтологии. Покажем, как это работает, на примере описания библиотеки, приведенного выше. Многие сочетания существительного *библиотека* с относительными прилагательными допускают интерпретацию в терминах слотов концепта *Library*. Например, такие сочетания, как *детская, курсантская, офицерская, рабочая библиотека* заполняют слот, описывающий клиентов библиотеки (*hasUser*), сочетания *заводская, кафедральная, корпоративная, московская, полковая, провинциальная, российская, синодальная, тюремная, университетская, факультетская, церковная, школьная библиотека* соответствуют слоту, задающему административную принадлежность библиотеки (*belongsTo*), а сочетания типа *историческая, медицинская, музыкальная, педагогическая, политехническая, справочная, театральная библиотека* — ее тематику (*hasAboutness*). Для того чтобы эти интерпретации были доступны для семантического анализатора, требуется еще один шаг — установить соответствие между этими прилагательными и их ролями относительно *библиотеки*. Это делается посредством специальных правил в словарной статье *библиотека* (см. раздел 4.2).

4.1.2. База индивидов

Помимо концептов, обозначающих классы сущностей, важную роль играют индивиды — уникальные сущности, которые входят в некоторый класс, но сами подклассов не имеют. Так, *DonaldTrump* является индивидом класса *Human*. Если описание концепта *Human* можно представить себе как анкету, задающую релевантные параметры человека, то описание индивида *DonaldTrump* представляет собой ту же анкету, но уже заполненную. Пользуясь лингвистической аналогией, можно сказать, что у индивида *DonaldTrump* заполнены валентности, объявленные у концепта *Human*. Так, *Human* имеет слот *hasNationality*, который заполняется элементом класса *Nation*. В соответствии с этим у индивида *DonaldTrump* этот слот заполнен индивидом *UnitedStates*, входящим в класс *Nation*.

Индивиды столь же разнообразны, как и концепты. Они могут быть физическими объектами (*VolgaRiver*, *Paris*, *DonaldTrump*), абстрактными объектами (*Meter*, *Second*, *RussianRouble*), атрибутами (*True*, *False*), событиями (*WorldWarII*, *Olympics2014*).

Мы уже упоминали о том, что один из наших проектов состоял в работе над формализацией острых событий футбольного матча. В рамках этого проекта мы построили на основе общедоступного ресурса *DBpedia* обширную базу индивидов, включающую в себя сведения о более чем 200 тысячах индивидов, относящихся к онтологическим классам *Human*, *FootballTeam*, *TimeInterval*, *IndependentState*, *City* и *SportsLeague*. Про каждого игрока эти сведения включают в себя среди прочего имя, фамилию, место и дату рождения, страну, которую он представляет, команду, за которую выступает, футбольную специализацию (вратарь, защитник, нападающий ...), титулы, которые были завоеваны, и др.

4.2. Языковые знания SemETAP: комбинаторный словарь, правила

Рамки данной статьи не позволяют нам подробно остановиться на комбинаторном словаре (КС). Ограничимся минимальными пояснениями, тем более что принципы построения комбинаторного словаря подробно описаны в [Апресян и др. 1982; Богуславский, Иомдин 1982; Апресян 2008]. КС содержит несколько типов лексикографической информации, распределенной по разным зонам словарной статьи.

Синтаксические признаки описывают способность или неспособность слов участвовать в тех или иных синтаксических конструкциях. Модель русского синтаксиса, реализованная в системе, использует около 200 синтаксических признаков. Семантические признаки слов используются на всех этапах обработки предложения. К ним обращаются правила разных типов, прежде всего — правила проверки семантического согласования между предикатом и его актантами. В качестве семантических признаков используются концепты онтологии. Модель управления описывает способы выражения синтаксических актантов в терминах лексических, морфо-синтаксических и семантических ограничений. Особую зону словаря составляет зона лексических функций модели Смысл $\Leftrightarrow$ Текст.

Также особую зону словарной статьи образует информация, необходимая для перевода данной лексики на другой язык. Поскольку ETAP-4 представляет собой лингвистический процессор широкого профиля, некоторые из его опций предполагают перевод с одного языка на другой (рабочие языки системы: русский, английский, испанский, корейский, немецкий, язык-посредник UNL и семантический язык). Так, опция семантического анализа SemETAP осуществляет перевод с русского языка на семантический, и поэтому в словарных статьях русского КС имеется специальная семантическая зона, в которой содержится информация, необходимая для перевода на семантический язык самой этой лексики и некоторых типов ее зависимых.

Эта информация может быть нескольких типов. Прежде всего, необходимо указать семантический коррелят данной лексики. В самом простом случае это просто концепт. Например, *река* $\Rightarrow$ River. В более сложном случае эту роль выполняет правило, формирующее фрагмент семантической структуры, соответствующий данной лексеме, например:

тигрица $\Rightarrow$ Tiger hasGender Female ('тигр женского пола').

В еще более сложных случаях пишется одно или несколько правил, которые определяют семантический коррелят лексики в зависимости от контекста.

Как видно из этих примеров, концепты, служащие семантическим коррелятом лексики, представляют ее значение в виде «крупных блоков». Именно они фигурируют в Базовой семантической структуре (см. о ней выше, в разделе 3). С большей детальностью значение концептов описывается с помощью правил вывода (см. раздел 4.3), результат работы которых виден на следующем уровне, в Расширенной семантической структуре.

Помимо формулировки семантического коррелята лексики, ее словарная статья задает семантическую интерпретацию некоторых типов слов, связанных с данной лексемой. В первую очередь это касается ее актанных связей, которые нужно проинтерпретировать в терминах онтологических отношений. Например, у глагола *доставлять* подлежащее присоединяется отношением hasAgent (*почтальон доставляет*), первое (прямое) дополнение — отношением hasObject (*доставляет письма*), второе дополнение — отношением hasRecipient (*доставляет жителям*), третье — отношением hasTerminalPoint (*доставляет в деревню*), четвертое — отношением hasStartingPoint (*доставляет из города*), а пятое — отношением hasInstrument (*доставляет на мотоцикле*). Семантическим коррелятом прилагательного *больной* является концепт PathologicProcess (который участвует в семантическом представлении и сотен других слов, таких как *болезнь*, *боль*, *воспаление*, *аллергия*, *ангина*, *заражать*, *кашель*, *лечить* и др.). В таких сочетаниях, как *больной человек* и *больное сердце*, семантический коррелят определяемого существительного присоединяется к концепту PathologicProcess разными отношениями в зависимости от семантического класса существительного. Если это существительное относится к классу живых существ, то выбирается отношение hasExperiencer. Если оно обозначает часть тела или орган, — то отношение hasObject.

В качестве иллюстрации приведем словарную статью лексики *библиотека* (рис. 2). Обращаем внимание читателей на то, что интерпретация сочетаний лексики *библиотека* с относительными прилагательными, о которой мы говорили выше, дается в семантической зоне словарной статьи (ZONE: SEM).

ENTRY:БИБЛИОТЕКА

POR:S

SYNT:ЖЕНСК,ИСЧИСЛ,АГЕНС

DES:ContentBearingObject,Collection,PhysicalObject,Agent,AbstractObject,Organization

SEM-TRANS:Library

GPATTERN

1.1 РОД,Agent

2.1 РОД,^Agent

LEXFUNCS

_A0:БИБЛИОТЕЧНЫЙ

_MAGN:БОЛЬШОЙ/БОГАТЫЙ

_ANTIMAGN:НЕБОЛЬШОЙ/БЕДНЫЙ

_LABREAL1-2:ЧИТАТЬ<B2>

_REAL2:БЫТЬ<B2>/ИМЕТЬСЯ<B2>/ХРАНИТЬСЯ<B2>

_INCEPREAL2:ПОСТУПАТЬ1<B1>

_FACT1:ОБСЛУЖИВАТЬ

_REAL1:БЫТЬ<B2>/СИДЕТЬ<B2>/ЧИТАТЬ<B2>

_INCEPREAL1:ХОДИТЬ1<B1>

TRAF:1-КОМПЛ.20

ZONE:EN

TRANS:LIBRARY

ZONE:SEM

TRAF:SEM-CONV2.05

T1:ОПРЕД,T2:belongsTo,LO:Organization

//например, корпоративная, кафедральная, полковая, синодальная, заводская, университетская, факультетская, школьная

TRAF:SEM-CONV2.05

T1:ОПРЕД,T2:belongsTo,LO:GeopoliticalArea

//например, городская, республиканская, районная, областная, краевая, сельская

TRAF:SEM-CONV2.05

T1:ОПРЕД,T2:hasUser,LO:Human

//например, курсантская, офицерская, детская, рабочая

TRAF:SEM-CONV2.08

T1:ОПРЕД,T2:hasAboutness,LR:МЕДИЦИНСКИЙ

TRAF:SEM-CONV2.08

T1:ОПРЕД,T2:hasAboutness,LR:ИСТОРИЧЕСКИЙ

TRAF:SEM-CONV2.08

T1:ОПРЕД,T2:hasAboutness,LR:МУЗЫКАЛЬНЫЙ

TRAF:SEM-CONV2.08

T1:ОПРЕД,T2:hasAboutness,LR:ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ

TRAF:SEM-CONV2.08

T1:ОПРЕД,T2:hasAboutness,LR:ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ

TRAF:SEM-CONV2.08

T1:ОПРЕД,T2:hasAboutness,LR:ТЕАТРАЛЬНЫЙ

Рис. 2. Пример словарной статьи комбинаторного словаря

Метка ENTRY вводит имя лексемы, POR — часть речи, SYNT — синтаксические признаки, DES — семантические признаки, SEM-TRANS — семантический коррелят, LEX-FUNCS — лексические функции. Метки ZONE:EN и ZONE:SEM вводят зоны перевода на другие рабочие языки — английский и семантический.

4.3. Правила вывода

Как отмечалось выше, основная задача SemETAP состоит в том, чтобы строить семантическое представление текста, в котором были бы эксплицированы те следствия, которые можно из текста извлечь. Мы исходим из того, что способность извлечь из текста всевозможные следствия является важнейшим проявлением его понимания. Чем больше следствий мы можем вывести из текста, тем лучше мы его поняли. Следствия, которые мы стремимся получать, опираются на знания, которыми располагает анализатор. Эти следствия можно классифицировать по двум признакам — по источнику знаний, на которых базируется умозаключение (раздел 4.3.1), и по степени надежности вывода (раздел 4.3.2). В разделе 4.3.3 мы покажем, как можно получить семантическую интерпретацию предложения с помощью серии выводов.

4.3.1. Источник знаний для вывода

Знания, которые необходимы для того или иного умозаключения, имеют разные источники. Во-первых, они могут вытекать непосредственно из лексического значения слова. Например, если кому-то что-то сообщили, то он владеет этой информацией. Если кого-то заставили прийти, то он пришел. Если некто выполнил обещание приехать, то он приехал. Если кто-то упустил возможность выступить, то он не выступил. Заметим, что имеет смысл привязывать умозаключение не к конкретному слову, а к элементу онтологии, который за ним стоит. Например, глаголы передачи информации, такие как *сказать, сообщить, заявить, поведать, объявить, провозгласить, написать, проинформировать* и др., соответствуют концепту *LinguisticCommunication*, и все они дают основание для вывода типа «X сообщил нечто Y-y ==> Y имеет информацию». Поэтому целесообразно приписывать способность порождать умозаключения непосредственно концептам.

Во-вторых, знания, необходимые для вывода следствия, могут относиться к категории повседневного опыта, или «здравого смысла» (*common sense knowledge*). Приведем несколько примеров: «люди обычно избегают того, что доставляет им неприятные эмоции, и хотят быть в контакте с тем, что им нравится», «если А голоден, то он имеет цель поесть»; «необходимым условием для того, чтобы А поел, является наличие у А еды»; «если А победил Б, то это хорошо для А и плохо для Б»; «если А и Б — соперники, то они имеют противоположные цели». Подобная информация входит в онтологическое описание соответствующих концептов (*PositiveEmotion, NegativeEmotion, BeHungry, Eating, WinEvent, BeAdversaries*).

В-третьих, знания, необходимые для умозаключений, могут относиться к конкретным индивидам и содержаться в базе индивидов. Покажем на примере, как при анализе текста могут взаимодействовать знания, полученные из разных источников.

Рассмотрим предложение (1), взятое из одного из футбольных репортажей, и покажем, как взаимодействуют при его анализе языковые и внеязыковые знания.

- (1) *Корнер у ворот хозяев поля завершился ударом Нецида в упор, но Дикань оказывается на высоте.*

Интерпретируя это предложение, механизм умозаключений (= ризонер, reasoner) SemETAP должен определить, был ли забит гол. Очевидно, что прямого ответа на этот вопрос предложение (1) не дает. Для получения ответа ризонер должен обратиться к трем источникам информации, о которых мы говорили выше, — комбинаторному словарю, онтологии и базе индивидов:

- Комбинаторный словарь сообщает, что выражение *быть (оказываться) на высоте* соответствует онтологическому концепту `EqualToOccasion`, и что подлежащее этого выражения присоединяется к этому концепту отношением `hasAgent`.
- Относительно этого концепта онтология говорит, что он интерпретируется как ‘хорошо сделать то, что следовало сделать’⁷.
- База индивидов содержит информацию о том, что Андрей Дикань является вратарем команды «Спартак».
- Функцию вратаря онтология описывает как ‘предотвращение попадания мяча в ворота своей команды’.
- Попадание мяча в ворота команды противника та же онтология квалифицирует как гол.

Эти пять сведений позволяют ризонеру заключить, что поскольку Дикань является вратарем, то его задача состоит в недопущении попадания мяча в его ворота, и в этом случае *быть на высоте* означает не дать мячу залететь в ворота. Следовательно, гол не забит.

Легко видеть, что если бы база индивидов сообщила, что Дикань является не вратарем, а нападающим, то, учитывая, что функция нападающего состоит в забивании голов, оказалось бы, что выражение *Дикань оказался на высоте* должно интерпретироваться как ‘гол был забит’. Как мы видим, вывод, касающийся того, забит гол или нет, делается ризонером в контексте, который не содержит ни самого слова *гол*, ни какого-либо из его синонимов.

4.3.2. Степень надежности вывода

Для представления содержания предложения и особенно для извлечения из него тех или иных следствий часто используется аппарат логики предикатов первого порядка. Однако при всех своих достоинствах, логика первого порядка не может охватить всех типов рассуждений, которые используются в повседневной коммуникации. Ее недостаточно уже потому, что она не допускает исключений⁸, в то время как тексты повседневной коммуникации насквозь ими пронизаны. Простейший пример — квантор общности. Слова, соответствующие квантору общности, в естественном языке употребляются гораздо свободнее, чем в языке логики. С точки зрения классической логики *всегда* значит действительно ‘всегда’, то есть ‘никогда не бывает так, чтобы не’, в то время как естественный язык легко допускает построения типа такого: *Я всегда встаю в 7 утра, а сегодня проспал и встал в 9*.

В SemETAP различаются разные степени уверенности говорящего в истинности propositions. Мы различаем обязательные, стопроцентно надежные импlications и правдоподобные ожидания (импликатуры), то есть такие положения вещей, которые естественно ожидать в данной ситуации, но которые могут оказаться ложными. Например, из предложения *Иван разбил чашку* с необходимостью следует, что чашка утратила целостность. А если кто-то сказал *Иван уронил чашку*, будет естественно ожидать, что чашка разбилась, но это ожидание может и не подтвердиться. Аналогично, если кому-то

⁷ Как отмечалось выше, значения записываются в SemETAP на формальном языке Etalog. Для удобства читателей мы передаем их здесь в переводе на русский.

⁸ Для преодоления этого ограничения был разработан целый класс неклассических немонотонных логик.

что-то объяснили, то можно ожидать, что он это понял. Если некто пообещал приехать, то можно ожидать, что он приедет. Если кого-то попросили помочь, то можно ожидать, что он это сделает.

Нам могут возразить: почему вы считаете, что естественнее ожидать исполнения просьбы, чем ее отклонения? Ведь если кто-то кого-то о чем-то просит, то возможны оба исхода. Адресат может как выполнить эту просьбу, так и отказать в ней, и еще неизвестно, что происходит в жизни чаще. На это можно ответить следующее. Конечно, в жизни возможны оба развития событий, но важно, что с точки зрения семантики, отражающейся в речевой практике, эти альтернативы не равноправны. Они играют разную роль при построении текста и его понимании. Информация об одной из них, в отличие от другой, легко опускается при построении текста и так же легко восстанавливается слушающим. В этом нетрудно убедиться, взглянув на диалог (2):

- (2) — *Почему Матвея нет дома?*
— *Мама попросила его отвести Машу в детский сад.*

На первый взгляд, диалог несвязный, поскольку на вопрос о Матвее в качестве ответа сообщается о том, что сделала мама. Однако в действительности вполне очевидно, что диалог корректный и ответ на вопрос получен, хоть и не прямой. Вывод о том, что Матвей выполняет просьбу мамы, лежит на поверхности и легко объясняет, почему его нет дома. В предположении, что ответ релевантный (вспомним максимы Грайса!), спрашивающий стремится установить как можно более естественную связь между этим ответом и своим вопросом. Связность диалога обеспечена тем, что факт просьбы порождает ожидание того, что она будет выполнена, поскольку стандартное развитие ситуации просьбы включает ее выполнение.

Представим себе теперь ситуацию, когда Матвей отклонил просьбу мамы и не повел Машу в детский сад. Возможен ли в этом случае диалог (3)?

- (3) — *Почему Матвей дома?*
— *Мама попросила его отвести Машу в детский сад.*

Вряд ли. В этих обстоятельствах трудно проинтерпретировать вторую реплику как естественный ответ на заданный вопрос. Этот диалог никак нельзя признать естественным, хотя, казалось бы, слушающий мог бы исходить из ожидания отказа и рассуждать так же, как и в предыдущем случае: Матвей отказался выполнить просьбу мамы и остался дома. Если бы вывод о том, что Матвей отклонил мамину просьбу, так же легко возникал в контексте реплики *Мама попросила его отвести Машу в детский сад*, как и вывод о том, что он согласился выполнить эту просьбу, то диалоги (2) и (3) были бы равно естественны, но этого не наблюдается.

Другим наглядным подтверждением того, что как для говорящего, так и для слушающего сам акт просьбы активирует ожидание того, что просьба будет выполнена, служит контекст союзов *но* и *и*:

- (4а) *Мама попросила Матвея отвести Машу в детский сад, и (*но) он охотно согласился.*
(4б) *Мама попросила Матвея отвести Машу в детский сад, но (*и) он отказался.*

Различая импликации и ожидания, надо иметь в виду, что одно и то же высказывание может давать основания для обоих типов умозаключений. Например, значение предложения

- (5) *Иван поехал в университет (в момент t),*

фиксируемое в Базовой семантической структуре, состоит в том, что 'в момент t Иван начал движение посредством транспортного средства по направлению к университету, имея целью начать там находиться'. Из этой БСемС можно вывести два следствия, различающиеся

по силе. Первое из них имеет статус логической импликации и поэтому безусловно истинно: ‘в момент t Иван перестал находиться в начальной точке своего движения’. Второе следствие — это просто правдоподобное ожидание: ‘можно ожидать, что в некоторый более поздний момент t_i Иван будет находиться в университете’. Это никак не исключает того, что, например, по дороге Иван передумал и пошел в кино.

Роль правдоподобных ожиданий в интерпретации текста трудно переоценить. Как известно, говорящий эксплицитно выражает далеко не все, что извлекает из текста слушающий. Он часто опускает ту информацию, которую, по его мнению, слушающий легко восстановит. Значительная часть такой информации восстанавливается именно с помощью правдоподобных ожиданий. Поэтому, скажем, предложение (6)

(6) *Иван поехал в университет и выступил на собрании*

мы легко понимаем в том смысле, что Иван доехал до университета и выступил на собрании, которое там проходило.

4.3.3. Семантическая интерпретация предложения с помощью серии выводов

Приведем еще одну иллюстрацию, показывающую, как серия умозаключений, о которых мы говорили выше, может помочь в семантической интерпретации предложения. Мы еще раз обратимся к текстам футбольной тематики, на которых мы тестировали наш семантический анализатор, и покажем, каким образом, анализируя предложение (7), он приходит к выводу, что команда, за которую играет Роналду, потерпела поражение.

(7) *Роналду так и не смог спасти матч.*

Нам понадобятся четыре факта, которые имеются в распоряжении SemETAP.

(8a) Глагол *смочь* — имплицитивный в смысле [Karttunen 1971]. Это значит, что с ним связаны две импликации: *X смог сделать P* влечет ‘X сделал P’, в то время, как *X не смог сделать P* влечет ‘не имеет места: X сделал P’.

(8б) Сочетание *спасти матч* означает ‘предотвратить поражение своей команды’.

(8в) *Предотвратить* также является имплицитивным предикатом, но другого типа, чем *смочь*. Из *X предотвратил P* следует ‘P не имело места’.

(8г) Снятие двойного отрицания: из ‘неверно, что P не имело места’ следует ‘P имело место’.

Эти данные позволяют сделать следующие умозаключения:

(7) *Роналду так и не смог спасти матч.*

⇒ ‘не имеет места: Роналду спас матч’ [на основании (8a)]

⇒ ‘не имеет места: Роналду предотвратил поражение своей команды’ [на основании (8б)]

⇒ ‘не имеет места: команда Роналду не была побеждена’ [на основании (8в)]

⇒ ‘команда Роналду была побеждена’ [на основании (8г)].

5. Семантический анализ и проблема референции

В этом разделе мы обратимся к некоторым явлениям, связанным с проблемой референции, которые представляют значительные трудности для автоматического анализа текстов,

и покажем, что модель семантического анализа, которую мы описали выше, в ряде случаев помогает с ними справиться.

5.1. Антецеденты анафорических местоимений

Разумно исходить из следующего естественного положения. Если некоторое выражение допускает более одной интерпретации, слушающий выбирает такую, которая в большей степени поддерживается его знаниями об устройстве мира вообще и о текущей ситуации в частности. Один из источников таких знаний — это онтология. Если одна из возможных интерпретаций выражения в большей степени согласуется с онтологическими знаниями, чем другие, то эту интерпретацию, скорее всего, и надо предпочесть. Рассмотрим пример:

- (9) *Нам показали залы для приемов высоких гостей, стены которых были украшены лепниной.*

В (9) местоимение *которых* может иметь в качестве антецедента любое из трех предшествующих существительных — *залы*, *приемы* и *гости*. Понятно, что с грамматической точки зрения эти варианты равноправны, и никакие лингвистические правила не могут снять эту неоднозначность. При этом осмысленным является, очевидным образом, только первый из этих вариантов. Неоднозначность легко снимается, если доступна простейшая онтологическая информация: «зал» является подклассом класса «помещение», а помещения имеют стены. Поэтому «зал» наследует от класса «помещение» свойство иметь стены. Тем самым, из трех потенциально возможных интерпретаций выражения (9) — «стены залов», «стены приемов» и «стены гостей» — первая в один шаг поддерживается нашими знаниями о том, что бывает в действительности.

Можно заметить, что и третья интерпретация («стены гостей») в принципе допускает некоторое осмысление. Любой физический предмет, в том числе стена, может принадлежать какому-то лицу, в том числе гостю, или быть как-то иначе с ним связанным (ср. *дворец президента*). Однако такое осмысление, как и любые другие, которые можно, постаравшись, натянуть на значение «стены гостей» или даже «стены приемов», не поддержаны онтологией или, по крайней мере, не поддержаны столь прямо, как осмысление «стены, являющиеся частью залов», и поэтому должны быть отвергнуты.

5.2. Кореферентность без анафоры

Как хорошо известно, употребление анафорических местоимений (*он/она/оно, который, каковой, тот, свой, себя* и др.) регулируется большим количеством морфологических и синтаксических ограничений, учет которых во многих случаях облегчает поиск антецедента местоимения в тексте. Кореферентность между полнозначными именами ограничена значительно слабее, и поэтому установить ее в тексте гораздо труднее. В такой ситуации на первый план выходят фоновые знания слушающего. Мы упоминали в разделе 4.2.2 о базе индивидов для области футбола, которую мы построили на основе DBpedia. Сведения, которые в ней содержатся, позволяют установить, что в примере (10) именная группа *вратарь армейцев* кореферентна *Чепчугову*, а не *Криштиану Роналду*.

- (10) *В матче с ЦСКА второй гол «Реалу» в начале второго тайма подарил Чепчугов, не справившийся с ударом Криштиану Роналду, который бил очень издали. Попытавшись поймать мяч, вратарь армейцев запустил его в угол своих ворот.*

5.3. Шифтеры

Особый интересный тип образуют слова, не имеющие фиксированной семантической интерпретации. Для того чтобы ее получить, требуется дополнительное контекстное доосмысление, обеспечиваемое специальным правилом. Например, слово *местный* в первом приближении означает ‘относящийся к той местности, которая активирована в данном контексте’. Сочетания *местный футбольный клуб* или *местный собор* вне контекста не позволяют определить, о какой местности идет речь. Между тем если контекст активирует место действия, то интерпретация *местный* становится однозначной: в (11a) говорится о финском клубе, а в (11б) — о соборе Ахена.

(11a) *В Финляндии состоялся первый матч 3-го квалификационного раунда Лиги Европы по футболу между местным клубом «Хонка» и азербайджанским «Карабахом».*

(11б) *Ахен — столица державы Карла Великого, который был похоронен в местном соборе.*

5.4. Winograd Schema Challenge

В 1950 г. Алан Тьюринг предложил знаменитый тест, играющий с тех пор важную роль в философии искусственного интеллекта. Тест направлен на проверку способности компьютера производить некоторые интеллектуальные операции, которые считаются исключительной прерогативой человека. Он состоит в поддержании свободной беседы между человеком и компьютером по каналу связи, пропускающему только текст (например, по телетайпу). Компьютер считается прошедшим тест, если после пятиминутной беседы человек не может определить, с кем он беседовал — с другим человеком или с компьютером. Этот тест справедливо критиковался за то, что для того, чтобы его пройти, компьютеру достаточно владеть некоторыми приемами уклонения от прямого ответа, смены темы разговора, шуток и т. п. Неадекватность теста Тьюринга для проверки способности компьютера имитировать интеллект человека стала особенно очевидной после того, как в 2014 г. он был успешно пройден чатботом Eugene Goostman, который выдавал себя за 13-летнего паренька из Одессы. Способность вводить собеседника в заблуждение, тем более в ходе короткого разговора, вряд ли может считаться самым естественным проявлением интеллекта.

Более адекватный тест на «интеллектуальность компьютера» был предложен в 2011 г. Гектором Левеком [Levesque 2011], ср. также [Levesque et al. 2012]. В отличие от теста Тьюринга, тест Левека (который получил название Winograd Schema Challenge — WSC) требует однозначного ответа на ряд вопросов, не представляющих никакой трудности для человека, но требующих владения элементарными фоновыми знаниями и способности делать умозаключения на основе обыденной логики. Все эти вопросы сводятся к выбору правильного антецедента анафорического местоимения в предложениях определенной структуры. Вопросы построены таким образом, что достаточно в них заменить одно слово на другое, и правильный ответ будет другим. Приведем два примера, требующие разных типов знаний:

(12) *Приз не умещается в чемодане, потому что он слишком большой (маленький).*

Что слишком большое (маленькое) — приз или чемодан?

(13) *Джоан поблагодарила Съюзан за помощь, которую она ей оказала (от нее получила).*

Кто оказал (получил) помощь — Джоан или Съюзан?

Согласно Г. Левеку, способность безошибочно ответить на серию вопросов такого типа можно считать убедительной демонстрацией овладения компьютером некоторыми мыслительными операциями, свойственными человеку. «With a very high probability, anything

that answers correctly a series of these questions (...) is thinking in the full-bodied sense we usually reserve for people» [Levesque 2011]. При кажущейся простоте этот тест невозможно пройти, если не владеть знаниями и умением рассуждать, которыми владеет любой нормальный взрослый человек. Поэтому способность продвинуться в решении этой задачи позволит сделать еще один шаг к построению машины, которая действительно понимает естественный язык. На сегодняшний день тест WSC никем не пройден. Тем не менее, он представляет собой ясную цель, к которой следует стремиться.

Большая часть попыток пройти тест WSC, предпринятых в последние годы, была основана на машинном обучении. Однако, как мы говорили в разделе 2.1, даже в тех случаях, когда машинное обучение дает правильный ответ, невозможно проследить, на чем основано это решение. Как отмечают сами разработчики таких методов, нередко оказывается так, что «these models might be solving the problems *right* for the *wrong* reasons» [Sakaguchi et al. 2019]. Между тем человек, отвечающий на вопросы типа (12)–(13), безусловно, может объяснить свой ответ. Поэтому полноценное прохождение теста WSC должно в какой-то форме включать обоснование ответа. Нам представляется, что продвижение в эту сторону возможно на пути накопления и формализации фоновых знаний и умозаключений на основе обыденной логики. Багаж таких знаний, накопленный к настоящему времени, далеко не достаточен, но и он позволяет показать, как может выглядеть ответ на вопросы типа (12)–(13). В качестве примера продемонстрируем, как отвечает SemETAP на вопрос (13) [Boguslavsky et al. 2019].

Представим (13) в виде двух предложений, в которых анафорическое местоимение *она*, очевидным образом, имеет разные antecedentes.

(14) *Джоан поблагодарила Сьюзен за помощь, которую она ей оказала.*

(15) *Джоан поблагодарила Сьюзен за помощь, которую она от нее получила.*

При обработке этих предложений анализатором SemETAP ключевую роль играют описания двух концептов — Helping и Gratitude. Покажем для примера, как выглядит (в несколько упрощенном виде) описание концепта Helping (рис. 3):

```
Helping ?helping
->
?helping
  hasAgent (Agent ?agent)
  hasBeneficiary (Agent ?beneficiary)
  hasTopic (Event ?goal
             hasSubject ?beneficiary)
  hasSyncEvent (Event ?event
                hasAgent ?agent
                hasSyncEvent (Facilitating
                              hasAgent ?agent
                              hasObject ?goal))
                hasSyncEvent (EvalModality
                              hasBeneficiary ?beneficiary
                              hasObject ?x
                              hasDegree HighDegree),
Difficulty
  hasExperiencer ?beneficiary
  hasObject ?goal
  hasDegree HighDegree.
```

Рис. 3. Описание концепта Helping

Это описание сообщает, что концепт помощи имеет три слота: агент, бенефициар и содержание помощи — цель, которую хочет достичь бенефициар и которую ему достичь трудно. Агент делает нечто, в результате чего бенефициару становится легче достичь своей цели, и это хорошо для бенефициара.

Помимо этого, описание содержит два подправила, обеспечивающие два типа следствий, которые мы проиллюстрируем примерами:

Subrule 1: *Матвей помогал Маше решить задачу* -> Маша решала задачу.

Subrule 2: *Матвей помог Маше решить задачу* -> Маша решила задачу.

Из этого описания для примера (13) нам понадобится следствие (16):

(16) *А помогает В* => А делает нечто хорошее для В.

Аналогичное правило существует для концепта *Gratitude*, которое мы не будем здесь выписывать для краткости. Из него нам понадобится следствие (17):

(17) *А благодарит В за Q* => В делает Q, и это хорошо для А; поэтому А благодарит В.

Перейдем к предложению (14). Допустим, что антецедентом *она* является Сьюзен. Тогда антецедентом *ей* является Джоан:

(14a) *Джоан поблагодарила Сьюзен за помощь, которую Сьюзен оказала Джоан.*

На основании (17) из первой части предложения можно сделать вывод, что Сьюзен сделала для Джоан что-то хорошее. На основании (16) из второй части предложения также можно вывести, что Сьюзен сделала для Джоан что-то хорошее. Таким образом, в предположении, что *она* = *Сьюзен*, между первой и второй частью предложения обнаруживается хорошее семантическое согласование: Джоан поблагодарила Сьюзен за то, что та действительно сделала ей что-то хорошее.

Теперь предположим, что антецедентом *она* в предложении (14) является *Джоан*. Местоимению *ей* в таком случае соответствует *Сьюзен*:

(14б) *Джоан поблагодарила Сьюзен за помощь, которую Джоан оказала Сьюзен.*

Посмотрим теперь, в какой степени это предложение согласуется с тем, что мы знаем о благодарности и помощи. Так же, как и в предыдущем случае, на основании (17) из первой части предложения можно сделать вывод, что Сьюзен сделала для Джоан что-то хорошее. Однако вывод, который можно сделать на основании (16) из второй части предложения, несколько другой: это Джоан сделала для Сьюзен что-то хорошее (а не Сьюзен для Джоан). Таким образом, получается, что то, за что Джоан поблагодарила Сьюзен, никаким добром для Джоан не является. Семантическое согласование между первой и второй частью предложения отсутствует. Поэтому правильной интерпретацией предложения (14) является та, при которой антецедентом местоимения *она* является Сьюзен.

Предоставляем читателю самостоятельно провести аналогичные рассуждения для предложения (15) и убедиться в том, что в этом случае семантически согласованная интерпретация получается при выборе Джоан в качестве антецедента для местоимения *она*.

Заключение

Мы рассказали о разработке функциональной модели семантики SemETAP, задача которой — строить семантические представления русских текстов. У этой модели несколько особенностей:

1. SemETAP стремится к тому, чтобы извлекать из текста большое количество разнообразных следствий (inferences). Мы исходим из того, что чем больше следствий мы можем извлечь из текста, тем более полного и глубокого понимания текста мы достигаем.
2. Имеется два уровня представления семантики предложения: Базовая семантическая структура, которая фиксирует непосредственное значение предложения, и Расширенная семантическая структура, которая обогащает Базовую структуру большим количеством следствий.
3. Различается два типа следствий: строгие импликации и правдоподобные ожидания. Последние особенно важны для понимания связного текста и восстановления имплицитных элементов значения.
4. Модель основана на эксплицитных знаниях (knowledge-based), сформулированных экспертом. Основные источники знаний — комбинаторный словарь русского языка, массив русско-семантических правил, онтология, база индивидов и массив правил вывода.
5. Модель реализована в виде компьютерной системы и функционирует в составе более широкой системы анализа и синтеза текстов — лингвистического процессора ETAP-4, который располагает также морфологическим и синтаксическим модулями. Таким образом, осуществляется полный цикл обработки предложения — от текста в орфографической записи до Расширенной семантической структуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян 2008 — Апресян Ю. Д. *Английский толково-комбинаторный словарь. I. Лексические функции. Динамические модели: Слово. Предложение. Текст*. М.: Языки славянских культур, 2008, 20–58. [Apresjan Yu. D. *Angliiskii tolkovo-kombinatornyi slovar' . I. Leksicheskie funktsii. Dinamicheskie modeli: Slovo. Predlozhenie. Tekst* [English explanatory-combinatorial dictionary. 1. Lexical functions. Dynamic models: Word. Sentence. Text]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008, 20–58.]
- Апресян и др. 1982 — Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Лазурский А. В., Санников В. З. Типы лексикографической информации в толково-комбинаторном словаре. *Актуальные вопросы практической реализации систем автоматического перевода*. Ч. 2. Апресян Ю. Д. (ред.). М.: Изд-во МГУ, 1982, 129–187. [Apresjan Yu. D., Boguslavsky I. M., Iomdin L. L., Lazursky A. V., Sannikov V. Z. Types of lexicographic information in an explanatory-combinatorial dictionary. *Aktual'nye voprosy prakticheskoi realizatsii sistem avtomaticheskogo perevoda*. Part 2. Apresjan Yu. D. (ed.). Moscow: Moscow State Univ. Press, 1982, 129–187.]
- Апресян и др. 1989 — Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Лазурский А. В., Санников В. З., Цинман Л. Л. *Лингвистическое обеспечение системы ЭТАП-2*. М.: Наука, 1989. [Apresjan Yu. D., Boguslavsky I. M., Iomdin L. L., Lazursky A. V., Sannikov V. Z., Tsinnman L. L. *Lingvisticheskoe obespechenie sistemy ETAP-2* [Linguistic component of the ETAP-2 system]. Moscow: Nauka, 1989.]
- Апресян и др. 1992 — Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Лазурский А. В., Санников В. З., Цинман Л. Л. *Лингвистический процессор для сложных информационных систем*. М.: Наука, 1992. [Apresjan Yu. D., Boguslavsky I. M., Iomdin L. L., Lazursky A. V., Sannikov V. Z., Tsinnman L. L. *Lingvisticheskii protsessor dlya slozhnykh informatsionnykh sistem* [Linguistic processor for complex information systems]. Moscow: Nauka, 1992.]
- Апресян и др. 2010 — Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Санников В. З. *Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря*. М.: Языки славянских культур, 2010. [Apresjan Yu. D., Boguslavsky I. M., Iomdin L. L., Sannikov V. Z. *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: Vzaimodeistvie grammatiki i slovary* [Theoretical issues of Russian syntax: Grammar–lexicon interaction]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2010.]
- Богуславский, Иомдин 1982 — Богуславский И. М., Иомдин Л. Л. Безусловные обороты и фраземы в толково-комбинаторном словаре. *Актуальные вопросы практической реализации систем автоматического перевода*. Ч. 2. Апресян Ю. Д. (ред.). М.: Изд-во МГУ, 1982, 210–223. [Boguslavsky I. M., Iomdin L. L. Unconditional phrases and phrasemes in an explanatory-combinatorial dictionary. *Aktual'nye voprosy prakticheskoi realizatsii sistem avtomaticheskogo perevoda*. Part 2. Apresjan Yu. D. (ed.). Moscow: Moscow State Univ. Press, 1982, 210–223.]

- Бонч-Осмоловская 2016 — Бонч-Осмоловская А. А. Предсказания, большие данные и новые измерители: о возможностях технологий компьютерной лингвистики в теоретических лингвистических исследованиях. *Вопросы языкознания*, 2016, 2: 100–120. [Bonch-Osmolovskaya A. A. Predictors, big data and new measuring: The impact of computational linguistics on linguistic theory. *Voprosy Jazykoznanija*, 2016, 2: 100–120.]
- НОСС 2004 — *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена: Языки славянской культуры, 2004. [Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka. Under the supervision of Yu. D. Apresjan. Moscow; Vienna: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2004.]
- Толдова, Ляшевская 2014 — Толдова С. Ю., Ляшевская О. Н. Современные проблемы и тенденции компьютерной лингвистики. *Вопросы языкознания*, 2014, 1: 120–145. [Toldova S. Yu., Lyashevskaya O. N. Contemporary issues and trends in computational linguistics. *Voprosy Jazykoznanija*, 2014, 1: 120–145.]
- Anisimovich et al. 2012 — Anisimovich K. V., Druzhkin K. Y., Minlos F. R., Petrova M. A., Selegey V. P., Zuev K. A. Syntactic and semantic parser based on ABBYY Compreno linguistic technologies. *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conf. "Dialogue"*, 2012, 11(18): 91–103.
- Boguslavsky et al. 2016 — Boguslavsky I., Dikonov V., Frolova T., Iomdin L., Lazurski A., Rygaev I., Timoshenko S. Plausible expectations-based inference for semantic analysis. *Proc. of the 2016 International Conf. on Artificial Intelligence (ICAI'2016)*. Las Vegas: CSREA Press, 2016, 477–483.
- Boguslavsky 2017 — Boguslavsky I. Semantic descriptions for a text understanding system. *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conf. "Dialogue"*, 2017, 16(23): 14–28.
- Boguslavsky et al. 2018 — Boguslavsky I. M., Frolova T. I., Iomdin L. L., Lazursky A. V., Rygaev I. P., Timoshenko S. P. Semantic analysis with inference: High spots of the football match. *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conf. "Dialogue"*, 2018, 17(24): 124–142.
- Boguslavsky et al. 2019 — Boguslavsky I. M., Frolova T. I., Iomdin L. L., Lazursky A. V., Rygaev I. P., Timoshenko S. P. Knowledge-based approach to Winograd Schema Challenge. *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conf. "Dialogue"*, 2019, 18(25): 86–103.
- Boguslavsky et al. 2020 — Boguslavsky I. M., Dikonov V. G., Frolova T. I., Iomdin L. L., Lazursky A. V., Rygaev I. P., Timoshenko S. P. Full-fledged semantic analysis as a tool for resolving triangle-copa social scenarios. *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conf. "Dialogue"*, 2020, 19(26): 106–118.
- Bresnan, Ford 2010 — Bresnan J., Ford M. Predicting syntax: Processing dative constructions in American and Australian varieties of English. *Language*, 2010, 86(1): 168–213.
- Daumé III, Campbell 2007 — Daumé III H., Campbell L. A Bayesian model for discovering typological implications. *Proc. of the 45th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (ACL)*. Association for Computational Linguistics, 2007, 65–72. <https://arxiv.org/abs/0907.0785>.
- Došilović et al. 2018 — Došilović F. K., Brčić M., Hlupić N. Explainable artificial intelligence: A survey. *MIPRO 2018 — 41st International Convention Proceedings*. Skala K. et al. (eds.). Rijeka: MIPRO, 2018, 210–215. DOI: 10.23919/MIPRO.2018.8400040.
- Gordon, Hobbs 2004 — Gordon A. S., Hobbs J. R. Formalizations of commonsense psychology. *AI Magazine*, 2004, 25: 49–62.
- Gordon, Hobbs 2011 — Gordon A. S., Hobbs J. R. A commonsense theory of mind-body interaction. *Logical Formalizations of Commonsense Reasoning. Papers from the 2011 AAAI Spring Symposium*. Davis E., Doherty P., Erdem E. (eds.). Palo Alto (CA): AAAI Press, 2011, 36–41.
- Gordon et al. 2011 — Gordon A. S., Hobbs J. R., Cox M. T. Anthropomorphic self-models for metareasoning agents. *Metareasoning: Thinking about thinking*. Cox M. T., Raja A. (eds.). Cambridge (MA): MIT Press, 2011, 295–305.
- Hobbs, Gordon 2008 — Hobbs J. R., Gordon A. S. The deep lexical semantics of emotions, *Proc. of LREC 2008 Workshop on Sentiment Analysis: Emotion, metaphor, ontology, and terminology*. Ahmad K. (ed.). Marrakech, e-pub, 2008, 16–20. <http://www.lrec-conf.org/proceedings/lrec2008/>.
- Hobbs, Gordon 2010 — Hobbs J. R., Gordon A. S. Goals in a formal theory of commonsense psychology. *Formal Ontology in Information Systems: Proc. of the Sixth International Conf. (FOIS 2010)*. Galton A., Mizoguchi R. (eds.). Amsterdam: IOS Press, 2010, 59–72.

- Hobbs et al. 2012 — Hobbs J. R., Sagae A., Wertheim S. Toward a commonsense theory of microsociology: Interpersonal relationships. *Formal Ontology in Information Systems: Proc. of the Seventh International Conf. (FOIS 2012)*. Donnelly M., Guizzardi G. (eds.). Amsterdam: IOS Press, 2012, 249–262.
- Karttunen 1971 — Karttunen L. Implicative verbs. *Language*, 1971, 47(2): 340–358.
- Kay 2005 — Kay M. A life of language. *Computational Linguistics*, 2005, 31(4): 425–438.
- Kutuzov, Andreev 2015 — Kutuzov A., Andreev I. Texts in, meaning out: Neural language models in semantic similarity task for Russian. *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conf. "Dialogue"*, 2015, 14(21): 133–144.
- Lenat 1995 — Lenat D. B. Cyc: A large-scale investment in knowledge infrastructure. *Communications of the ACM*, 1995, 38(11): 33–38.
- Levesque 2011 — Levesque H. The Winograd Schema Challenge. *Logical Formalizations of Commonsense Reasoning. Papers from the 2011 AAAI Spring Symposium*. Davis E., Doherty P., Erdem E. (eds.). Palo Alto (CA): AAAI Press, 2011, 63–68.
- Levesque et al. 2012 — Levesque H., Davis E., Morgenstern L. The Winograd Schema Challenge. *Proc. of the 13th International Conf. on Principles of Knowledge Representation and Reasoning*. Brewka G., Eiter Th., McIlraith S. A. (eds.). AAAI Press, 2012, 552–561.
- McShane et al. 2009 — McShane M., Nirenburg S., Jarrell B., Fantry G. Maryland Virtual Patient: A knowledge-based, language-enabled simulation and training system. *Bio-Algorithms and Med-Systems*, 2009, 5(9): 57–63.
- Montazeri, Hobbs 2011 — Montazeri N., Hobbs J. R. Elaborating a knowledge base for deep lexical semantics. *Proc. of the Ninth International Conf. on Computational Semantics (IWCS 2011)*. Bos J., Pulman S. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 195–204.
- Montazeri, Hobbs 2012 — Montazeri N., Hobbs J. R. Axiomatizing change-of-state words. *Formal Ontology in Information Systems: Proc. of the Seventh International Conf. (FOIS 2012)*. Donnelly M., Guizzardi G. (eds.). Amsterdam: IOS Press, 2012, 221–234.
- Morgenstern 2001 — Morgenstern L. MidSized axiomatizations of commonsense problems: A case study in egg cracking. *Studia Logica*, 2001, 67(3): 333–384.
- Mueller 2006 — Mueller E. *Commonsense reasoning*. San Francisco: Elsevier; Morgan Kaufmann Publ., 2006.
- Mueller 2016 — Mueller E. *Transparent computers: Designing understandable intelligent systems*. CreateSpace Independent Publishing Platform, 2016.
- Nerbonne 2007 — Nerbonne J. Linguistic challenges for computationalists. *Recent Advances in Natural Language Processing IV, Selected papers from RANLP 2005*. Nicolov N., Bontcheva K., Angelova G., Mitkov R. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2007, 1–16.
- Nirenburg, Raskin 2004 — Nirenburg S., Raskin V. *Ontological semantics*. Cambridge (MA): MIT Press, 2004.
- van Oorschot et al. 2012 — van Oorschot G., van Erp M., Dijkshoorn C. Automatic extraction of soccer game events from Twitter. *Proc. of the Workshop on Detection, Representation, and Exploitation of Events in the Semantic Web (DeRiVE 2012)*. Van Erp M. et al. (eds.). CEUR Workshop Proceedings, 2012, 21–30. http://ceur-ws.org/Vol-902/paper_3.pdf.
- Peng et al. 2015 — Peng H., Khashabi D., Roth D. Solving hard coreference problems. *Proc. of the 2015 Conf. of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human language technologies*, 2015, 809–819. <https://arxiv.org/abs/1907.05524>.
- Ribeiro et al. 2016 — Ribeiro M. T., Singh S., Guestrin C. “Why should I trust you?”: Explaining the predictions of any classifier. *Proc. of the 22nd ACM SIGKDD International Conf. on Knowledge Discovery and Data Mining*. New York: Association for Computing Machinery, 2016, 1135–1144. <https://doi.org/10.1145/2939672.2939778>.
- Ruppenhofer et al. 2016 — Ruppenhofer J., Ellsworth M., Petruck M., Johnson Ch., Baker C., Scheffczyk J. *FrameNet II: Extended theory and practice*. Revised edn. Berkeley (CA): International Computer Science Institute, 2016.
- Rygaev 2017 — Rygaev I. Rule-based reasoning in semantic text analysis. *Proc. of the Doctoral Consortium, Challenge, Industry Track, Tutorials and Posters. International Joint Conf. on Rules and Reasoning*. Bassiliades N. et al. (eds.). CEUR Workshop Proceedings, 2017. <http://ceur-ws.org/Vol-1875/paper11.pdf>.
- Rygaev 2018 — Rygaev I. Etalog — a natural-looking knowledge representation formalism. *ITiS 2018: Sbornik trudov 42-oi mezhdistsiplinarnoi shkoly-konferentsii IPPI RAN «Informatsionnye tekhnologii*

- i sistemi 2018»* [ITiS 2018: Proc. of the 42nd Conf. “Information technologies and systems 2018”]. Moscow: Kharkevich Institute for Information Transmission Problems, 2018, 473–482.
- Schutze 1992 — Schutze H. Dimensions of meaning. *Proc. of Supercomputing '92*. Washington (DC): IEEE Computer Society Press, 1992, 787–796.
- Sakaguchi et al. 2019 — Sakaguchi K., Le Bras R., Bhagavatula C., Choi Y. *WinoGrande: An adversarial Winograd Schema Challenge at scale*. Technical report, 2019. <https://arxiv.org/abs/1907.10641>.
- Turney, Pantel 2010 — Turney P., Pantel P. From frequency to meaning: Vector space models of semantics. *Journal of Artificial Intelligence Research*, 2010, 37: 141–188.
- Wintner 2009 — Wintner S. What science underlies natural language engineering? *Computational Linguistics*, 2009, 35(4): 641–644.

Получено / received 07.04.2020

Принято / accepted 16.06.2020

ОБА — уникальное слово русского языка

© 2021

Лидия Николаевна Иорданская
Игорь Александрович Мельчук[@]

Лингвистическая обсерватория «Смысл-Текст», Монреальский университет,
Монреаль, Канада; igor.melcuk@umontreal.ca

Аннотация: Предлагается лексикографическое описание трех лексем вокабулы ОБА, уникального слова русского языка, и лингвистическое обоснование этого описания. Обсуждается состав вокабулы (возможность включать в одну вокабулу лексемы разных частей речи). В связи с толкованиями лексем вокабулы ОБА рассматриваются семантемы ‘все1’ и ‘два2’. Лексема ОБА1 (*обе таблицы*) является дефектным количественным числительным; лексемы ОБА2а/2б (*Оба/Обе уже уехали*) — местоименные существительные. Указываются особые синтаксические конструкции и морфологические особенности лексем вокабулы ОБА.

Ключевые слова: лексикография, русский язык, числительные

Благодарности: Текст настоящей статьи был прочитан Анной Зализняк, Леонидом Иомдиным, Светланой Крылосовой и Полиной Михель; мы выражаем им, а также анонимным рецензентам «Вопросов языкознания» самую сердечную признательность за конструктивные замечания и предложения, которые мы постарались учесть.

Для цитирования: Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. ОБА — уникальное слово русского языка. *Вопросы языкознания*, 2021, 1: 57–69.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.1.57-69

ОБА ‘both’, a unique Russian word

Lidija N. Iordanskaja
Igor A. Mel’čuk[@]

Observatoire de linguistique Sens-Texte, Université de Montréal,
Montréal, Canada; igor.melcuk@umontreal.ca

Abstract: The paper offers a lexicographic description of the three lexemes that constitute the vocable ОБА ‘both’, which is unique in Russian; a linguistic justification of this description is proposed, in particular, a discussion of the vocable’s constituency (can a vocable include lexemes of different parts of speech?). In connection with the lexicographic definitions of ОБА lexemes, the semantemes ‘все1’ = ‘all [people]’ and ‘два2’ = ‘two [books]’ are examined. The lexeme ОБА1 (*обе таблицы* ‘both tables’) is a defective quantitative numeral; the lexemes ОБА2а/2б (*Оба/Обе уже уехали* ‘Both.men/Both.women have already left’) are pronominal nouns. Special syntactic constructions and morphological particularities of the three ОБА lexemes are described.

Keywords: lexicography, numerals, Russian

Acknowledgements: The text of the present paper was read and commented upon by Leonid Iomdin, Svetlana Krylosova, Polina Mikhel and Anna Zaliznjak. We would like to express here our most heartfelt gratitude to them as well as to the anonymous reviewers of *Voprosy Jazykoznanija* for their constructive suggestions and remarks, which we tried to account for to the best of our abilities.

For citation: Iordanskaja L. N., Mel’čuk I. A. ОБА ‘both’, a unique Russian word. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 1: 57–69.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.1.57-69

Светлой памяти Лены Падучевой

1. Почему ОБА?	58
2. Лексикографическое описание вокабулы ОБА	59
3. Особенности вокабулы ОБА	61
3.1. Состав вокабулы ОБА	61
3.2. Объединение в одну вокабулу лексем разных частей речи	61
3.3. Семантические особенности лексем вокабулы ОБА	62
3.3.1. Семантема ‘все1’	62
3.3.2. Семантема ‘два2’	62
3.3.3. Семантико-коммуникативное условие: X_1 и X_2 — <i>Данное</i>	64
3.3.4. Семантическое условие: $P(X_1)$ и $P(X_2)$ — одинаковые, но отдельные факты	64
3.4. Синтаксические особенности лексем вокабулы ОБА	65
3.4.1. Лексема ОБА1 — дефектное количественное числительное	65
3.4.2. Лексемы ОБА2а и ОБЕ2б — местоименные существительные	66
3.4.3. Особые синтаксические свойства лексем вокабулы ОБА	67
3.5. Морфологические особенности лексем вокабулы ОБА	68
Список литературы	68

1. Почему ОБА?

Особый интерес к слову ОБА неслучаен: как будет показано ниже, в русском языке оно является уникальным — в буквальном смысле слова — на семантическом, синтаксическом и морфологическом уровнях. (И мы не первые, кто обратил внимание на ОБА: см. статью [Зализняк, Шмелев 2014].) Иначе говоря, ОБА требует **индивидуальных** семантических, синтаксических и морфологических правил. При этом на каждом шаге описания возникают те или иные **общие** лингвистические проблемы. Слово ОБА дает еще один наглядный пример того, насколько необходимо и плодотворно для лингвистики формальное и исчерпывающее описание лексических единиц. Подобный взгляд разделяла и Е. В. Падучева: ее научное творчество включает целый ряд работ, посвященных детальному анализу лексических единиц. Так, почти полвека назад, в [Падучева 1974: 124], она детально рассмотрела порядка тридцати кванторных лексем русского языка, включая ОБА.

Мы начнем с описания вокабулы ОБА, разработанного в рамках толково-комбинаторной лексикографии (раздел 2), после чего предложим лингвистическое обоснование данного описания (раздел 3).

2. Лексикографическое описание вокабулы ОБА

Ниже приводятся словарные статьи всех трех лексем этой вокабулы.

ОБА (склонение: см. соответствующий раздел в грамматике русского языка)

1. *оба X-а* : «все1 два2» X-а'

2а. *оба* : «оба1 человека либо мужского, либо мужского и женского пола»

2б. *обе* : «оба1 человека женского пола»

☛ О семантемах 'все1' и 'два2', см. раздел 3.3, стр. 62 и сл.

ОБА1, (дефектное) числительное, количественное

Толкование

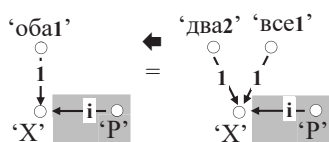
— **Вербальное**

оба X-а: ««все1 два2» X-а, которые P(X)»

1. X-ы (= X₁ и X₂) — *Данные*.

2. P(X₁) и P(X₂) — одинаковые, но отдельные факты¹.

— **Формальное**

1. X-ы (= X₁ и X₂) — *Данные*.

2. P(X₁) и P(X₂) — одинаковые, но отдельные факты.

☛ 1. Кавычки « » в вербальном толковании показывают, что, поскольку словосочетание **все два* по-русски невозможно, комбинация семантем 'все1 два2' должна при синтезе заменяться семантемой 'оба1'. В формальном толковании это выражено посредством стрелки $\leftarrow$, обозначающей, что применение данного правила при синтезе (т. е. справа налево) обязательно.

2. В правиле заштрихован контекст: часть правила, не затрагиваемая им, но необходимая для его применения.

[*Иван долго разговаривал с Машей; оба они_X (= они_X оба) прекрасно понимали_P, в чём дело. | Обе книги_X были написаны_P в 1995 году.*]

Особые синтаксические конструкции

ОБА1 как синтаксически зависимый элемент:

1) ОБА1 $\leftarrow$ количественное — L_(N, не местоименное)
 $\Leftrightarrow$ ОБА1_{g',c'} + ... + L_{(N, g)c} и ОБА1_{g',c'} $\rightarrow$ No.4(MГ_N)
 [Обе мои младшие сестры сразу встали.]

ОБА1 $\leftarrow$ количественное — L_(N, местоим., личное)
 $\Leftrightarrow$ ОБА1_{g',c'} + L_{(N, местоим., личное, g)c}
 [Он относится к обеим нам с живым интересом.]
 $\Leftrightarrow$ L_{(N, местоим., личное, g)c} + ... + ОБА1_{g',c'} | ... $\supset$ ЖЕ, -ТО
 [К нам же обеим он относится с живым интересом.]

¹ Соответствующая информация должна извлекаться из исходного концептуального представления описываемой ситуации.

- 2) ОБА1 ← *i*-кванторно-копредикативное- $L_{(V)}$
- $$\Leftrightarrow \text{ОБА1}_{g',c'} + \dots + L_{(V)} \quad \Bigg| \quad \text{ОБА1}_{g',c'} \Leftarrow L_{(N,g)c} \Leftarrow j - L_{(V)}$$
- $$\Leftrightarrow L_{(V)} + \dots + \text{ОБА1}_{g',c'}$$

[Мои кузины_{подлежащее} тогда обе решили <решили обе> поступить в университет.

Моих кузин_{прямое дополнение} дядя послал обеих в университет.

Моим кузинам_{непрямое дополнение} дядя подарил обеим по компьютеру.]

1. g' и c' обозначают адъективный род (gender) и падеж (case) лексемы ОБА1, а g и c — субстантивный род и падеж ее морфологического контролера (подлежащего, прямого дополнения или непрямого дополнения). Запись “ $\Rightarrow$ No. 4(МГ_N)” означает, что ОБА1 занимает позицию No. 4 в минимальной именной группе (см. подраздел 3.4.3, стр. 67), а стрелка $\Leftarrow$ указывает, что данные флективные характеристики (= граммемы) переносятся от $L_{(N)}$, зависящего от $L_{(V)}$ по ПСинтО j , к ОБА1.
2. i = подлежащно-, прямо-объектно-, непрямо-объектно-.

Лексические функции

QSyn: ‘тот1 и другой1’²

ОБА2, существительное, местоименное, одушевленное

Особые синтаксические конструкции

ОБА2 как синтаксический хозяин:

ОБА2—модификативное → $L_{(ADJ, \text{местоим}, \text{указательное})}$ [Эти оба / обе нам хорошо знакомы.]

2a, мужской род

Толкование

оба: ‘оба1 человека либо мужского, либо мужского и женского пола’

Лексические функции

QSyn: ‘тотIII.a и другой2a’

Эти оба понимают всё о другом мире. | Я обратился сразу к обоим.

2b, женский род

Толкование

обе: ‘оба1 человека женского пола’

Лексические функции

QSyn: ‘таIII.b и другая2b’

Сулла знал обеих довольно хорошо. | Иван обратился и к Маше, и к Свете, но обе, порядком уже уставшие, отказались.

² QSyn означает «приблизительный синоним». тот1 — адъективное местоимение (*Те пассажиры, которые...*), тотII — субстантивное местоимение-коррелятив (*Кто весел, тот смеётся*), тотIII — субстантивное местоимение-заменитель (*Когда Маша оставила Петю, тот, глубоко задетый, уехал из Москвы*); другой1 — прилагательное (*другая строчка*), другой2 — соответствующее существительное (*Все другие согласились*).

3. Особенности вокабулы ОБА

3.1. Состав вокабулы ОБА

Вокабула ОБА включает:

- Во-первых, лексему-числительное ОБА1, которая сходна с прилагательными в том, что она согласуется с квантифицируемым существительным по роду:

об+а вопроса / об+а мальчика и об+е проблемы / об+е девочки.

- Во-вторых, две лексемы-существительные ОБА2а и ОБА2б, представляющие собой субстантивацию лексемы ОБА1 с сужением смысла, — только о человеке: *Я знаком с обоими / обеими*. Признание ОБА2а и ОБА2б существительными опирается, с одной стороны, на аналогии с кванторными прилагательными типа ВСЕ1, КАЖДЫЙ1, ЛЮБОЙ1 и т. д.: у них всех имеет место субстантивация точно с таким же сужением смысла: ВСЕ2 ‘все1 люди’, КАЖДЫЙ2 ‘каждый1 человек’, ЛЮБОЙ2 ‘любой1 человек’. (Это неудивительно, поскольку смысл ‘оба1’ содержит смысл кванторного прилагательного ВСЕ1.) С другой стороны, все прочие количественные числительные не субстантивируются, хотя и могут окказионально номинализироваться (*Мы не рассматриваем все проблемы, но эти три проанализируем*).

NB В результате эллипсиса квантифицируемого существительного, лексема ОБА1 тоже может окказионально номинализироваться, но это, разумеется, не превращает ее в ОБА2; например: *Матч между этими двумя командами не решает ничего, ибо обе [команды] уже вылетели из турнира*.

3.2. Объединение в одну вокабулу лексем разных частей речи

Стандартное определение вокабулы — «множество лексем, у которых означаемые связаны семантическими мостами, а означающие тождественны» — недостаточно, ибо в нем ничего не говорится о синтактике (в частности, о части речи). Это определение необходимо дополнить еще одним условием: «и синтактики которых достаточно близки».

Выражение «синтактики достаточно близки» очевидным образом расплывчато и предполагает опору на интуицию исследователя. Так, в европейских языках синтактики существительного, прилагательного и числительного считаются близкими друг к другу (в традиционной русской терминологии все это **имена**), но не к синтактике глагола, который единственный способен выступать в качестве сказуемого — синтаксической вершины предложения³. Подобная интуиция, которой мы и следуем в данной статье, опирается, разумеется, на синтаксическое поведение соответствующих лексем; здесь мы ограничимся следующим замечанием.

Лексемизация, т. е. распределение употреблений многозначного слова по лексемам, и вокабулизация, т. е. распределение лексем по вокабулам, — операции совершенно различной логической и содержательной природы. Лексемизация существенным образом связана с работой языковой модели, поскольку неправильная лексемизация приводит

³ В других языках дело может обстоять по-другому. Например, в японском прилагательное как часть речи синтаксически ближе к глаголу, чем к существительному; а в китайском языке русскому прилагательному вообще соответствует некий подкласс глаголов.

к построению неправильных фраз. Вокабулизация же не может быть правильной или неправильной: она не связана с результатами работы модели и никак не сказывается на качестве получаемых фраз; поэтому та или иная вокабулизация не может быть ни подтверждена, ни опровергнута эмпирически. Вокабулизация нужна только для оптимизации самой модели. Удачная вокабулизация облегчает работу как лексикографа (помогая обеспечить большую стандартность описания лексем, принадлежащих к одной вокабуле), так и пользователя словаря (подчеркивая параллелизмы и различия между лексемами).

Выделение двух отдельных лексем ОБА2а и ОБЕ2б продиктовано тем, что существительное не меняется по роду; следовательно, ОБА2а, существительное мужского рода, и ОБЕ2б, существительное женского рода, объединены в одной лексеме быть не могут, см. [Meřčuk 2000].

3.3. Семантические особенности лексем вокабулы ОБА

Семантические свойства, требующие отдельного обсуждения, имеются только у лексемы ОБА1; о ней и пойдет речь.

Толкование лексемы ОБА1 содержит семантемы 'все1' и 'два2', а также два условия; в этой связи необходимы следующие разъяснения.

3.3.1. Семантема 'все1'⁴

Все1 — это кванторное прилагательное, выражающее квантор общности $\forall$; толкование этого прилагательного давно и хорошо известно:

'все1 X-ы, которые P(X)' = 'среди рассматриваемых X-ов не существует такого X-а, который не P(X)'

«P(X)» означает, что X является каким-то (неважно, каким) семантическим актантом факта 'P':

Все её гости_х уже собрались_р. | Мы увидели_р всех её гостей_х.

Поскольку смысл 'оба1' включает компонент 'все1', лексема ОБА1 также имеет соответствующее семантическое свойство: *оба1 X-а P* исключает наличие X-ов, которые не P, см. (1):

(1) а. *Два его сына живут в США*: у него могут быть и другие сыновья.

б. *Оба его сына живут в США*: у него нет других сыновей.

3.3.2. Семантема 'два2'

Вокабула прототипического (= «нормального») количественного числительного $L_{(NUM)}$ содержит по крайней мере две лексемы: $L_{(NUM)}1$ — имя соответствующего числа, и $L_{(NUM)}2$ [X-ов], которая обозначает количество X-ов, определяемое числом $L_{(NUM)}1$. Так, ДВА1 значит 'число 2', а ДВА2 X-а — 'X-ы в количестве 2'. (Семантически, $L_{(NUM)}1$ — имя, а $L_{(NUM)}2$ — предикат.)

⁴ Вокабула ВСЕ содержит, наряду с лексемой ВСЕ1 (*все проблемы*), также и лексему-существительное ВСЕ2 со значением 'все1 люди' (*Все расхохотались*); как указано выше, подобная субстантивация характерна для всех кванторных прилагательных. Кроме того, имеется еще и лексема ВСЕ3 (*вся буханка, всё время* и т. д.).

Количественные числительные обладают следующим интересным свойством: словосочетание $NUM_{(колич)} + N$, являющееся актантом глагола, не допускает разделительной интерпретации — относительно некоторого другого актанта этого глагола [Богуславский 1996: 142–143], ср. (2):

- (2) а. *Для Толи и Пети (Для детей) отец принёс три книги.*
 б. *Для Толи и Пети отец принёс по три книги.*
 в. *Для детей отец принёс для каждого три книги.*
 г. *Для Толи и для Пети отец принёс три книги.*
 е. *Для Толи и Пети (Для детей) отец принёс книги.*

Для фразы (2а) возможна только объединительная интерпретация количественной группы: Толя и Петя получили в сумме три книги; для разделительной (= распределительной) интерпретации — **каждый** из них получил три книги — необходимо добавить либо местоименное прилагательное *каждый*, либо распределительный предлог *по*, либо, наконец, повторить предлог в сочиненной предложной группе (такое повторение делает разделительную интерпретацию возможной). При отсутствии числительного (ср. (2е)) допускаются обе интерпретации.

Лексема ОБА1, смысл которой включает семантему ‘два2’, наследует это свойство: фраза (3а) неправильна, поскольку означает, что Толя и Вера — брат и сестра, имеющие вместе двух «общих» мам, а это, разумеется, не тот смысл, который имеется в виду. Достаточно опустить определение *обе*, чтобы фраза стала правильной, поскольку без числительного сочиненная именная группа может пониматься разделительно (3б):

- (3) а. **А у Толи и Веры обе мамы — инженеры* [почти С. Михалков⁵].
 б. *А у Толи и Веры мамы — инженеры.*

Выражение ‘все1 два2’. Со всеми количественными числительными, кроме два, кванторное прилагательное все1 сочетается совершенно естественно: *все три, все десять, все шесть с половиной*. Однако выражение **все два* в языковом отношении неправильно — несмотря на то, что оно выражает совершенно правильный смысл: ср. фр. *tous les deux* ‘все два’ (числительного типа оба во французском языке нет)⁶. Поэтому мы вынуждены использовать выражение ‘все1 два2’ в нашем толковании, но при этом заключаем его в кавычки-сложки, чтобы показать его языковую неправильность.

Кванторное прилагательное все1 не присоединяется к обозначению двух предметов или существ, даже если числительное два физически отсутствует в тексте; в этом случае необходимо ОБА1 [Падучева 1989/2009: 222]:

- (4) а. **Иван потерял все ноги. ~ Иван потерял обе ноги.*
 б. *Пришли все гости:* возможно лишь, если гостей было трое или больше.

⁵ Настоящая строчка Михалкова такова: **А у Толи и у Веры обе мамы — инженеры*. Благодаря повторению предлога у группа *у Толи и у Веры* воспринимается разделительно, но это не спасает фразу, так как она также выражает нелепый смысл: ‘Толя имеет двух мам, и Вера имеет двух мам’.

⁶ В румынском языке существуют (устаревшие и/или диалектные) числительные *tustrei* ‘все три’ и *tuspatru* ‘все четыре’, аналогичные русскому оба.

Важно отметить, что в словосочетаниях типа *все два года учёбы* выступает не лексема все1, а другая лексема: весь в значении ‘целый (день, ящик, отряд)’, упомянутая в сноске 4, стр. 62. Это весь синтаксически зависит от существительного, а не от числительного. Ср. еще *Пришли все три (все сто, ...)*, но **Пришли все два* [надо *Пришли оба*]. Аналогично этому, при два в составе сложных числительных — как, например, в словосочетании *все два миллиона жителей* — тоже выступает весь, а не все1. Так же обстоит дело во фразах *смотреть во все глаза* и *прожужжать все уши* (ср. *кричать во всё горло* и *встать во весь рост*).

3.3.3. Семантико-коммуникативное условие:

X_1 и X_2 — *Данные*

Фраза (5) неестественна (= ненейтральна) как первая фраза текста, поскольку множество мальчиков не является *Данным*:

(5) *??В комнату вошли оба мальчика.*

Мальчики не были введены в рассмотрение, и их образ не присутствует в активном сознании адресата.

Заметим, что если некий X является *Данным*, то его часть / неотчуждаемая принадлежность также является *Данным*:

(6) *И тут в комнату вошёл маленький мальчик. В обеих руках он держал по яблоку.*

3.3.4. Семантическое условие: $P(X_1)$ и $P(X_2)$ — одинаковые, но отдельные факты

Это условие было установлено и детально охарактеризовано в [Зализняк, Шмелев 2014]; оно отражает две следующие особенности русского языка.

- Словосочетание *оба1 X-а* не может быть подлежащим при сказуемом, выражающем симметричный предикат [Иомдин 1981: 100]⁷, т. е. предикат, обозначающий единый факт, который предполагает не менее двух равноправных участников:

(7) **Они оба встретились в кино:* имеется в виду ‘встретились друг с другом’.

(Во фразе *Они оба встретились в кино с Машей* выступает другая лексема глагола ВСТРЕТИТЬСЯ, представляющая несимметричный предикат.)

На строгость сформулированного запрета влияет тип факта, выраженного сказуемым: если этот факт динамический (действие), то результат хуже; если это — статический факт (состояние или отношение), то результат более приемлем:

(8) *°Они оба сильно различаются физически. | °Они оба связаны узами дружбы. | °Они оба любят друг друга.*

И, наконец, запрет теряет силу, если словосочетание *оба1 X-а* является подлежащим при цепочке однородных сказуемых, где симметричный предикат оказывается не в первой (= вершинной) позиции:

(9) *Они оба всю жизнь хотели быть вместе, но впервые поцеловались только в 50 лет.*

- Словосочетание *оба1 X-а* обычно употребляется как семантический актанта некоторого глагола, если этот глагол выражает два раздельных факта:

(10) а. *Я видел их в музее:* безразлично, вместе или по отдельности.

б. *Я видел их обоих в музее:* скорее по отдельности.

Как указано в [Зализняк, Шмелев 2014], оба данных запрета не очень категоричны; они часто нарушаются, особенно если этому содействует контекст:

(11) *Я видел их обоих вместе в музее.*

⁷ А. Зализняк и А. Шмелев [2014] говорят о «предикатах совместного действия».

Однако если взаимно-возвратный глагол обозначает действие, то словосочетание *оба1 X-а* быть подлежащим при нем не может:

- (12) **Они оба долго обнимались.*

3.4. Синтаксические особенности лексем вокабулы ОБА

3.4.1. Лексема ОБА1 — дефектное количественное числительное

Лексему ОБА1 обычно считают количественным числительным, но такое решение может показаться не слишком убедительным. В самом деле, из четырнадцати определяющих свойств прототипических количественных числительных [Мельчук 1985: 267–269] лексема ОБА1 обладает только шестью:

Прототипическое количественное числительное	Лексема ОБА1
<u>Семантические свойства</u>	
1. Быть обозначением а) числа ($L_{(NUM)}1$) и б) количества чего-либо ($L_{(NUM)}2$):	—
(13) а. <i>Прибавь к трём два.</i> vs. * <i>Прибавь к трём оба.</i> б. — <i>Сколько клиентов приходило? — Два / Двое.</i> vs. * <i>Оба.</i>	
<u>Синтаксические свойства</u>	
2. Сочетаться только с исчисляемыми существительными:	+
(14) <i>два студента / двое студентов</i> vs. * <i>два воздуха / *два лая</i> и <i>оба студента</i> vs. * <i>оба воздуха / *оба лая</i>	
3. Управлять числом квантифицируемого существительного:	+
(15) <i>двадцать один студент</i> + $\emptyset_{ED}$ / <i>два студент</i> + a_{ED} / <i>пять студент</i> + ov_{MN} и <i>оба студент</i> + a_{ED}	
4. Управлять генитивом квантифицируемого существительного:	+
(16) <i>два студент</i> + a_{GEN} / <i>двое студент</i> + ov_{GEN} и <i>оба студент</i> + a_{GEN}	
5. Соединяться с другими числительными, образуя составные числительные:	—
(17) <i>двадцать два студента</i> vs. * <i>двадцать оба студента</i>	
6. Выступать в аппроксимативно-количественной конструкции:	—
(18) <i>часа два</i> vs. * <i>часа оба</i>	
7. Обуславливать вариантное согласование адъективных определений:	+
(19) <i>две замечательн+ые/замечательн+ых картины</i> и <i>обе замечательн+ые/замечательн+ых картины</i>	
8. Обуславливать вариантное согласование глагола-сказуемого:	—
(20) <i>На полу стоял+и / стоял+о два ящика.</i> vs. <i>На полу стоял+и / *стоял+о оба ящика.</i>	

Лексема ОБА1

9. Не сочетаться с личными местоимениями:

—

(21) *они два, *два они vs. они оба, оба они

10. Сочетаться с распределительным предлогом по:

—

(22) по два студента vs. *по оба студента

Морфологические свойства

11. Иметь синтаксический признак «средний род»⁸:

—

(23) В их системе счисления двенадцать был+о важнее, чем десять.

12. Не иметь флексивной категории рода (т. е. не меняться по роду):

—

(24) три дома, три кровати vs. об+а дома, об+е кровати

13. Не иметь флексивной категории числа (нет разных числовых форм).

+

14. Иметь набор падежей как у прилагательных, а не как у существительных (не иметь партитива, локатива и вокатива).

+

При этом у лексемы ОБА1 отсутствует самое главное свойство количественных числительных: она не обозначает ни число, ни количество. И тем не менее, ОБА1 должно считаться числительным. Дело в том, что единственная альтернатива — это считать ОБА1 (кванторным) прилагательным, наподобие все, всякий, любой и т. д. Однако ОБА1 управляет единственным числом и генитивом определяемого существительного: *оба во-прос+а_{ЕД. ГЕН}*⁹. А прилагательное, морфологически управляющее определяемым существительным, для русского языка есть *contradictio in adjecto*, тогда как среди числительных и без ОБА1 имеется немало «отклоняющихся». Поэтому более целесообразно признать ОБА1 дефектным количественным числительным.

Нередко ОБА1 называют собирательным количественным числительным, наподобие двое, трое и т. д., что представляется нам неудачным, поскольку в отличие от собирательных числительных:

• ОБА1 сочетается как с одушевленными, так и с неодушевленными существительными всех трех родов:

*оба студента / обе студентки ~ двое студентов / *двое студенток*

*оба рассказа / оба окна / обе статьи ~ *двое рассказов / *двое окон / *двое статей*

• ОБА1 не сочетается с существительным *plurale tantum*: *оба / *обе саней ~ двое саней.

3.4.2. Лексемы ОБА2а и ОБЕ2б — местоименные существительные

Существительные ОБА2а и ОБЕ2б являются местоименными, так как, подобно всем прочим местоименным существительным, эти лексемы не принимают рестриктивных

⁸ «Безродовые» языковые элементы в русском языке автоматически получают признак среднего рода (это род *by default*): инфинитивы (*Дойти было необходимо.*), придаточные предложения (*Что мы дойдём, стало известно.*) и т. д.

⁹ Во фраземах *по / на обе стороны* числительное ОБА1 соединяется с существительным в винительном падеже множественного числа; ср. также фразему *на все четыре стороны*. (Указано Л. Иомдиным.)

определений: **красивые / *вчерашние / *американские / ... оба / обе* (исключение: см. конец подраздела 3.4.3, пример (26)).

3.4.3. Особые синтаксические свойства лексем вокабулы ОБА

Общие синтаксические свойства любой лексемы задаются указанием ее части речи в ее словарной статье; все отклонения от общей картины указываются эксплицитно: в зоне «Особые синтаксические конструкции» словарной статьи — в виде специальных поверхностно-синтаксических правил (переход от древесной ПСинтС к линейной ГМорфС, т. е. выбор линейного расположения и морфологического оформления лексем L_1 и L_2 — в зависимости от связывающего их ПСинтО).

Лексема ОБА1

Лексема ОБА1 имеет в своей словарной статье два специальных поверхностно-синтаксических правила.

Правило 1) описывает следующие синтаксические особенности лексемы ОБА1:

- Линейное размещение лексемы ОБА1, зависящей от существительного, выполняется так же, как для всех препозитивных адъективных зависимых существительного-вершины именной группы. Для этого используется «Обойма минимальной именной группы» [Meřčuk 2011: 516] — схема, задающая порядок элементов группы:

Обойма минимальной именной группы

(в широком смысле — включая предложные группы)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
CONJ _(coord)	PARTICLE	PREP	A _(quant)	A _(dem)	NUM	A _(poss)	A _(ord)	A	N	Ψ _{invar}
<i>но</i>	<i>лишь</i>	<i>для</i>	<i>всех</i>	<i>этих</i>	<i>семи</i>	<i>наших</i>	<i>вторых</i>	<i>важных</i>	<i>чисел</i>	<i>λ_i</i>

☛ Ψ_{invar} представляет любое нерусское выражение: цифру, технический символ, формулу или слово на иностранном языке.

В поверхностно-синтаксических правилах указывается — с помощью выражения вида « $\Rightarrow$ No. n (МГ_N)» — позиция в обойме, в которую помещается лексема L_2 , в нашем случае ОБА1. В отличие от полноценных количественных числительных, позиция которых — No.6, лексема ОБА1 занимает позицию No.4, где она чередуется с лексемой ВСЕ1. (Это естественно, ибо в смысле ‘оба1’ содержится смысл ‘все1’.)

- В отличие от прочих количественных числительных, кроме собирательных (двое, трое, ...), лексема ОБА1 может присоединяться не только к существительному, но и к личному местоимению: *оба / обе мы* vs. **два / *две мы*; в отличие же от собирательных числительных, которые обязательно следуют за местоимением, ОБА1 может и предшествовать местоимению и следовать за ним: *к обоим нам / к нам обоим* vs. **к троим нам / к нам троим*.

- В отличие от прочих количественных числительных, кроме два и полтора, лексема ОБА1 согласуется со своим синтаксическим хозяином в роде (что показано в нашем правиле с помощью нижних индексов).

Правило 2) отражает способность лексемы ОБА1 (которую она разделяет с кванторными прилагательными) употребляться в качестве «плавающего» (floating) квантора; синтаксически он зависит от глагола, а семантически относится либо к подлежащему, либо к прямому дополнению, либо к непрямому дополнению:

- (25) а. *Мои кузины решили*—**подлежа-квант-копред**→*обе поступить в университет.*
 б. *Моих кузин дядя послал*—**прямо-объект-квант-копред**→*обеих в университет.*
 с. *Моим кузинам дядя подарил*—**непрямо-объект-квант-копред**→*обеим по компьютеру.*

Указанные семантические различия отображаются, как видно из (25), тремя разными **кванторно-копредикативными** ПСинтО, подчиняющими числительное ОБА1; это последнее согласуется в роде и падеже с соответствующим существительным.

Лексемы ОБА2

Единственная синтаксическая особенность обеих лексем ОБА2 — это способность принимать, в отличие от прочих местоименных существительных, указательные местоимения ЭТОТ и ТОТ в качестве определения:

- (26) *Эти обе уже приготовились, а те обе ещё спят.*

3.5. Морфологические особенности лексем вокабулы ОБА

С морфологической точки зрения все три лексемы вокабулы ОБА абсолютно уникальны в русском языке.

Глубинная морфология (граммемы). ОБА — единственное слово русского языка, различающее род во множественном числе: *обоих мальчиков* vs. *обеих девочек*.

Поверхностная морфология (морфемы).

- ОБА имеет две основы: **обо-** для форм мужского и среднего рода и **обе-** для форм женского рода (*оба*¹⁰+Ø *стола / окна*, *обо*+*их столов / окон*, *обо*+*им столам / окнам*; *обе*+Ø *кровати*, *обе*+*их кроватей*, *обе*+*им кроватям*)¹¹.

- В номинативе и в «неодушевленном» аккузативе все лексемы вокабулы ОБА имеют нулевой падежный суффикс: *оба*+Ø и *обе*+Ø — при том, что (за исключением названных форм) парадигма лексемы ОБА — это типичная парадигма адъектива во множественном числе.

Других лексем, подобных лексемам вокабулы ОБА в указанных отношениях, в русском языке нет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Богуславский 1996 — Богуславский И. М. *Сфера действия лексических единиц*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. [Boguslavskij I. M. *Sfera dejstvija leksičeskix edinic* [Scope of lexical units]. Moscow: Škola “Jazyki Russkoj Kul’tury”, 1996.]
- Зализняк, Шмелев 2014 — Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. О двух лингвоспецифичных единицах русского числового кода. *Логический анализ языка. Числовой код в разных языках и культурах*. Арутюнова Н. Д. (ред.). М.: Ленанд, 2014, 105–120. [Zaliznjak Anna A., Šmelev A. D. On two language-specific units of Russian numeric code. *Logičeskij analiz jazyka. Čislovoj kod v raznyx jazykax i kul’turax*. Arutjunova N. D. (ed.). Moscow: Lenand, 2014, 105–120.]

¹⁰ Традиционное написание *об-А* представляет основу *об-/o/*; конечное *-а* под ударением «проясняется» в */ó/*. Форма *обе* пишется более логично: *об-Е*, а не **об-И*.

¹¹ В идиоме ‘ОБОЕГО ПОЛА’ ‘и того, и другого пола’ фигурирует архаичная основа */obój-/*, встречающаяся только в этой идиоме.

- Иомдин 1981 — Иомдин Л. Л. Симметричные предикаты. *Проблемы структурной лингвистики 1979*. Григорьев В. П. (ред.). М.: Наука, 1981, 89–105. [Iomdin L. L. Symmetric predicates. *Problemy strukturnoj lingvistiki 1979*. Grigor'ev V. P. (ed.). Moscow: Nauka, 1981, 89–105.]
- Мельчук 1985 — Мельчук И. А. *Поверхностный синтаксис русских числовых выражений*. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1985. [Meščuk I. A. *Poverxnostnyj sintaksis russkix čislovyx vyraženij* [Surface syntax of Russian numeric expressions]. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1985.]
- Мельчук, Жолковский 1984 — Мельчук И. А., Жолковский А. К. *Толково-комбинаторный словарь русского языка*. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1984. [Meščuk I. A., Žolkovskij A. K. *Tolkovo-kombinatornyj slovar' russkogo jazyka* [Explanatory-combinatorial dictionary of Russian]. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1984.]
- Падучева 1974 — Падучева Е. В. *О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка*. М.: Наука, 1974. [Padučeva E. V. *O semantike sintaksisa. Materialy k transformacionnoj grammatike russkogo jazyka* [Semantics of syntax. Towards a transformational grammar of Russian]. Moscow: Nauka, 1974.]
- Падучева 1989/2009 — Падучева Е. В. Идея всеобщности в логике и в естественном языке. *Вопросы языкознания*, 1989, 2: 15–25. (Переизд. в: Падучева Е. В. *Статьи разных лет*. М.: Языки славянских культур, 2009, 219–230.) [Padučeva E. V. Universal quantification in logic and in natural languages. *Voprosy Jazykoznanija*, 1989, 2: 15–25. (Reprinted in: Padučeva E. V. *Stat'i raznyx let* [A collection of articles]. Moscow: Jazyki Slavjanskix Kul'tur, 2009, 219–230.)]
- Meščuk 2000 — Meščuk I. *Un fou, une folle : un lexème ou deux ?* BULAG, 2000, numéro hors série (*Lexique, syntaxe et sémantique. Mélanges offertes à Gaston Gross à l'occasion de son soixantième anniversaire*), 95–106. (Reprinted in: Iordanskaja L., Meščuk I. *Le mot français dans le lexique et dans la phrase*. Paris: Hermann, 2017, 343–349.)
- Meščuk 2011 — Meščuk I. Word order in Russian. *Слово и язык (Сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна)*. Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Крысин Л. П. (ред.). М.: Языки славянских культур, 2011, 499–525. [Meščuk I. Word order in Russian. *Slovo i jazyk (Sbornik statej k vos'midesjatiletiju akademika Ju. D. Apresjana)*. Boguslavskij I. M., Iomdin L. L., Krysin L. P. (eds.). Moscow: Jazyki Slavjanskix Kul'tur, 2011, 499–525.]

Механизмы прагматикализации в истории русской формулы прощания *счастливо!*

© 2021

Марина Анатольевна Бобрик

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия; marina.bobrik@online.de

Аннотация: В статье восстанавливается история дискурсивной единицы современного русского языка *счастливо*. Показано, что ее возникновение и эволюция обусловлены как действием внутренних механизмов (прагматикализации), так и влиянием иноязычных образцов. Формула *счастливо* имеет разговорное происхождение и, можно думать, не сразу попадает в письменный язык: первые примеры в НКРЯ относятся к 1830-м гг. Синтаксическая неполнота и относительно низкий социальный статус обусловили позднюю стандартизацию формулы: впервые она фиксируется в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова. Предыстория дискурсивных выражений с наречием *счастливо* связана со сферой дипломатического и придворного этикета XV — нач. XVIII в., в котором большую роль играло польское и югозападнорусское влияние. Далее в статье исследуются механизмы прагматикализации, действие которых в ходе исторической эволюции приводит к образованию самостоятельной дискурсивной единицы *счастливо*. Выделяется два таких механизма — компрессия и аналогия. Компрессия предполагает сокращение формульного выражения до одного слова, которое сохраняет смысл исходного целого. Ситуативно *счастливо* может выступать заместителем целого ряда этикетных формул с этим наречием в старом значении ‘удачно, хорошо, благополучно’. Эволюция двух таких формул — *живи(те) счастливо* и *счастливо оставаться* — рассматривается подробно. В фокусе внимания оказываются динамические аспекты употребления: семантические, акцентные, социолингвистические изменения дискурсивных формул, их французские и немецкие параллели. Механизм аналогии состоит в ассоциации формулы *счастливо* с изоморфными и прагматически близкими формулами, прежде всего со старой разговорной формулой приветствия *здорóво*.

Ключевые слова: диалог, дискурс, прагматика, речевой этикет, русский язык

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-012-00505).

Для цитирования: Бобрик М. А. Механизмы прагматикализации в истории русской формулы прощания *счастливо!* *Вопросы языкознания*, 2021, 1: 70–83.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.1.70-83

Pragmaticalization mechanisms in the history of the Russian farewell formula *sčastlivo!*

Marina A. Bobrik

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; marina.bobrik@online.de

Abstract: The present article intends to reconstruct the history of the Russian farewell formula *sčastlivo*. I show that its emergence and evolution are due to both the action of language-internal mechanisms (pragmaticalization) and the influence of foreign language samples. The formula *sčastlivo* has a colloquial origin and, one might think, does not immediately fall into the written language: the first examples in the Russian National Corpus date back to the 1830s. Syntactic incompleteness and relatively low

social status led to the late standardization of the formula: for the first time it is recorded in the dictionary edited by D. N. Ushakov (1935–1940). The prehistory of discursive expressions with the adverb *sčastlivo* is connected with the sphere of diplomatic and court etiquette of the 15th — beg. 18th century, in which of great importance was Polish and southwestern Russian influence. The article further examines the mechanisms of pragmaticalization which, during the course of historical evolution, make possible the formation of an independent discursive unit. Two such mechanisms are singled out: compression and analogy. Compression means that the formulaic expression is reduced to one word, which preserves the meaning of the original whole. Situationally *sčastlivo* can replace a number of etiquette formulas containing this adverb in the old meaning ‘successful, good, safe’. The evolution of two such formulas — *živi(te) sčastlivo* and *sčastlivo ostavát'sja* — is examined in detail. In general, the focus is on the dynamic aspects of use: semantic, accentual, sociolinguistic changes in discursive formulas, their French and German parallels. The mechanism of analogy presupposes the association of the formula *sčastlivo* with isomorphic and pragmatically close formulas, primarily with the old colloquial greeting *zdoróvo*.

Keywords: dialogue, discourse, pragmatics, Russian, verbal etiquette

Acknowledgements. The paper is supported by Russian Science Foundation (project No. 19-012-00505).

For citation: Bobrik M. A. Pragmaticalization mechanisms in the history of Russian farewell formula *sčastlivo!* *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 1: 70–83.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.1.70-83

1. Формула прощания *счастливо* в письменном русском языке появляется начиная с 1830-х гг. и продолжает употребляться поныне. Разговор об эволюции этого выражения хотелось бы начать с самых общих его свойств.

Синтаксическая неполнота русского *счастливо* бросается в глаза, и она органична для устной диалогической речи. В письменных текстах эта формула воспроизводится именно как элемент диалога. Нет сомнения, что в письменный язык она попадает не сразу (некоторые соображения о рамках этого «дописьменного» периода будут высказаны ниже).

С прагматической точки зрения сфера употребления *счастливо* четко очерчена — это ситуация прощания. Адресовать друг другу эту формулу могут обе прощающиеся стороны. По обстоятельствам разговора *счастливо* выступает пожеланием благополучной жизни, благополучного пути или начинания.

При взгляде на старое употребление формулы *счастливо* заметно, что в текстах XIX в. она употребляется скорее людьми относительно низкого социального положения. Самый ранний в [НКРЯ] пример обнаруживается у Пушкина, где реплику *счастливо* произносит кузнец Архип, обращаясь к дворовым:

- (1) — Ну, ребята, прощайте, — сказал он смущенной дворне, — мне здесь делать нечего. **Счастливо**, не поминайте меня лихом. Кузнец ушел, пожар свирепствовал еще несколько времени [А. С. Пушкин. Дубровский (1833)].

Языковая краска «низкой», простонародной речи присуща, как кажется, формуле *счастливо* и в текстах второй половины XIX в. В романе «Господа Головлевы» (гл. «Племяннушка») так напутствует Анниньку дворня:

- (2) Посадили ее в кибитку, укутали и все разом глубоко вздохнули. — **Счастливо!** — раздалось за ней, когда повозка тронулась [М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы (1875–1880)].

В рассказе Г. Успенского так говорит владелица кабака:

- (3) — Погуляйте, погуляйте, — говорила старуха в большой тревоге: — в лесочке теперь хорошо...
— Нам бы хоть в кусточки... — бормотал чиновник, записывая что-то. — Теперь там чудесно... Прощайте!
— **Счастливо** [Г. И. Успенский. Прогулка (1879)].

Впрочем, к интерпретации этих примеров мне еще придется вернуться.

Примечателен тот факт, что формула *счастливо* долго не принимается во внимание в лексикографии. Это выражение не попало в академический словарь 1847 г. [СЦСРЯ 1847], составители которого к формулам речевого этикета в целом внимательны (о приветствии *здорово* см. далее раздел 5). Очевидно, с точки зрения нормативной лингвистики эпохи формула *счастливо* не входит в сферу языкового стандарта.

Нестандартность *счастливо* заключалась в середине XIX в., можно полагать, в том, что это выражение еще не стало полноправным приветствием и тем самым самостоятельной дискурсивной единицей, но воспринималось скорее как вульгарный обрывок целого выражения (и в этом качестве становилось в литературе чертой простонародной необразованной речи). Сходным образом отсутствует в словаре 1847 г. и укороченно-небрежное *пока* (вместо *прощайте пока, пока до свидания, пока будь здоров*).

В словарь В. И. Даля *счастливо* тоже не входит. Лексикографические источники (важнейшим из которых для Даля был, как известно, именно академический словарь 1847 г.) формулу эту не содержали, а в диалектном узусе, который Даль стремился представить как можно полнее, *счастливо* было, очевидно, не в ходу: не случайно оно отсутствует и в [СРНГ], аккумулирующем материал XIX–XX вв. К вопросу о диалектных синонимах *счастливо* я еще вернусь.

Впервые формула *счастливо* (наряду с выражением *счастливо оставаться*) с пометой «разговорное» фиксируется в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова [СУ]. К 1930-м гг., когда утверждается «советский стандарт», формула *счастливо* проделала в социолингвистическом отношении восхождение, повторяя путь целого пласта русского языка; имею в виду ту лексику, которая из сниженной сферы простонародной, необразованной и полубразованной речи в ходе социально-культурных революций начала XX в. и «демократизации» языкового стандарта стала нейтральной (или получила новое распределение).

Легитимируя *счастливо* и *счастливо оставаться*, составители словаря 1930-х гг. закрепили в новой норме, по сути, лишь рудименты обширной старой системы этикетных выражений со словом *счастливо*. С этой системой и связана эволюция однословной формулы *счастливо*. Однако прежде чем обратиться к механизмам этой эволюции, скажу о ее начальном этапе.

2. Точно фиксировать момент появления формул с *счастливо* в русском языке трудно. Можно лишь утверждать, что они являются инновацией Нового времени. Древнерусский узус, судя по переписке (начиная с берестяных грамот) и пособиям для иностранцев, формул с *счастливо* не знает. Их место занимают выражения с наречием *здорово* (подробнее о них см. раздел 5).

В важнейшем источнике живой речи (позднего) русского средневековья — разговорнике Тёниса Фонне (Фенне) начала XVII в. — в перечне важнейших для коммуникации формул этикета нет ни одной формулы с *счастливо*, зато в нем есть приветствия *живи здорово* и *добро здорovie*:

(4) Sziui sdorouo. — Leuestu noch gesundtt ‘будь здоров’;

Dob<г>oszdorouie. — Guden dach geue uns godtt ‘дай нам бог доброго дня, букв. доброе здорovie’ [Fenne 2008: 189–190].

Живи(те) здорово известно, конечно, и раньше. Так, пергаменную грамоту рижанам (1435 г.) Новгородский и Псковский архиепископ завершает формулой «А живите здорово» [ГВНП 1949: 108, № 65]¹.

¹ В берестяных грамотах при *сдоровыи, сторовыи* ‘благополучный’, ‘живой-здоровый’ регулярны такие контексты, как *а дома здорово* (№ 286), *а иноу все добро здорово* (№ 122), *сторови ли есте* (№ 424) или *а боуде сторовъ князь* ‘а если князь будет здоров и благополучен’ (№ 852, XII в.) [Зализняк Андрей 2004: 325].

Слова от основы *счаст-* проникают в этикет начиная с XV и особенно в XVII в. Формулы-пожелания с этими словами получают распространение в дипломатической переписке и в переводной беллетристике, то есть именно в той сфере, которая обслуживалась Посольским приказом и его переводчиками. Важную роль в их практике играл польский язык и посредничество югозападнорусской культурной среды [Malek 2015: 493; Золтан 2014: 155–170; Kochman 1971–1974; 1975].

Сфера применения лексического гнезда *счаст-* специфична: это формулы приветствия при обращении к высшим особам социальной иерархии. Целый ряд контекстов находим в «Памятниках дипломатических сношений» России с Римской империей, Персией, Швецией:

- (5) Аббас-шахову величеству любовному пріятелю нашего царьского величества любовное поздравленіе и **счастливое пребываніе** и надѣ недруги вашими побѣда и одолѣніе [Веселовский 1898: 135];

Мы радѣмъ вашему царскому величеству **счастье и здравье** (Швед. д., 1591 г. [СлРЯ XI–XVII, 29: 110]);

Победити б вам и **счастливо государство свое держать** (Рим. имп. д., 1591 г. [Там же]);

Желаю вашему высокородству отъ Бога Всемогущаго многолѣтства и **счастлиого** (ср. пол. *szczęstny*) **пребывания!** (Рим. имп. д., 1594 г. [Там же: 111]) и др.

Ср. в бумагах Петра I:

- (6) **Дай Боже ... и впредь счастно совершить путь сей** (1697 г. [СлРЯ XI–XVII, 29: 11]).

Во всех этих случаях, как видим, речь идет о пожеланиях благополучия, адресованных правителю страны (ср. титул монарха *твое счастье* в переводной грамоте 1499 г., а также сочетания *королевское счастье, государское счастье*), а все слова вокруг *счастье* (*счастливо, счастливъ, счастно, счасток* и др.) получает распространение под непосредственным влиянием польского *szczęście* ‘удача, благополучие’ и родственных ему слов (соответствующие параллели отмечаются в [СлРЯ XI–XVII]).

В переводах с польского влияние польских образцов было непосредственным (попутно замечу, что сдвиг ударения на суффикс *-ив-* в *счастливый, счастливо* поддерживался польской нормой):

- (7) Еустафий ... **воеваль счастливѣ** (*szczęśliwie*) и побѣду над неприятельми одержалъ (Рим. д., 1688 г. [СлРЯ XI–XVII, 29: 110]).

В переводах с других языков (латинского, немецкого и др.) такое словоупотребление являлось, очевидно, чертой языка, принятого в переводческом обиходе Посольского приказа [Живов 1996: 120, примеч. 19]. Семантические полонизмы *счастье, счастливость, счастливство* используются при переводе лат. *felicitas, beatitudo*, а также гол. *gheluckigh* [СлРЯ XI–XVII, 29: 109–110]².

Пожелания со словами от основы *счаст-* получали распространение в общении низшего с высшим, младшего со старшим и вне высшей социальной страты, ср. в частной переписке эпохи:

- (8) Бат<ь>ка мои, дѣдушко Михаило Панфилевичъ, ... **подаи Гсдь Бгъ тебѣ ...** здравия, долгодѣнствія, **счастливости** во всяком блѣгом пребыван(ин) (Грамотки, XVII в. [СлРЯ XI–XVII, 29: 110]).

² Отмечу, что в польском языке сер. XVIII — XX вв. выражений, близких русским формулам с *счастливо*, нет [Pawłowska 2014].

Таким образом, к петровскому времени в этикетных пожеланиях более высокому в социальной иерархии лицу обычным становится употребление слов от основы *счаст-* с семантикой удачи и благополучия.

3. В период от первой (в материале НКРЯ) фиксации 1833 г. до слома начала XX в. *счастливо* формируется как самостоятельная дискурсивная формула. В дальнейшем речь пойдет о внутриязыковых механизмах и внешних факторах этого процесса.

По своим синтактико-грамматическим свойствам наречие *счастливо* очевидно подразумевает некоторый контекст. В современном русском языке дискурсивное *счастливо* синхронно естественным образом ассоциируется с выражением *счастливо оставаться* — единственной дожившей до наших дней формулой со словом *счастливо* (*счастливо (Вам) съездить, добраться* и т. п. [Балакай 2001: 655; БТС 2003: 1297]). В языке XVIII и XIX вв. таких формул было больше. Все они являются пожеланиями и группируются вокруг двух основных моделей — с инфинитивом или с императивом того глагола, который называет желаемое действие / состояние³. Вот некоторые из них.

- (9) Корабль был буквально покрыт, почти задавлен пассажирами, все эмигрантами, едущими из Европы в Америку или Австралию. Ну, дай бог им **счастливо добраться!** [И. А. Гончаров. Фрегат «Паллада» (1855)];
- (10) Кажется, дождь перестает. *Желаю счастливо оставаться.* — Берегитесь выходить в сырую погоду, а то опять попадетесь в больницу. [А. И. Герцен. Былое и думы. Часть шестая. Англия (1864)];
- (11) «**Путешествуйте счастливо**, — сказал он, — и наслаждайтесь всем, что может принести удовольствие чистому сердцу!» [Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника (1793)]⁴;
- (12) Она отерла слезы и сказала с нежною улыбкою: «Так и быть! поезжай с богом и **возвращайся счастливо**» [В. Т. Нарезный. Бурсак (1822)];
- (13) Оставайтесь здесь в здравии и покое, **живите счастливо**, пишите умные вещи, если можете; читайте умные книги, если случается в продаже; смейтесь, когда вам будет скучно, смейтесь и здравствуйте [О. И. Сенковский. Аукцион (1834)] и др.

Все эти формулы существовали в языке одновременно с однословным вариантом *счастливо*, но были противопоставлены ему как сокращенному, разговорному и в социально-стилистическом отношении сниженному.

Промежуточный этап компрессии представляет выражение *дай Бог счастливо*, в котором недостает глагола. Эллипсис создает условия для многозначности, и реплика становится удобным речевым шарниром, который можно применить к разным ситуациям, ср.:

- (14) (как напутствие) Ну, и ступайте! **Дай бог счастливо**. Анна и Настя медленно уходят [А. Н. Островский. Не было ни гроша, да вдруг алтын (1872)];
- (15) (как приветствие прибывшему) С приездом. **Дай бог счастливо!** Помогите вам царица небесная! [Г. И. Успенский. Кой про что (1885)].

Вопрос же о том, какая именно из названных формул при «свертывании» давала вариант *счастливо* и тем самым могла бы считаться его источником, не имеет однозначного ответа.

³ Опущены могут быть разные элементы формулы. Максимальный состав инфинитивной модели таков: засим / затем + дай Бог / желаю + Д. тебе / вам + *счастливо* + инфинитив. Максимальный состав императивной модели: императив + *счастливо* (возможен обратный порядок элементов).

⁴ Ср.: *дай божие счастно совершить путь сей* в приводившейся выше цитате из бумаг Петра I.

Ситуативно замена на простое *счастливо* возможна, очевидно, в каждом из приведенных контекстов. Предпочтительно поэтому говорить о том, что *счастливо* может выступать ситуативным эквивалентом целого ряда формул прощания с наречием *счастливо* в их составе. Конкретный смысл такой минимальной реплики восстанавливается участниками разговора из ситуации. Минимальное *счастливо* оказывается гибким и многозначным.

Такой механизм «свертывания», сокращения целого формульного выражения до одного слова, которое вбирает в себя смысл всей исходной (подразумеваемой по ситуации) реплики, естественно определить как *компрессию*.

В разговорном языке и, в частности, в сфере дискурсивных единиц, примеров действия этого механизма немало. Сходный генезис имела и другая разговорная формула прощания, *пока*: примерно с середины XIX в. она фиксируется в текстах в качестве элемента нескольких разных формул: *прощайте пока, пока до свидания, пока будь здоров*; в 1920-е гг. ходовым становится одиночное *пока*, а в 1930-е гг. оно (хотя и с пометой «просторечное» и «фамильярное») входит в словарь под редакцией Ушакова [Шешенина 2016]⁵. Таким же путем возникли *привет* [Добрушина, Данова 2016], *здорово* (подробнее о нем см. раздел 5), *всего, будь, бывай, давай* и ряд других.

4. Рассматривая тексты XVIII–XIX вв., нужно учитывать акцентную и семантическую эволюцию прилагательного *счастливый* и наречия *счастливо*.

Современное распределение ударений в парадигме этого слова таково: в полной форме прилагательного ударение на суффиксе: *счастлѝвый*; в краткой форме и наречии — на корне: *сча́стливо* (NB: кроме дискурсивных *счастлѝво* и *счастлѝво оставаться*).

Старое ударение (по памятникам XVI–XVII вв.) как в полной, так и в краткой форме *сча́стливый*, *сча́стлив*; вариация старого корневого и нового суффиксального ударения фиксируется начиная с рубежа XVIII в. [Зализняк Андрей 2014: 356].

В текстах XVIII–XIX вв. вариация развивается в направлении современного состояния (в академическом словаре середины XIX в. указаны оба ударения [СЦСРЯ 1847, IV: 233]), причем в краткой форме и — что для нас в особенности интересно — наречии прослеживается склонность к ударению *счастлѝво* [Еськова 2008: 508–511]. Ударение именно этой эпохи консервируется в дискурсивных *счастлѝво* и *счастлѝво оставаться*. Таким образом, в наших примерах исторические ударения следующие: *живите счастлѝво* (подробнее о нем см. раздел 5), *путешествуйте счастлѝво, возвращайся счастлѝво* (хотя возможность вариации нужно иметь в виду).

Не менее важно учитывать и семантическую эволюцию наречия *счастливо* (как и прилагательного *счастливый*). Основное направление этой эволюции состояло в сужении сферы действия значений ‘удачно’, ‘успешно’, ‘благополучно’, ‘хорошо’ и развитии основного сейчас эмоционального значения ‘в состоянии счастья’ [Зализняк Анна 2013: 232].

Фраза *Слово, употребленное весьма счастливо Вильгельмом Карловичем Кюхельбекером* (ср. франц. *heureuse combinaison des mots*) [А. С. Пушкин. [Примечания к стихотворениям] (1817–1825)] или *Вечер прошел счастливо и весело* [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)], где *счастливо* означает ‘удачно’, сегодня требует комментария. Устарели выражения *что-то счастливо удалось, сложилось; что-л. счастливо начать*, ср.:

- (16) Все происходило Росіянамъ **счастливо** [‘всѣ складывалось удачно’. — М. Б.] [Извѣстіе о житіи Турецкаго султана Махомета пятаго // Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія. Генварь — Іюнь, 1755 года, 1755];

⁵ Дополнительного исследования требует участие иноязычных образцов в эволюции этой группы выражений. В частности, в немецком языке XVIII–XIX вв. можно указать на параллели русск. *прощайте пока* (нем. *leben Sie indessen wohl*), *пока до свидания* (нем. *bis auf Wiedersehen*), а также на целостную формулу нем. *leben Sie wohl bis auf Wiedersehen*, соответствующую устаревшему ныне русскому *Прощай, до свидания*.

- (17) Неужели? как **счастливо!** [‘как хорошо, как удачно’. — М. Б.] Следовательно, вы и мне родной, — дайте обнять себя [А. С. Грибоедов, П. А. Вяземский. Кто брат, кто сестра, или обман за обманом (1823)].

Важным фактором семантической эволюции *счастливо* было воздействие сначала (в XVI–XVII вв.) польск. *szczęśliwie* (подробнее см. выше раздел 2), позднее (в XVIII–XIX вв.) франц. *heureux* и нем. *glücklich*, семантика которых, кроме значений удача, везения и благополучия, охватывала также область эмоций радости и наслаждения; французское слово включало также спиритуалистический извод счастья (в соответствии с русск. *блаженный*, нем. *selig*)⁶.

5. Другое направление взаимосвязей *счастливо* с другими дискурсивными единицами представляют слова, соотносимые с ним по грамматике, семантике и прагматике. В формуле *счастливо* законсервировано, как было показано, не только старое ударение, но и старое, более широкое значение наречия. Шире тем самым видится и область синонимии и аналогических сближений выражения *счастливо* в рамках дискурсивной сферы.

Синонимичны прощальному *счастливо* пожелание *удачи* (как краткий эрзац выражения *Желаю (вам) удачи*) или формула *всего хорошего* (вместо *Желаю (вам) всего хорошего*).

Однако наиболее точная аналогия прощальному *счастливо* — и с функциональной, и со структурно-семантической стороны — видится в симметричной ему старой формуле приветствия *здорово*, исторически представлявшего собой также результат компрессии (из *здорово живешь* или старого *здорово ли живете*⁷ и т. п.). В обоих парах отмечу противопоставленность по ударению дискурсивного слова и наречия: *сча́стливо* — *счастли́во* : *здо́рово* ‘очень хорошо’ — *здорово́*⁸.

Живая и до сих пор формула *здорово* в разговорном языке XIX — начала XX в. была не только употребительна, но и (в отличие от *счастливо*) признавалась лексикографами. В академическом словаре 1847 г. отмечается, что *здорово* ‘благополучно, в добром здоровьи’ «иногда в просторечии употребляется вместо *здравствуй*»: *Здорово, брат!* [СЦСРЯ 1847, II: 81]⁹.

Обеим формулам — *счастливо* и *здорово* — присуща семантика благополучия. Характерен в этой связи материал XIX–XX вв. в «Словаре русских народных говоров». *Счастливо* здесь почти полностью отсутствует, кроме одного примера в записи 1995 г.: *счастливо* ‘вовремя, удачно’ (о появлении на свет поросенка [СРНГ, 43: 85]). Напротив, материал для *здоров* и *здорово* обилен [СРНГ, 11: 233–234], причем особенно продуктивно *здорово* именно как этикетная формула: в значении ‘здравствуй(те)’ — *ты здорово, вы здорово, здорово вам, (Вы) здорово-те, здорово-те вам, здорово-те живете, здорово-те были; здорово*

⁶ Например, в выражении (*Un tel, une telle*) *d'heureuse mémoire* (об умершем) ‘блаженной памяти NN’ [TLFi: *heureux*]. Ср. в таких текстах, как «блаженства» из Нагорной проповеди в некоторых французских переводах Евангелия: *Heureux les pauvres en esprit* ‘блаженны (лат. *beati*) нищие духом’. Различение в немецком *glücklich* (земное счастье) / *selig* (духовное блаженство) ближе в этом отношении к ситуации в русском языке.

⁷ Ср.: *Наскоро одевшись, нечесаный и неумытый, сын выскочил на двор как раз в тот миг, когда отец въезжал в ворота. — Здорово ли живете? — слышал Матвей хриплый голос* [Максим Горький. Жизнь Матвея Кожемякина (1910)].

⁸ Полисемия слова *здоровый* (и, соответственно, дифференциация акцентных моделей в зависимости от значения, ср. *здо́рово* ‘очень хорошо’ и *здорово́* ‘полезно для здоровья’) несколько усложняет картину; об аналогии можно говорить только для значения ‘очень хорошо’.

⁹ Термин «просторечие» имеет в этом словаре не социолингвистический смысл, а используется в значении ‘устный обиход’, ‘разговорная, неформальная речь’. Социальные и прагматические характеристики даются в СЦСРЯ при необходимости индивидуально, например: *здравия желаю* — ‘образ приветствия при свидании низших чинов с высшими» [СЦСРЯ 1847, II: 81].

в избу (привет входящего в дом), *здорóво дневали* (привет при встрече, ответ: *слава богу!*), *здорóво (себе) ночевали* ‘доброе утро’, *здорóво молился* (привет пришедшему из церкви). Продуктивна модель «*здорóво* + наст. вр. гл.» (возможен и обратный порядок элементов), где глагол называет действие, в котором приветствующий застал собеседника: *здорóво по-сиживаете, сидите, стоите, едите* и т. п.

Таким образом, в процессе преобразования наречия *счастливо* в дискурсивную единицу в действие могли приходиться два механизма: компрессия (сжатие до одного слова целого выражения или фразы) и аналогия (ассоциация со сходной по грамматике, семантике и прагматике дискурсивной единицей).

6. Возвращаясь к вопросу о круге выражений, компрессия которых могла давать *счастливо*, стоит подробнее присмотреться к формулам *живи(те) счастливо* и *счастливо оставайтесь*. Наречие *счастливо* в них не только в акцентологическом, но и в семантическом отношении несет на себе отпечаток узуса XVIII и XIX вв. Обе формулы пережили изменения, которые небезразличны для судьбы дискурсивного *счастливо*.

6.1. *Живи(те) счастливо!*

Основное изменение в истории этого выражения состоит в том, что прежде оно имело как свободное, так и дискурсивное употребление, а теперь — только свободное. Важную роль в этом изменении играет динамика ударения и семантики в слове *счастливо*.

В XIX в. в ситуации прощания эта формула была пожеланием благоденствия, благополучия, покоя и довольства (ср. нем. *lebe wohl* / *leben Sie wohl*, которое обычно переводят словом *прощай(те)*, букв. ‘живи(те) благополучно’).

(18) Прости! **Живи счастливо!** [Н. А. Дурова. Угол (1840)];

(19) Прощайте, мой друг, прощайте, прощайте. **Живите счастливо**; будьте здоровы. [Ф. М. Достоевский. Бедные люди (1846)].

В ту же эпоху употребительно и свободное словосочетание — близнец стандартной дискурсивной формулы. В нем, в зависимости от контекста, на передний план могут выходить разные компоненты широкой семантики слова *счастливо* (см. о ней выше раздел 4). Так, в письме Батюшкова П. А. Вяземскому (1818 г.) сам автор поясняет, что именно он имеет в виду:

(20) **Живи счастливо** в Польше, где, конечно, найдешь людей достойных и общество веселое и занятия, достойные твоего таланта [Батюшков 1989, II: 484].

Жесткой границы между дискурсивным и свободным употреблением нет. Такой пограничный статус имело, как кажется, пожелание счастливой жизни (в мире, любви, согласии, благополучии etc.) супругам:

(21) Я прощаю тебе... **Живи счастливо** с другою женой... Вспомни когда-нибудь и обо мне, — присовокупила она, вздохнув весьма тяжело [А. Е. Измайлов. Бедная Маша (1801)];

(22) Будьте ласковы друг с другом; мужа, не обижайте жен и **живите счастливо** [П. А. Кропоткин. Записки революционера (1902)].

Кроме того, возможен синкретизм дискурсивных функций, в частности, в контекстах, где *живите счастливо* — пожелание семейного счастья при прощании. Замечателен контекст из романа Тургенева «Новь» (1877 г.), который удачным образом есть возможность процитировать по немецкому учебному изданию рубежа XIX–XX вв. с ударениями:

(23) Прощай, Мари́нна, мо́я хоро́шая, че́стная де́вушка! — Прощай, Со́ломинь! — Пору́чаю тебѣ её. — Живите́ счастливо́ — живите́ сь пользо́й для дру́гихъ; а ты, Мари́нна, вспоми́най обо мнѣ то́лько ко́гда бу́дешь сча́слива [Тургенев [1900]: 213].

Приведенный контекст удачен в двух отношениях: во-первых, можно видеть, что в сочетании с *живите* стандартное ударение в наречии приходилось на суффикс: *счастливо*¹⁰ (не доверять источнику нет никаких оснований); а во-вторых, на фоне инновационного ударения в ж. р. *счастлива* в той же фразе можно видеть, что в сочетании *живите счастливо* задержалось старое ударение, что характерно для этикетных формул (ср. *счастливо оставаться*). «Внутренняя рифма» *живите счастливо*, безусловно, поддерживала формульность выражения.

Нынешний речевой этикет такой формулы прощания не знает. Пожелание *живите счастливо* (например, новобрачным) употребляется только как свободное словосочетание, в котором старое ударение не удерживается.

6.2. *Счастливо оставаться!*

- (24) Впоследствии, когда была устроена вращающаяся сцена, для финала оваций ее пускали в ход, и вся стоящая на подмостках труппа, вместе с декорацией, на виду у публики, двигалась в путь и уезжала вместе с полом сцены в глубь ее, а публика оставалась перед изнанкой повернувшихся к ней декораций, на которых написано было «Счастливо оставаться» [К. С. Станиславский. Моя жизнь в искусстве (1925–1928)];
- (25) — **Счастливо оставаться.** — Большоголовый встал, подобрал мешок и пошел. [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978)].

В формуле *счастливо оставаться* опущено начальное *желаю*, ср. пример (10):

- (10) Кажется, дождь перестает. **Желаю счастливо оставаться.** — Берегитесь выходить в сырую погоду, а то опять попадетесь в больницу [А. И. Герцен. Былое и думы. Часть шестая. Англия (1864)].

В отличие от *живи(те) счастливо*, выражение *счастливо оставаться* до сих пор сохраняется в языке именно в дискурсивной функции, как формула прощания, однако заключенная в этой формуле социолингвистическая информация с течением времени менялась.

На первый взгляд, формула *счастливо оставаться* имела в языке конца XVIII — начала XX в. сниженный тон. Наиболее ранний (относящийся к 1780-м гг.) пример в НКРЯ — это реплика купца в комедии, «низком» жанре, открытом для разговорной и (в известных пределах) простонародной речи. Примечательно, однако, что реплика адресована женщине, к тому же более высокого социального ранга; купец называет собеседницу сиятельством, высокородием, милостивой государыней:

- (26) Госпожа Решимова. Ну хорошо, хорошо, поди себе.
Купец. **Счастливо оставаться.** (Уходит.) [Е. Р. Дашкова. Тоисоиков. Комедия в пяти действиях (1786)].

В самом деле, в контекстах с этой формулой существенна именно не сама по себе словесная роль говорящего (купец, мещанин, etc.), а то, что в социальной иерархии говорящий ниже собеседника. В литературе XIX в. формула *счастливо оставаться* нередко

¹⁰ В поэтическом подкорпусе НКРЯ примеры единичны. Ударение в сочетании *жить счастливо* (в различных формах глагола, включая императив) колеблется, ср., с одной стороны: *Чувствительны в любви / Несклонности удары; / Ищи себе ты пары / И счастливо живи* [М. М. Херасков. Ответ на песенку (1763)]; *О том лишь я стараюсь, / Чтоб счастливо прожить* [Г. Р. Державин. Деревенская жизнь (1802)]; а с другой стороны: *Вы счастливо жить хотите / На заре весенних лет?* [К. Н. Батюшков. Веселый час (1809–1810)]; *Почто ж вы прежде жить счастливо не умели?* [И. А. Крылов. Лягушки, просящие царя (1809)] или *Забудь, живи счастливо, / Не хуже кони есть!* [А. Т. Твардовский. «Стоят столы кленовые...»] [Страна Муравия, 18] (1934–1936)].

встречается в речи купцов (и это отражает НКРЯ), но не как собственно сословная краска, а как знак вежливости по отношению к вышестоящему лицу, скажем, помещику. Из множества примеров такого рода приведу только два:

- (27) **Купец. Счастливо оставаться.** Зайдем в пятницу или в субботу, об эту пору-с [И. С. Тургенев. Безденежье (1846)];
- (28) Он [купец Голев, уезжающий от помещика, у которого хочет купить имение. — М. Б.], прощаясь, снял с редковолосой белой головы муаровый вздутый картуз и кричал придушенно: — К нам милости просим!.. Насчет купчей-то как?.. Письмецом известите, письмецом... Вот-вот, и я к тому... **Остаться счастливо...** Ась?.. [С. Н. Сергеев-Ценский. Движения (1909–1910)].

Ср. также контексты, в которых *счастливо оставаться* обращено к эксплицитно названному «высокородному» собеседнику:

- (29) — Ступай, ребята! — **Счастливо оставаться, боярин!** — сказал Тороп, выходя вон из гридницы вместе с служителем [М. Н. Загоскин. Аскольдова могила (1833)];
- (30) — **Счастливо оставаться, барин!** сказал он, — сняв шапку и торопливо юркнул в переулок [П. И. Огородников. Очерки Персии (1874)];
- (31) «Ну, так вот вам желтенькая бумажка!» — **Счастливо оставаться, ваше скоро-дие!** Ну-с, господа домочадцы, давайте теперича жить [М. Е. Салтыков-Щедрин. Письма к тетеньке (1881–1882)].

Как речевой сигнал относительно низкого социального положения формула эта, очевидно, настолько характерна, что герою романа Тургенева, аристократу по рождению, видится достаточной, чтобы казаться «мещанином»:

- (32) — Прощайте, до свиданья... **счастливо оставаться!** — поправил себя Нежданов, входя в свою мещанскую роль [И. С. Тургенев. Новь (1877)].

Вариант *засим / затем счастливо оставаться* подчеркивает формальный или формулярный характер этого выражения (вновь по отношению к более высокому в социальной иерархии лицу):

- (33) — Дистаночному я прикажу быть при вас безотлучно или оставлять знающего человека для указания мест, и, если что встретится для вашего сиятельства вперед, извольте от него требовать. **Затем счастливо оставаться!** — Надеюсь, что мы еще увидимся, — заключил граф очень любезно [Е. Э. Дриянский. Записки мелкотравчатого (1857)].

Итак, формула *счастливо оставаться* входит в арсенал вежливости по отношению к вышестоящему собеседнику:

- (34) — **Счастливо оставаться,** — пустил тотчас же воспитанный Мартыныч [П. Д. Боборыкин. Долго ли? (1875)].

Ряд близких по окраске выражений таков:

- (35) — Прощения просим, **счастливо оставаться,** благодарим покорно, не извольте беспокоиться, — и тому подобное [Ф. В. Булгарин. Иван Иванович Выжигин (1829)].

Как реплика подчиненного *счастливо оставаться* сопровождается, как правило, почтительной (если не униженной) позой, поклоном и т. п.:

- (36) Мартыныч стоял уже в позе, говорившей «**счастливо оставаться**» [П. Д. Боборыкин. Долго ли? (1875)];

- (37) — Слушаю-с, — приниженным голосом ответил Фадеев и, бойко положив три поясных поклона перед образом, низко-пренизко поклонился хозяину, промолвивши: — **Засим счастливо оставаться-с**. Вышел было за дверь, но Смолокуров его воротил [П. И. Мельников-Печерский. На горах. (1875–1881)].

В таких словах с отъезжающим господином прощается, как правило, швейцар:

- (38) Назар Назарович дал ему на радостях трехрублевку, и швейцар, поклонившись снова, раскололся еще раз: усаживая Назара Назаровича в сани, застегивая полость, **желая счастливо оставаться**, вокруг саней хлопотали уже четыре швейцара, и Назар Назарович, вспомнив, что дал на чай только одному, порылся в кармане и сунул какую-то мелочь и остальным троим [Г. В. Иванов. Третий Рим (1929)].

Характерно, что *счастливо оставаться* как формула вежливого прощания с высшим по рангу была закреплена воинским речевым этикетом с его особенно четко регламентированной иерархией и оставалась в употреблении с XVIII в. до Февральской революции 1917 г. По уставам и правилам этого периода нижние чины, уходя, прощаются с начальником или старшим словами *счастливо оставаться*; если же при прощании уходит старший, они говорят ему *счастливого пути* («Как менялась форма ответа военнослужащих на обращение командиров. Досье» <https://tass.ru/info/4895472>; ср. [Степина 2005: 20, табл. 3])¹¹.

Десятки контекстов в НКРЯ документируют употребление *счастливо оставаться* именно в военной сфере и в речи военных, достаточно немногих примеров:

- (39) **Счастливо оставаться**, землячки, благодарим за огонек, мы назад с процентой отдадим, — говорил он, унося куда-то в темноту краснеющуюся головешку [Л. Н. Толстой. Война и мир. Том первый (1867–1869)];
- (40) — Ну, ступай. — **Счастливо оставаться**, ваше благородие [В. М. Гаршин. Денщик и офицер (1880)];
- (41) Будет исполнено ваше превосходительство. **Счастливо оставаться**, ваше превосходительство! Он злобно швырнул трубку [Б. А. Лавренев. Рассказ о простой вещи (1924)].

Любопытный в этикетно-речевом отношении контекст находим в поэме Некрасова «Русские женщины» (1872). В иерархически более высокой роли (и как женщина¹², и как княгиня) оказывается Мария Волконская, а в положении «покорного слуги» — напутствующий ее генерал. Интересно, что *счастливо оставаться* адресовано при этом отправляющей в путь. Вот этот фрагмент:

- (42) В карету меня посадил генерал,
Счастливо желал оставаться...¹³

Генерал прощается с дамой по уставу: оставляя ее в карете и уходя, он почтительно говорит княгине *счастливо оставаться*. В ситуации прощания, как здесь, глагол *оставаться* выступает скорее в значении ‘пребывать, быть’, так что *счастливо оставаться*

¹¹ На флоте *счастливо оставаться* и *счастливого пути* (*счастливый путь*) входили в язык флажковой коммуникации, ср.: *Флаг подняли еще с утра, включили радио, — военный тральщик отсалютовал — «счастливый путь» — и пьяная вахта долго путалась во флажках, чтобы отсалютовать — «счастливо оставаться»* [Б. А. Пильняк. Заволочье (1925)].

¹² Можно указать и другие примеры вежливого употребления *счастливо оставаться* при прощании с женщиной, ср., в частности: *Счастливо оставаться, барышня! Раков, ваших подданных, тоже прихватил, — фельдфебель за ваше здоровье попускает...* [Саша Черный. Солдатские сказки / Солдат и русалка (1932)].

¹³ Некрасов Н. А. Собрание стихотворений. Берлин: Петрополис, [ок. 1920], с. 177.

значит, по сути, '(пре)будьте благополучны', 'оставайтесь здоровы'¹⁴ (ср. нем. *bleiben Sie gesund* или франц. *restez en bonne santé*, букв. 'оставайтесь здоровы').

Таким образом, выражение *счастливо оставаться* исторически характеризовало некоторый модуль вежливости (подразумевавший дистанцию и речь снизу вверх), в то время как конкретные социальные роли собеседников могли варьировать. Так мог сказать и швейцар, и купец, и мещанин, и солдат, и генерал — важно, что этот говорящий был в социальной иерархии ниже своего собеседника. Такое употребление заставляет вспомнить ту старую традицию дипломатического и придворного этикета, о которой шла речь в разделе 2 — традицию, в которой и зародилось когда-то употребление выражений со словами *счастливый* и *счастливо*.

Разрушение старой системы сословий и групп в эпоху двух революций 1917 г. имело следствием стирание в формуле *счастливо оставаться* ее социально-иерархического смысла. Первым шагом в этом направлении было упразднение этой формулы в языке армии в ходе реформы войскового устава (в феврале 1917 г.). Постепенно забылась и связь ее с этикетом табельных рангов и старым каноном вежливости, в частности, по отношению к женщине. Связь эту стоит, однако, иметь в виду, читая «Гамлета» в переводе Б. Пастернака, где Лаэрт прощается с сестрой словами:

- (43) Прощай, Офелия, и твердо помни,
О чем шла речь. <...>
Счастливо оставаться!¹⁵

Сказанное бросает дополнительный свет и на сравнительно ранние употребления однокоренного *счастливо* в текстах XIX в. — контексты из «Дубровского» или «Господ Головлевых», с которых я начала эту статью. В таком сжатом виде формула *счастливо* очевидным образом принадлежит разговорному языку простонародья, но она предназначена не для равного, а для вышестоящего в социальной иерархии: кузнец Архип в «Дубровском» с почтением к «миру» прощается со своим сообществом; в «Господах Головлевых» дворня прощается с барыней.

7. Итак, разговорная формула прощания и пожелания удачи *счастливо* проникает в письменный язык в 30-е гг. XIX в., но вплоть до 30-х гг. XX в. остается вне языкового стандарта и не входит в словарь.

Как я старалась показать, она возникает путем компрессии дискурсивных пожеланий с наречием *счастливо*; из них наиболее употребительными в XIX в. были *живи(те) счастливо* и *счастливо оставаться*. Становясь самостоятельной дискурсивной формулой, *счастливо* удерживало старое ударение (на суффикс *-ив-*) и старую, более широкую, чем нынешняя, семантику исходного наречия.

Прагматически *счастливо* симметрично старой дискурсивной формуле приветствия *здорово*, а структурно аналогично ему; такая ассоциация внутри разговорного речевого этикета способствовала, можно думать, прагматикализации *счастливо*.

В текстах *счастливо* функционирует как социально сниженный вариант ситуативно соответствующих ему полных выражений. В XIX в. формула *счастливо* сохраняет исторически присущее исходным выражениям этикетное почтение; в советский период иерархическая семантика *счастливо* полностью стирается.

¹⁴ Ср.: *Мы от всего сердца пожелали им благополучно оставаться, велели скорее впрягать карету и уехали* [Д. И. Фонвизин. Письма родным (1784–1785)]; — *Затем оставайся здоров, дядя Василий Степанович, — сказал, небрежно кивнув головой, император* [Е. П. Карнович. Придворное кружево (1884)].

¹⁵ Шекспир В. Избранные произведения. М.: ГИХЛ, 1953, с. 244. У Шекспира дважды *farewell*: *Farewell, Ophelia, and remember well what I have said to you.* <...> *Farewell.*

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Балакай 2001 — Балакай А. Г. *Словарь русского речевого этикета*. М.: АСТ-Пресс, 2001.
- Батюшков 1989 — Батюшков К. Н. *Сочинения*. Т. I–II. М.: Художественная литература, 1989.
- БТС 2003 — *Большой толковый словарь русского языка*. Кузнецов С. А. (ред.). СПб.: НОРИНТ, 2003.
- Веселовский 1898 — *Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией*. Веселовский Н. И. (ред.). Т. III. СПб.: Скоропечатня Яблонского и Перотт, 1898.
- ГВНП 1949 — *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*. Валк Н. С. (ред.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
- НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. <http://www.ruscorpora.ru>.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1–. М.; Л.: Наука, 1965–.
- СЛРЯ XI–XVII — *Словарь русского языка XI–XVII вв*. Вып. 1–. М.: Наука, 1975–.
- СУ — *Толковый словарь русского языка* / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. I–IV. М., 1935–1940.
- СЦСРЯ 1847 — *Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук*. Т. I–IV. СПб., 1847.
- Тургенев [1900] — Тургенев И. С. *Новь*. Berlin-Schöneberg: Langenscheidtsche Verlagsbuchhandlung (Prof. G. Langenscheidt), [1900].
- Fenne 2008 — Hendriks P., Schaeken J. *Tönnies Fenne's Low German manual of spoken Russian, Pskov 1607: An electronic text edition*. Leiden University, Slavic Department, 2008. <http://www.schaeken.nl/lu/research/online/editions/fenne11.pdf>.
- TLFi — *Trésor de la Langue Française informatisé*. <http://atilf.atilf.fr/tlf.htm>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Добрушина, Данова 2016 — Добрушина Н. Р., Данова М. К. Привет. *Два века в двадцати словах*. Добрушина Н. Р., Даниэль М. А. (ред.). М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016, 251–270. [Dobrushina N. R., Danova M. K. Privet 'hello'. *Dva veka v dvadtsati slovakh*. Dobrushina N. R., Daniel M. A. (eds.). Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2016, 251–270.]
- Еськова 2008 — Еськова Н. А. *Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков: Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи*. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. [Es'kova N. A. *Normy russkogo literaturnogo yazyka XVIII–XIX vekov: Udarenie. Grammaticheskie formy. Varianty slov. Slovar'. Poyasnitel'nye stat'i* [Norms of standard Russian of the 18th–19th centuries. Stress. Grammatical forms. Word variation. A dictionary. Explanatory notes]. Moscow: Rukopisnye Pamyatniki Drevnei Rusi, 2008.]
- Живов 1996 — Живов В. М. *Язык и культура в России XVIII века*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. [Zhivov V. M. *Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka* [Language and culture in 18th century Russia]. Moscow: Shkola "Yazyki Russkoi Kul'tury", 1996.]
- Зализняк Андрей 2004 — Зализняк Андрей А. *Древненовгородский диалект*. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zaliznyak Andrei A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd edn. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Зализняк Андрей 2014 — Зализняк Андрей А. *Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь*. М.: Языки славянской культуры, 2014. [Zaliznyak Andrei A. *Drevnerusskoe udarenie: Obshchie svedeniya i slovar'* [Old Russian stress: General information and a dictionary]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2014.]
- Зализняк Анна 2013 — Зализняк Анна А. *Русская семантика в типологической перспективе*. М.: Языки славянской культуры, 2013. [Zaliznyak Anna A. *Russkaya semantika v tipologicheskoi perspektive* [Russian semantics in typological perspective]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2013.]
- Золтан 2014 — Золтан А. *Interslavica. Исследования по межславянским языковым и культурным контактам*. М.: Индрик, 2014. [Zoltan A. *Interslavica. Issledovaniya po mezhslavyanskim yazykovym i kul'turnym kontaktam* [Interslavica. Studies in inter-Slavic linguistic and cultural contacts]. Moscow: Indrik, 2014.]
- Степина 2005 — Степина Т. А. *Эволюция стереотипов русского воинского общения*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец: Пензенский гос. педагогический ун-т им. В. Г. Белинского, 2005. [Stepina T. A. *Evolutsiya stereotipov russkogo voinskogo obshcheniya* [Evolution of stereotypes of Russian military communication]. Ph.D. diss. abstract. Yelets: Belinsky State Pedagogical Univ. of Penza, 2005.]

- Шешенина 2016 — Шешенина А. В. Пока. *Два века в двадцати словах*. Добрушина Н. Р., Даниэль М. А. (ред.). М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016, 232–250. [Sheshenina A. V. Poka 'bye'. *Dva veka v dvadtsati slovakh*. Dobrushina N. R., Daniel M. A. (eds.). Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2016, 232–250.]
- Kochman 1971–1974 — Kochman S. Polonizmy w języku rosyjskiej korespondencji dyplomatycznej (1478–1571). *Sprawozdania Opolskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, Seria B*, 1971–1974, 7: 37–54, 8: 63–74, 9: 33–42, 10: 15–27.
- Kochman 1975 — Kochman S. *Polonica w leksykografii rosyjskiej XVII wieku*. Warszawa: PWN, 1975.
- Malek 2015 — Malek E. *Polsko-rosyjskie kontakty kulturowe w XV–XVIII wieku. Wśród krajów Północy: Kultura Pierwszej Rzeczypospolitej wobec narodów germańskich, słowiańskich i naddunajskich: mapa spotkań, przestrzenie dialogu*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2015, 478–553.
- Pawłowska 2014 — Pawłowska A. *Formuły werbalne polskiej etykiety językowej od połowy XVIII do lat sześćdziesiątych XIX wieku: Analiza socjolingwistyczna*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2014.

Получено / received 02.05.2020

Принято / accepted 16.06.2020

Причинный союз *tbət* в кхмерском языке: заметки об истории и особенностях функционирования

© 2021

Сергей Юрьевич Дмитренко

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия; dmitrserg@mail.ru

Аннотация: В статье представлено описание одного из показателей причинного значения в кхмерском языке — союза *tbət*. Рассматривается история этого показателя, а также его функционирование в среднекхмерском и современном кхмерском языке. Хотя единой точки зрения на происхождение этого показателя не существует, очевидно, что он связан с санскритским (или палийским) словом *pada* ‘стопа, отпечаток ноги, след, предлог’. Впервые этот показатель появился в текстах среднекхмерского периода. В текстах XVII–XVIII вв. он является одним из основных маркеров причинного значения, выполняя функцию как предлога, так и союза. Особенности функционирования показателя в эту эпоху демонстрируются на материале эпиграфических памятников XVII в. и классической дидактической поэмы *Cbap Preah Riacsomphā*. Также анализируются многочисленные употребления *tbət* в тексте плутовской сказки *Ruəŋ Thəŋŋəj*, для языка которой характерны архаичные черты, отчасти сближающие его со среднекхмерским. В современном письменном языке *tbət* продолжает употребляться только как союз со значением причины. Причинная клауза, вводящая союзом *tbət*, всегда находится в постпозиции к главной клаузе (для причинных клауз, вводимых другими показателями причины, возможна как препозиция, так и постпозиция по отношению к главной клаузе). Использование *tbət* характерно для газетных и научных текстов. В ряде случаев его употребление приводит к некоторой «архаизации» речи, но имеется и немало случаев, когда этот показатель вполне нейтрален и маркирует лишь официальный, книжный стиль речи. Типологически необычным также является использование *tbət* в современном языке как показателя уступки. В этом случае уступительная клауза с показателем *tbət* находится в препозиции к главной клаузе.

Ключевые слова: австроазиатские языки, грамматикализация, кхмерский язык, причина, союзы, уступительность

Благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда № 18-18-00472 «Причинные конструкции в языках мира: семантика и типология». Мы выражаем глубокую признательность информантам — д-ру Миак Боура и д-ру Би Сокконгу. С предварительной версией статьи внимательно ознакомились коллеги — Н. М. Заика, Н. Н. Казанский и В. С. Храковский, которым мы чрезвычайно благодарны за высказанные замечания. Ряд важных для нас теоретических замечаний был сделан анонимным рецензентом журнала «Вопросы языкознания», которому мы также выражаем искреннюю благодарность. Разумеется, все ошибки и недочеты, которые обнаружатся в статье, остаются на совести автора.

Для цитирования: Дмитренко С. Ю. Причинный союз *tbət* в кхмерском языке: заметки об истории и особенностях функционирования. *Вопросы языкознания*, 2021, 1: 84–103.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.1.84-103

Causal conjunction *tbət* in Cambodian: Notes on the history and functional properties

Sergei Yu. Dmitrenko

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia; dmitrserg@mail.ru

Abstract: The paper describes the conjunction *tbət*, a causal marker in Cambodian. Some aspects of its history and its functioning in Middle and Modern Cambodian are considered. Although there is no consensus

as to the origins of this conjunction, its genetic links to the Sanskrit (or Pali) word *pada* ‘footstep, trace, vestige, pretext’ are indisputable. Its first appearance in texts goes back to Middle Cambodian. In 17th–18th century texts, it occurs as a major causal marker functioning as either a preposition or conjunction. The paper analyzes its use during that period based on 17th century epigraphic inscriptions and on a classical didactic poem, *Chap Preah Riæcsamphā*. Further, I analyze numerous occurrences of *tbət* in the picaresque tale *Ruəŋ Thunŋəcj*, composed in an archaic style similar to Middle Cambodian. In modern written Cambodian, *tbət* only occurs as a causal conjunction. Causal clauses introduced by *tbət* invariably follow the main clause, while those with other causal markers can either precede or follow the main clause. *Tbət* is mostly found in journalistic or scientific texts. Though the conjunction sometimes lends certain “archaic” flavor to the texts it appears in, its meaning is often fairly neutral and only serves to mark an official, bookish style of the writing. As a typological rarity, Modern Cambodian sometimes uses *tbət* to mark concession, with the concessive *tbət*-clauses preceding the main clause.

Keywords: Austroasiatic, cause, concessive, conjunctions, grammaticalization, Khmer

Acknowledgements: The research was supported by Russian Science Foundation, project No. 18-18-00472.

For citation: Dmitrenko S. Yu. Causal conjunction *tbət* in Cambodian: Notes on the history and functional properties. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 1: 84–103.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.1.84-103

1. Введение

В существующих грамматических описаниях кхмерского языка¹ показателям причинного значения обычно уделяют не слишком много места — см., например, [Еловков 2006; Khin 1999; Haiman 2011]. Между тем в кхмерском существует целая группа маркеров значения причины (с уверенностью можно говорить о восьми-девяти)², демонстрирующих стилистические, позиционные, а иногда, вероятно, и некоторые семантические различия. Описание каждого из них вполне может быть предметом самостоятельного исследования. В данной публикации рассматривается лишь один из показателей причины в кхмерском — союз *tbət*. В разделах статьи обсуждаются возможные гипотезы о происхождении этого показателя, описывается его функционирование в текстах на среднекхмерском, а также в современном кхмерском языке.

Союз *tbət* (вариант транскрипции *t^hbət*, орфографическая форма ព្រឹត្តិ³, транслитерация *tpit*) используется в современном кхмерском языке как один из маркеров причины. Этот союз употребляется достаточно редко, хотя встретить его можно в текстах разных типов: от академических публикаций до интернет-СМИ и блогов.

¹ Кхмерский язык (государственный язык Королевства Камбоджа) относится к австроазиатской языковой семье. Структурно представляет собой изолирующий язык с остатками некогда богатой деривационной морфологии. Порядок слов в предложении жесткий — SVO. Определение всегда следует за определяемым. Грамматические значения выражаются с помощью относительно небольшого количества служебных слов, которые могут находиться в препозиции и в постпозиции к именам и предикативам. В синтаксисе письменного языка распространены сериальные глагольные конструкции (от двух до пяти глаголов) и сложноподчиненные предложения (условные, уступительные, таксисные, причинные и др.). В условных, уступительных и таксисных предложениях придаточное (обычно с союзом) предшествует главному, но может находиться и в постпозиции к нему.

² Для сравнения укажем, например, что условное значение выражается в кхмерском только тремя показателями (основной показатель *bau* и его варианты, менее частотный показатель *luh tra: tae*, а также очень редкий показатель *lq:*).

³ Встречается также орфографический вариант ព្រឹត្តិ (транслитерация *tpit*), но кхмерские филологи считают его ошибочным и не рекомендуют использовать. Написание ព្រឹត្តិ предписывается только для записи омонимичного слога *tbət* — редупликатора повтора *rut tbət* ‘зажимать, затягивать, ограничивать’.

- (1) *ru:p le:k 10–12 sɔmkhan nah tbat jɜ:ŋ khɜ:p tha: neak*
 изображение номер важный очень REAS 1PL видеть что человек
teaŋ nuh ciə khmae
 весь ДЕМ СОР кхмер

‘Иллюстрации № 10–12 чрезвычайно важны, поскольку мы видим, что все эти люди (изображенные на барельефах, приведенных на фотографиях в статье) — кхмеры’. (<http://www.yosothor.org>)

- (2) *sla:k le:k rɔət₁ juən₂ nɔw₃ tae₄ miən cao luəc tbat miən*
 знак номер автомобиль_{1,2} CONT_{3,4} иметь вор красть REAS иметь
ti: phsa: lɔək tuŋ sla:k le:k kraw prɔpɔvɔn
 место рынок продавать покупать знак номер вне система

‘Похитители автомобильных номерных знаков все еще существуют, поскольку существуют незаконные рынки торговли этими знаками’. (<https://www.dtn7.com>)

- (3) *ki:ki: sɔpba:j cət tbat ba:n saelfi:*
 Кики радоваться сердце REAS получать селфи

‘Кики (кликча собаки) рад, что сделал селфи’ (Фейсбук; автор блога — высококвалифицированный филолог, специалист в области истории языка — сфотографировался со своей собакой, снабдив фотографию соответствующим текстом)⁴.

В современном языке показатель *tbat* употребляется наряду с другими, гораздо более частотными маркерами причины (прежде всего с показателями *daoj-sa:*, *prɔəh*, *maok-pi:*, *haet-tae*).

2. Происхождение показателя *tbat*: гипотезы

В существующих словарях древнекхмерского языка [Long 2000; Pou 2004; Jenner 2009a; 2009b]⁵ этот показатель отсутствует (как отсутствует и в эпиграфических памятниках, на основе которых данные словари составлялись)⁶. Нам известны три гипотезы, которые объясняют происхождение показателя *tbat*.

1. «Словарь кхмерского языка» (*Vea?ca?na:nu?krɔm khmae*)⁷ указывает, что показатель *tbat* восходит к палийскому сочетанию, которое словарь передает как ṭappada (транслитерация — *tappada*). Это сочетание, как объясняется в соответствующей словарной статье, представляет собой комбинацию палийского (указательного) местоимения *tad* и существительного *pada* ‘нога, стопа, шаг, путь’. Нам, тем не менее, не удалось установить, какое именно палийское слово имеется в виду: в просмотренных словарях (в том числе электронных) и корпусах палийских текстов форма *tappada* не зафиксирована⁸. Скорее

⁴ Позже, обсуждая эту запись, автор поста объяснил, что с его стороны это был элемент языковой игры. Он намеренно хотел употребить в легкомысленной записи архаичное слово.

⁵ Древнекхмерским языком называют язык VII — первой трети XV в., который представлен эпиграфическими надписями, а также надписями на бронзовых предметах.

⁶ В древнекхмерском языке основным маркером причины было, вероятно, заимствованное из санскрита слово *hetu* ‘причина’. Этот показатель продолжает встречаться и в текстах среднекхмерского периода. Так, например, он несколько раз употребляется в тексте дидактической поэмы «Тьбап Коун Тяу» (Ср̄ap k̄uŋ sau), которую специалисты относят к концу XVI в. [Pou, Jenner 1977]. В современном языке на его основе возник, в частности, причинный показатель (союз) *haet-tae*.

⁷ Классический нормативный словарь кхмерского языка, подготовленный под руководством выдающегося кхмерского религиозного деятеля, филолога и просветителя Тюан Ната (*Sɔmdec preah sn̄j riəc siəŋ na:t*) и опубликованный в 1966 г. Буддийским институтом в Пномпене.

⁸ Мы чрезвычайно признательны С. С. Тавастшерне за консультацию по данному вопросу.

всего, этимология, приводимая классическим словарем, является ошибочной. Дополнительным аргументом, который заставляет усомниться в правильности этой этимологии, может служить тот факт, что показателя с похожим планом выражения нет, насколько нам известно, ни в одном из тех языков Юго-Восточной Азии, которые, как и кхмерский, испытали сильное влияние пали (тайский, лаосский, бирманский).

2. Пэу Саверос предполагает, что этот показатель (она говорит о нем как о «location conjonctive causale») восходит к сочетанию *ta pada* [Lewitz 1972a: 231]. Компонент *ta-/ta-* здесь представляет собой древнекхмерский показатель подчинительной связи («маркер зависимой предикации» в описании Т. Г. Погибенко, «particle conjonctive» в описании Пэу Саверос). Этот показатель широко представлен в древнекхмерской эпиграфике (см. о нем, в частности, работы [Погибенко 2013: 241–256; Thach, Paillard 2011])⁹. Компонент *pada* — заимствование из санскрита или пали, где это слово имеет основное значение ‘нога, стопа, шаг, путь, след, отпечаток’ (Пэу Саверос здесь апеллирует к более редким значениям ‘дело, причина’, которые также есть у этого слова, ср. [Monier-Williams 1899: 583]). Добавим, что в качестве одного из значений слова *pada* словарь санскрита также отмечает ‘повод, предлог’ (*pretexte*), а словарь пали — ‘путь, способ’ (см., например, [Rhys Davids, Stede 1921–1925: 455]). Такая этимология, безусловно, заслуживает внимания, поскольку вписывается в общую картину появления причинных показателей в кхмерском, важнейшие из которых оказываются исторически связаны с лексемами со значением ‘следовать по пути’, ‘путь’¹⁰. Так, слово *daoy-sa:* — один из самых частотных показателей причины в современном языке — представляет собой комбинацию древнекхмерского глагола *doy* ‘следовать за, следовать по пути’ и санскритского / палийского заимствования *sa:* (< *sāra* ‘сильный, важный, сущность’). Другой частотный показатель причины в современном кхмерском — служебное слово *proəh* — вероятно, восходит к древнекхмерскому корню *roh*, который имеет значение ‘путь, способ’.

3. Еще одну точку зрения высказал в частной беседе специалист в области истории кхмерского языка д-р Миак Боура, также связывающий происхождение показателя с санскритским *pada* ‘нога’. При этом само слово *tbət* он предлагает рассматривать как результат префиксации, усматривая в сегменте *t-* рефлекс древнекхмерского префикса *ta-* (см. также [Лонг Сеам 1989: 14]).

Имеющихся данных, к сожалению, недостаточно, чтобы в настоящий момент принять ту или иную гипотезу о происхождении показателя. В любом случае его история так или иначе связана с санскритским/палийским словом *pada*, а возникает он только в среднекхмерский период.

3. Показатель *tbət* в среднекхмерском языке

3.1. Предварительные замечания

Среднекхмерским языком принято называть язык памятников XV–XVIII вв. Условной датой начала этого периода можно считать 1431 г. — год падения столицы Ангкорской империи (Камбуджадеши) Яшодхарапуры, а датой конца (перехода к современному кхмерскому) — 1779 г. (начало правления короля Анг Енга). В среднекхмерский период

⁹ В современном письменном языке в фонетической форме *dv:* (орфографическая форма ផ្ទៃ) он продолжает ограниченно употребляться только как факультативный показатель качественного определения: *sptmŋ dv:* *sptmkha:n* ‘важный вопрос’, *la:n dv:* *luəŋ* ‘быстрый автомобиль’.

¹⁰ Отметим, что данное направление грамматикализации (появление показателей причины на базе лексем со значением ‘путь’, ‘следовать по пути’) не отмечено, например, в работе [Heine, Kuteva 2002].

происходит значительная перестройка языка (прежде всего, на уровне фонологии, но также и на уровне грамматики). В эту эпоху в языке появляются лексические заимствования из тайского языка и пали. Последний приходит на смену санскриту в качестве языка, доминирующего в сфере религии. Памятники, относящиеся к среднекхмерскому периоду, достаточно разнообразны. Это как эпиграфические тексты (во многих случаях содержащие точную датировку), продолжающие традицию древнекхмерской эпиграфики VII–XIV вв., так и тексты других жанров, записанные на высушенных пальмовых листьях (*slək rut*) и чаще эксплицитно не датированные: произведения эпического и хроникального характера, буддийские тексты, дидактические поэмы и пр. [Lewitz 1970: 99]. В данной статье мы будем обращаться лишь к среднекхмерской эпиграфике (учитывая, в том числе, достоверность датировок памятников этого типа), а также к одному из поэтических произведений в жанре «тьбап» (*cbab* ‘закон; дидактическая, морализаторская поэма’). Также будет рассмотрено употребление показателя в тексте сказки о Тхунньтее — произведении, написанном уже на современном кхмерском языке, но имеющем, тем не менее, некоторые архаичные черты, сближающие его со среднекхмерским.

Рассматриваемый показатель включен в словарь среднекхмерского языка Пэу Саверос [Рос 2017], при этом в данном словаре отсутствует информация о первых фиксациях лексем. В словарной статье приводятся следующие транслитерации форм этого слова, встречающихся в среднекхмерских текстах: *tpit*, *ta pad*, *tpad* [Ibid.: 138]. Орфографические различия (одна форма пишется при помощи двух акшар (силлабограмм) — *ta pad*, а две другие — при помощи сочетания акшары и лигатуры — *tpit*, *tpad*) отражают, вероятно, эволюцию плана выражения показателя.

3.2. Среднекхмерская эпиграфика

Эпиграфические тексты вотивного характера, датируемые XVII в., демонстрируют функционирование интересующего нас показателя (цифры в скобках в верхнем регистре обозначают порядковый номер строки эпиграфического памятника):

- (4) 1553 *anakkhasa*⁽²⁾*tv* *chnām* *mamaeh* *khaeh* *jes* 3 *ket*
 календарный.цикл год год.козы месяц 7.месяц родиться
thñaiy⁽³⁾ *canabārassārānā* *jumnum* *assañ* *phon*⁽⁴⁾ *mān* *anak* *yeñ*
 день пятница собираться все.монахи PL быть персона 1PL
anak samtec brah *mahā*⁽⁵⁾*mañgal* *pubit* *nu* *anak samtec brah*
 TITLE PN священный CONJ TITLE
pavara⁽⁶⁾*saththāh* *nu* *anak samtec* *mokagalān* *i*⁽⁷⁾*ssamtec* *therānuthar*
 PN CONJ TITLE PN все.монахи тхеры
bhikkhasusañ *phon*⁽⁸⁾ *dañ hlāy* *ta pad* *tā* *yassarāj* *oy* *jī*⁽⁹⁾*y*
 бхиккху PL все REAS старик PN CAUS старуха
jaiy *neñ* *rūc* *jā* *braiy*
 PN DEM освобождать быть брай (вольноотпущенник)

‘1553 г. (по сакской эре¹¹, т. е. 1631 г. н. э.), год козы, седьмой месяц, третий день растущей луны, пятница. Собрались все монахи. Были Его Преподобие Святейший Махамангал, Его Преподобие Святейший Паварасаттха, Его Преподобие Моггалан, все тхеры и бхиккху¹², ибо (почтенный) старец Яссараджа дал вольную старухе Яй’.

¹¹ Сакская эра или эра Шаливаханы — система летоисчисления, заимствованная из Индии. В качестве точки отсчета используется 78 г. н. э.

¹² Разряды буддийских монахов: *тхера* — монах, прошедший в буддийской общине (сангхе) не менее десяти лет, *бхиккху* (бхикшу) — монах, соблюдающий максимальное количество обетов.

Пример (4) представляет собой самое начало надписи (IMA 14), которая была опубликована Пэу Саверос в составе свода «Inscriptions modernes d'Angkor» [Lewitz 1972a–b] (свод содержит надписи среднекхмерского периода, обнаруженные в Ангкор-Вате и сделанные в то время, когда храмовый комплекс использовался в качестве буддийского монастыря). Подобные надписи имеют стандартную структуру. В начале текста приводится точная датировка по сакской эре (год), датировка по китайскому циклическому календарю и датировка по лунному календарю (месяц, год). Далее сообщается о состоявшемся собрании членов монашеской общины — сангхи (иногда поименно перечисляются высокопоставленные монахи), после чего поясняется причина состоявшегося собрания монахов. Именно эту часть текста (объяснение причины) и маркирует здесь слово *tpit / ta pad / tpad*. Интерес в связи с этим представляет пример (5), где, как видно на эстампаже данной надписи (IMA 8, К. 302), опубликованном камбоджийским исследователем Вонгом Сотхеара [Vong 2012: 265], показатель *ta pad* предварен графическим пробелом (в транслитерации это место отмечено двойной вертикальной чертой). Поскольку пробелы в среднекхмерских текстах встречаются гораздо реже, чем в современных, их наличие в том или ином месте является важным маркером информационного членения текста.

- (5) 1547 *sa*⁽²⁾*k* *chlūv* *anaksatr* *khae māgh pūn*
 сакская.эра год.быка календарный.цикл месяц 3.месяц четыре
roc *āditya*⁽³⁾*bār* *ok hlūn* *cakkrī insaen mīmantr*
 день.убывающей.луны воскресенье TITLE PN приглашать
*brah*₁ *a*⁽⁴⁾*riyasañs*₂ *phon jamnum* || *ta pad* *okk hlūn rā*⁽⁵⁾*jātejahh*
 достойный.монах_{1,2} PL собираться REAS TITLE PN
paun *okk hlūn* *cakkrī insaen*⁽⁶⁾ *pros* *khñum*
 старший.сиблинг TITLE PN освободить раб
damñ *gruv kūn* *pi nāk mūy ket*⁽⁷⁾ *knuñ*₃ *pammros*₄ {...}
 целый семья ребенок три человек один рождаться на.свободе_{3,4}

‘1547 г. сакской эры (т. е. 1625 г.). Год быка, третий месяц, четвертый день убывающей луны, воскресенье. Господин Чакри Инсаенг пригласил собраться достойнейших монахов, ибо его старший брат господин Раджатеда дал свободу целому семейству рабов, в котором трое детей, один из них рожден (уже) на свободе’.

В примере (6), взятом из надписи (IMA: 26), как видно по транслитерации, показатель записывался уже не двумя силлабограммами (акшарами), а при помощи сочетания акшары и лигатуры, как это происходит и в современном языке. Весьма вероятно, что такая запись фиксирует эволюцию плана выражения показателя, который, как и в современном языке, начинает произноситься в один слог.

- (6) 1585 *anakakhsatr* *chnām* *thah* *khaeh kārtak* *beñ parñn*⁽³⁾
 календарный.цикл год заяц месяц 12.месяц полный полная.луна
thñaiy *buddhabārasaṇṇā* *is*₁ *jamnum*₂ *kumrataen sāgh phon* ||
 день среда собрание_{1,2} господин сангха PL
⁽⁴⁾*tpad* *kāl* *nañ* *hyem mok* *gīt* *nñ* *sān*
 REAS время госпожа PN приближаться думать IRR строить
kusal *phal ppun*⁽⁵⁾ *noh oy lok sān* *brah*₃ *buddha-aṅg*₄
 доброе.дело плод заслуга тогда CAUS монаш строить изваяние.Будды-CLF_{3,4}
mas 4 *brah*₅ *buddharu*⁽⁶⁾*pp*₆ *añ prak* 4 *nū* *dañ* *appabhidham* 1
 золото изваяние.Будды_{5,6} CLF серебро CONJ флаг Верховный.закон
phtān 1 *gī*₇ *jā*₈ *dāvāy* *naiy*⁽⁷⁾ *brah*₉ *buddh*₁₀ *kumrataen* *yeñ*
 покров COP_{7,8} дар POSS Будда_{9,10} господин 1PL

‘1585 г. (сакской эры, т. е. 1663 г.). Год зайца, двенадцатый месяц, день полной луны, среда. (Было) собрание всех монахов, ибо в то время явилась госпожа Хиаи, (которая) решила накопить себе заслуги и велела монахам поставить четыре золотых

изваяния Будды, четыре изваяния Будды из серебра, а также принесла в дар господину нашему Будде флаг Великого закона и тканый покров'. [Lewitz 1973: 206]

Несколько особняком стоит пример (7) из надписи (ИМА 15), где показатель причины *ta pat* употреблен не в начале надписи. Зависимая клауза, вводимая этим показателем, здесь предшествует главному предложению (при этом подлежащее вынесено в позицию перед показателем, что является средством дополнительной тематизации именной группы), что в современном языке уже не является нормой (см. последний раздел статьи).

- (7) *nā me dañ neh* ⁽¹⁵⁾ *ta pat yok prāk dāvāy braḥ byuṃ dān*
 что.до 3:F PN DEM REAS братъ серебро дарить Будда NEG успевать
sralāḥ ley anak ⁽¹⁶⁾ *yok prāk paṃben oy me neḥ*
 освободиться NEG 3 братъ серебро дополнить CAUS 3:F DEM
rūc rāksā braḥ hoñ
 быть.свободным заботиться Будда PTCL

‘Что до той женщины (по имени) Данг, (то) из-за того, что она взяла (в долг) серебро для подношений Будде и не успела расплатиться, он (донатор, которому посвящен текст) выплатил (долг) за нее, (тем самым) освободив, дабы она заботилась о статуе Будды’ [Lewitz 1972b].

Таким образом, практически все случаи употребления *tbat* в среднекхмерских эпиграфических текстах более или менее похожи (исключение здесь лишь пример (7)) и фактически вписаны в канон эпиграфического вотивного текста, который и воспроизводится в разных эпиграфических памятниках. В большинстве случаев этот показатель вводит новую информацию, содержащую причину события, которое фиксирует надпись (собрание монахов).

3.3. «Тьбап Преах Риатьсомпхиа»

Важный материал для изучения функционирования показателя *tbat* дает классическая кхмерская дидактическая поэма «Тьбап Преах Риатьсомпхиа» (транскрипция *cbap preah riəcsəmpḥiə*, транслитерация *crəp' brah rājasambhār*). Авторство сочинения, до сих пор популярного в Камбодже, традиционно приписывается королю Шри Дхаммарадже II, правившему в 1629–1630 гг. Текст относится к типу *sattra*: *slək rut* ‘книги на пальмовых листьях’, написан стихотворным размером какагати, состоит из 43 строф (всего 1200 словоупотреблений). Научное издание текста осуществлено Пэу Саверос и Ф. Дженнером [Rou, Jenner 1978].

Приведенные ниже примеры включают все 15 случаев употребления слова *tbat*, встречающиеся в тексте поэмы. Повторение более или менее сходных по структуре причинных конструкций с этим показателем используется автором как риторический прием, подводящий читателя к мысли (обычной для буддийского дискурса) о том, что всякое событие в мире имеет свою причину.

- (8) ⁽¹¹⁾ *khlaen hoer tbat khyal' / nāy thkoen tbat bal //*
 воздушный.змей лететь REAS ветер командир славный REAS войско
raksā oy sukh / draby gañ' tbat srī //
 охранять CAUS покой имущество сохранять REAS женщина
ceḥ samcai duk / mǎn phdaḥ sraṇuk //
 уметь экономить хранить иметь дом удобный
tbat bhariyā jā //
 REAS супруга благонравный

(12) *pāt' yas tbit khjil / pāt' ñān dānasīl //*
 терять честь REAS лень терять сознание добродетель

tbit seb surā / <...>
 REAS пить алкоголь

(11) Воздушный змей летит из-за ветра / Командир стяжает славу из-за войска, // что хранит (его жизнь) / Не иссякнет богатство из-за // рачительной женщины / Дом будет отрадой // из-за исправной супруги // (12) Теряется честь из-за лени / разум теряется из-за вина...

(14) *dik pāk' dau dāp / puṇy pāt' tbit pāp //*
 вода рушиться удаляться низина заслуга терять REAS грех

lābh pāt' tbit ghor / dik thlā tbit ralak //
 удача терять REAS жестокость вода чистый REAS волна

bum yal' sramol / dos koet tbit bol //
 NEG понимать образ вина рождаться REAS говорить

Imam māt' jhlān bān
 необдуманно.оскорблять

(14) Стремится поток в низину / Теряют заслуги из-за грехов / Удача покидает из-за жестокости / Чистая вода [мутнеет], из-за волн, что рассеивают узнаваемые образы / Кара наступает из-за несправедливых упреков.

(Перевод фрагмента сделан с учетом интерпретации [Pou, Jenner 1978: 388])

(16) *dāhān thkoen tbit sīk / dhvōe srae tbit dik //*
 солдат прославиться REAS победа делать рисовое поле REAS вода

trik bal tbit pāy / siss prājñ tbit grū //
 воодушевлять войско REAS рис ученик умный REAS учитель

jer bol tam vāy / bal jā tbit nāy //
 ругать говорить колотить бить войско в.порядке REAS командир

hvik hvin khaḥ kham
 хорошо.тренировать прилагать.усилия

(16) Воин славен из-за победы / Поле плодоносит из-за воды / Воспрянет войско из-за риса / Ученики поумнеют из-за учителя (= благодаря учителю), // что не будет скуп на ругань и тумак / Солдаты [будут] исправны из-за командира, что муштрует с усердием [их].

Обратим внимание на то, что в примерах встречаются как конструкции, в которых *tbit* вводит именную группу со значением причины: *khlaen hoer tbit khyal* 'букв. 'воздушный змей летит из-за ветра', так и конструкции, в которых этот показатель вводит причинную клаузу *siss prājñ tbit grū jer bol tam vāy* 'ученики умнеют из-за того, что учитель ругает и бьет их'. Последнее тем более интересно, что в современном языке *thət* уже не может употребляться с именными группами со значением причины, функционируя исключительно как причинный союз. Важно, также, что в тексте поэмы *tbit* является единственным причинным показателем.

3.4. «Сказка о Тхунньтее»

Сказка о Тхунньтее (*Ruəṇ Thəṇṇəcəj*) — одна из самых известных кхмерских плутовских сказок, своего рода небольшой плутовской роман (его ближайшие аналоги есть также в тайской и лаосской народных литературах). Каноническое издание этого текста (без указания автора/редактора) опубликовано Буддийским институтом в Пномпене в 1964 г. [Као 2018]. Ранее этот же текст печатался в журнале «Кампутиа Сорийа»

в номерах за 1936, 1938 и 1939 гг. [Ibid.]. Также известно о существовании рукописной версии сказки (на которой, вероятно, и базируются вышеуказанные издания), хранящейся в Буддийском Институте и датированной 1887 г. [Ibid.]. Печатный текст, которым пользовались мы, был опубликован, вероятно, в Пномпене в 80–90-е гг. XX в. (эксплицитного указания на место и время издания в книге нет). Сам текст (в издании, которым пользовались мы, — 55 стр.) написан на **современном** кхмерском языке, который при этом имеет явные архаичные черты (в первую очередь, в лексике), сближающие его со среднекхмерским. Это может быть отражением как реального времени создания текста (предположительно, вторая половина XIX в.), так и, что кажется менее вероятным, результатом сознательной архаизации языка неизвестным автором. Показательна, в частности, частота употребления в этом тексте показателей причины. Самый частотный показатель причины в современном языке — *prəəh* — встречается здесь всего четыре раза, а второй по частоте показатель *daoj-sa:* не употребляется вовсе. Между тем маргинальный в современном языке показатель *tbət* фиксируется в этом тексте 65 раз.

Часть имеющихся примеров (примерно половина) представляют собой стандартные причинные конструкции, где *tbət* функционирует в качестве союза, вводящего зависимую клаузу со значением причины, которая может быть в постпозиции или препозиции по отношению к главной клаузе.

- (9) *a:-cej aej bv: dvmrej douc-mdec kv: mun tʰan ʔn?*
 PJR-PN 2SG управлять слон как NARR NEG успевать 1
a-aej khoh hauj tbət ʔn ba:n prap tha: aoj
 PJR-2SG совершать.ошибку IAM REAS 1 PRF говорить что CAUS
maok tʰan kom-kha:n ae thəŋŋcej sdap preah-bəntu:l hauj
 приближаться успевать непременно CONJ PN слушать речь.короля IAM
kv: kra:p bəntu:l tbət dvmrəj viə mun dau
 NARR падать.ниц сказать REAS слон 3 NEG идти
tu:l-preah-bəŋkəm-ciə-khənom thvɜ: kdaon bauk hauj thvɜ: thnaol
 1sg¹³ делать парус открывать CONJ делать шесть
daol phv:ŋ
 отталкиваться к.тому.же

‘(Король сказал): «Как же ты, Атей, ехал на слоне, что не успел за мной? Ты провинился (передо мной), ибо я сказал, чтобы ты ни в коем случае не отставал от меня». Тхуннтей же выслушал короля и молвил, пав ниц (перед ним): «Из-за того, что слон не шел, я сделал парус и шесть, чтобы отталкиваться им»’.

В (9) представлены сразу два сложноподчиненных предложения с зависимыми причинными клаузами. В первом случае (‘Ты провинился (передо мной), ибо я сказал, чтобы ты ни в коем случае не отставал от меня’) главная клауза предшествует зависимой причинной, а во втором (‘Я сделал парус и шесть из-за того, что слон не шел’), порядок обратный — зависимая клауза предшествует главной. В тексте безусловно преобладают структуры первого типа, что, в принципе, обычно для причинных конструкций.

Главная клауза, находящаяся в препозиции (10) или (реже) постпозиции (11) может быть дополнительно маркирована показателем следствия *ba:n-ciə* (в современном языке этот показатель также употребляется как маркер следствия в главной клаузе):

- (10) *ae hao koən-ku: mɜ:l təw khɜ:ŋ kra:p tu:l*
 CONJ астролог высчитывать смотреть удаляться видеть падать.ниц говорить
tha: ba:n-ciə sat nih viə jom doucneh tbət kaut haet
 что CONS животное DEM 3 кричать так REAS случиться причина

¹³ Специальная форма местоимения 1 лица ед. ч., используемая говорящим при общении с королем или членом королевской семьи.

knəŋ nɔ:kɔ:

в страна

‘А астролог рассчитал по гороскопу, пал ниц и молвил: «Потому так кричит это животное, что беда в стране приключилась»’.

- (11) *ae thəŋncəj chlawj tha: tbat lək ta: phdam tha: jɔ:k rəbɔh*
 CONJ PN отвечать что REAS господин дед велеть что брать вещь
sra:l sra:l nuh-aeŋ ba:n-ciə khnom jɔ:k sɔmbok mɔan nuh-aeŋ viə
 легкий легкий DEM CONS 1SG брать гнездо курица DEM 3
sra:l ciəŋ rəbɔh dɔtəj
 легкий COMP вещь другой

‘А Тхуннтей ответил: «Из-за того, батюшка, что вы велели мне взять все легкие вещи, я и взял гнездо для курицы: оно ведь легче, чем все остальное»’.

Также наблюдение за конструкциями с *tbat* в тексте сказки показывает, что в некоторых случаях субъекты главной и зависимой частей кореферентны (12), а в некоторых — нет (13):

- (12) *əjləw₁ nih₂ viə coul ba:n muŋ miən tɔ:h tbat pra:cna: viə miən*
 сейчас_{1,2} 3 входит мочь NEG иметь остановленный REAS разум 3 иметь
 ‘Теперь он может беспрепятственно входить (во дворец), ибо разумом (и впрямь) обладает’.

- (13) *sdec aoj cumnum ruəŋ nuŋ cap jɔ:k nɔ:kɔ: khmae tbat*
 царь CAUS обсуждать вопрос IRR хватать брать страна кхмерский REAS
sdec nɔ:kɔ: khmae sɔmlap neak₁ pra:c₂ tɔw hauj
 царь страна кхмерский убивать мудрец_{1,2} удаляться IAM
 ‘(Китайский) император стал обсуждать (с мудрецами), как захватить им страну кхмеров, ибо кхмерский король убил мудреца’.

Наконец, укажем, что в тексте сказки имеются и причинные конструкции с иллюкутивным прочтением¹⁴:

- (14) *soum lɔ:k kru: me:ttə: chup sən tbat khnom*
 просить господин учитель пожалуйста остановиться IMP REAS 1SG
dəŋ ka: muəj ciə mɔntil
 знать дело один COP сомнение

‘Пожалуйста, учитель, остановитесь, ибо есть у меня сомнение одно’.

Вторая большая группа примеров демонстрирует несколько иную, весьма необычную, функцию *tbat*. Ее удобно проиллюстрировать следующим фрагментом текста:

- (15) *luh təw dbl phteah thəŋncəj kɔ: lauw təw lɔ:*
 когда удаляться достигать дом PN NARR подниматься удаляться верх
phteah cap thəŋncəj cɔ:ŋ ruəc prap tha: tbat sdec miən
 дом хватать PN связывать затем сказать что REAS царь иметь
preah₁ bɔntu:l₂ aoj maok cap jɔ:k aeŋ təw prəəh trəŋ
 приказ.короля_{1,2} CAUS приближаться хватать брать 2SG удаляться REAS NON
khɲal nah
 сердиться очень

‘Когда подошли они к его дому, то поднялись (по лестнице), схватили и связали Тхуннтейа, а затем сказали: [Мы арестовываем тебя], ибо король велел нам тебя схватить, потому что он очень разгневан’.

¹⁴ Об иллюкутивном прочтении показателя можно говорить в том случае, если показатель маркирует «связь между пропозициональным содержанием одной клаузы в составе сложного предложения и иллюкутивной модальностью другой» [Пекелис 2015].

Прямая речь королевских солдат, пришедших арестовывать главного героя, начинается непосредственно с показателя *tbət*, который вводит причинную клаузу. Главная клауза здесь отсутствует, но легко реконструируется из контекста (*Мы арестовываем тебя, Мы пришли за тобой, Мы связали тебя* и т. д.). В каком-то смысле заменой главной клаузы служит внеязыковое поведение говорящего (или, иначе, клауза, вводимая союзом *tbət* маркирована как причина невербализованной ситуации). Такое использование причинного показателя (причем использование регулярное) достаточно нетривиально: насколько нам известно, другие причинные показатели кхмерского языка аналогичным образом употребляться не могут. Неизвестны нам подобные случаи и в других языках.

Приведенный фрагмент текста интересен еще и тем, что клауза ‘Король велел нам тебя схватить’ одновременно оказывается главной клаузой сложноподчиненного предложения ‘Король велел нам тебя схватить, потому что он очень разгневан’, где зависимая часть вводится при помощи слова (в данном случае союза) *proəh* — самого частотного показателя причины в современном кхмерском языке. Иными словами, здесь мы уже видим обычное для кхмерского сложноподчиненное предложение с придаточным причины. Приведем еще один пример, который иллюстрирует ту же функцию *tbət*, что и в (15) — экспликацию говорящим причины своего неязыкового поведения.

- (16) *neak₁ mniə₂ khəŋ nuŋ thəŋɲəj kə: bəvəuəl kniə lauŋ*
 наложница_{1,2} сердиться PREP PN NARR договориться REC подниматься
kra:p tu:l tha: soum trəŋ criəp preah₃ riəc₄ haʔruəʔtey₅ tbət
 падать.ниц говорить что просить NON знать Ваше.величество_{3,4,5} ибо
trah prau a:cej aoj viə təw baoh kraom dɔmnak
 говорить использовать PN CAUS 3 удаляться подметать под павильон
əjləw₆ nih₇ viə cə:ʔ bəŋɲə: vɥ jɤ:ŋ khɲom ciə₁₀ tɔmɲəu₁₁
 сейчас_{6,7} 3 оскорблять_{8,9} все 2PL 1PL грубый_{10,11}
 ‘Наложницы рассердились на Тхунньтея и дружно отправились к королю. Пали они ниц (перед королем) и молвили: «[Мы пришли сюда] ибо, как ведомо Вам, Ваше величество, повелели Вы Атею (сокращенная форма имени *Тхунньтей*) подметать землю под павильоном [где мы проводим время], а он принялся грубо оскорблять всех нас»’.

Такие примеры, многочисленные в данном тексте, с нашей точки зрения, уместно сопоставить с приведенными выше среднекхмерскими употреблениями из вотивных надписей, где показатель *tbət* использовался для того, чтобы маркировать причину стандартного внешнего события (собрания монахов).

Единственный пример подобного употребления *tbət* (в форме *tbət-əj*, о которой см. ниже) в современном кхмерском мы обнаружили в одной из сказок, входящих в девятитомный свод (*Prəcum ruəŋ prə:ŋ khmae* ‘Собрание кхмерских сказок’), опубликованный Буддийским институтом в 1959 г. (при этом, разумеется, язык сказок, хотя и является современным кхмерским, для современных носителей выглядит весьма арахаичным). В текстах второй половины XX — XXI в. такие примеры уже не встречаются:

- (17) *tənsa:j kə: təw dɔl mət bəŋ khɤ:ŋ sat teəŋ₁ vɥ₂*
 заяц NARR удаляться достигать берег озеро видеть зверь все_{1,2}
kəmpuŋ-tae ba:c tuk kə: jə:k slək chɤ: thluh thluh
 PROGR брызгать вода NARR брать лист дерево дырявый дырявый
maok thvɤ: ciə sɔmbot hauj sraek prap sat teəŋ₁ vɥ₂ kniə
 приближаться делать COP письмо и кричать сказать зверь все_{1,2} REC
tbət-əj preah ən aoj khɲom jə:k sɔmbot maok prap neak
 REAS бог Индра CAUS 1SG взять письмо приближаться сказать 2
teəŋ₁ vɥ₂ kniə tha: preah ən nuŋ maok
 все_{1,2} REC что бог Индра IRR приближаться

‘И тогда заяц подошел к берегу озера и увидел плещущихся (в воде) зверей. Тут он взял дырявые листья дерева и притворился, что держит какое-то письмо. Подойдя (ближе), он прокричал им всем: «[Я явился сюда,] ибо бог Индра велел мне принести вам это письмо и сказать, что он придет (к вам)’.

Хотя рассмотренный в этом разделе среднекхмерский материал весьма ограничен и фрагментарен по объему, он, тем не менее, представляет характерные «срезы» исторического состояния языка, поскольку включает как эпиграфические тексты, жанрово и, отчасти, лингвистически связанные с его предшествующим состоянием (вотивные надписи, продолжающие традиции древнекхмерской эпиграфики ангорского и доангорского периодов), так и классическое произведение среднекхмерской эпохи (дидактическая поэзия), а также текст, созданный в позднейший период, но связанный, вероятно, с источником более раннего времени¹⁵.

Анализ этого материала позволяет предположить, что сфера употребления *that* в среднекхмерском была шире, чем в современном языке. Во-первых, *that* был гораздо более частотным и регулярным, чем в текстах XX–XXI вв., во-вторых, у этого показателя отмечались не только союзные употребления, но и предложные. Наконец, у *that* обнаруживается еще одна функция — маркирование прямой речи, представляющей собой экспликацию причины ситуации, не вербализованной говорящим. При этом, скорее всего, в среднекхмерском *that* оставался «книжным» показателем, который едва ли использовался в разговорном языке.

4. Показатель *that* в современном языке

Слово *that* воспринимается современными носителями языка как архаичный показатель, а у образованных информантов вызывает неизбежные ассоциации с классическими «старыми» текстами (вроде упомянутых выше «Тьбап Риаьсомпхиа» или «Сказки о Тхунньтее»). В разговорном языке *that* не употребляется вообще. По этой причине работа с информантами в этом случае оказывается затруднена. Примеры могут отбраковываться не по причине их грамматической неприемлемости, а исключительно из-за малой употребительности показателя. Тем не менее, показатель иногда встречается в современных письменных текстах (прежде всего, в прессе и научной литературе — см. примеры (1) и (2)). Необходимо еще раз отметить одну важную особенность *that* в современном языке: в отличие от других показателей причины в кхмерском языке, допускающих как союзы, так и предложные употребления, он функционирует только как причинный союз, утратив, вероятно, способность маркировать именные группы со значением причины, что отмечалось в среднекхмерских текстах (см., например, (8)). Анализ примеров, найденных в текстах, а также опрос информантов позволяет сделать некоторые выводы относительно употребления *that* в современном языке¹⁶.

Отличительной особенностью *that* в современном кхмерском является фиксированная позиция — он всегда располагается между двумя клаузами, первая из которых обозначает ситуацию-следствие, а вторая — ситуацию-причину. Этим *that* принципиально отличается от других кхмерских показателей, выступающих в функции причинных союзов.

¹⁵ Ряд среднекхмерских текстов не содержит причинных показателей. Так, например, не были обнаружены показатели причины в популярной медиумической поэме *Haw prchlun* («Вызывание духа»; предположительно, XVII–XVIII вв.), нескольких стихотворных дидактических текстах, а также в так называемой «Большой надписи Ангкор Вата» (IMA 38) — поэме начала XVIII в.

¹⁶ Анализ употреблений показателя проводился с использованием типологической анкеты, представленной в [Заика 2019].

Так, причинная клауза, вводимая показателем *daoj sa:*, обычно предшествует главной клаузе, хотя может и следовать за ней — такого рода примеры имеются в текстах, а будучи сконструированными, легко принимаются информантами. Аналогичным образом ведут себя и причинные клаузы, вводимые союзом *haet tae*. Таким образом, порядок следования частей сложного предложения с придаточным причины, вводимым этими показателями, оказывается таким же, как в условных, уступительных и таксисных сложноподчиненных предложениях, где зависимая клауза чаще всего предшествует главной, но запрета на ее постпозицию нет. Несколько особняком стоит очень частотный причинный союз *proəh:*: вводимые им клаузы со значением причины стандартно занимают позицию после клаузы со значением следствия, но принципиального запрета на обратный порядок нет и здесь.

Таким образом, именно конструкции, в которых причинная клауза вводится показателем *tbət* (как и показателем *proəh:*), демонстрируют типологическую тенденцию, описанную в работе [Diessel, Hetterle 2011: 23, 29], которая сводится к тому, что причинные клаузы, в отличие от условных и временных, имеют тенденцию следовать за главными клаузами. Прочие причинные союзы кхмерского языка ведут себя типологически менее тривиально: вводимые ими клаузы в разной степени допускают как препозицию, так и постпозицию.

Продолжая характеризовать употребление *tbət* в современном языке, отметим, что этот показатель может встречаться как в сложных предложениях, в которых подлежащие двух клауз кореферентны (18), так и в предложениях, где они разнореферентны (19), не отличаясь в этом смысле от других кхмерских маркеров причины.

- (18) *thəj₁ nih₂ khnom pum tɔw thvɔː₃ kaː₄ tɛː tbət khnom pum₅ səw₆*
сегодня_{1,2} I NEG удаляться работать_{3,4} NEG REAS I не.очень_{5,6}

srual₇ khluən₈

хорошо.себя.чувствовать_{7,8}

‘Сегодня я не пойду на работу, потому что не очень хорошо себя чувствую’.

- (19) *kɛː mun aʔnuɲnaːt aɔj khnom tɔw tbət khnom pum₁ səw₂*
3 NEG позволять CAUS I удаляться REAS I не.очень_{1,2}

srual₃ khluən₄

tɛː

хорошо.себя.чувствовать_{3,4} NEG

‘(Они) не разрешают мне идти, потому что я не очень хорошо себя чувствую’.

Как и другие показатели причины в кхмерском, *tbət* нейтрален по отношению к оценочному компоненту значения, употребляясь и в случаях, когда речь идет о положении дел, благоприятном для субъекта, и в случаях, когда это положение дел неблагоприятно. Ср. (20) и (21).

- (20) *neak phuːm sɔpbaːj riːk₁ riəj₂ knoŋ cət tbət-tae aːŋ tuək*
человек деревня радоваться ликовать_{1,2} в сердце REAS пруд вода

trɔw kɛː sdaː laun₃ vuɲ₄

PASS 3 восстановить снова_{3,4}

‘Жители деревни ликовали из-за того, что пруд был восстановлен’.

- (21) *boʔrvəh mneak bak cɔːŋ tbət cuəp kruəh₁ thnak₂*
мужчина один.CLF ломать нога REAS встретить несчастный.случай_{1,2}

cɔːraːcɔː

дорожное.движение

‘Один человек сломал ногу из-за несчастного случая на дороге’.

Поскольку, как уже было сказано выше, экспериментальное изучение показателя *tbət* в современном языке затруднено из-за его малой употребительности, сделать какие-либо выводы относительно его частных значений практически невозможно (инвентарь этих значений см. в [Заика 2019: 17–21]). Так, не вполне понятно, может ли союз *tbət* быть употреблен в значении не собственно причины, а «повода» [Там же: 18].

- (22) **khnom tuŋ ka: dou ci: n mda: j tbat miən thɣaj kəmnaut rəbvh kənt*
 ‘Я купил подарок матери, потому что у нее день рождения’, но ср. пример (17), который можно интерпретировать именно как повод.

Также не принимаются информантами инференциальные контексты и контексты с логическим выводом (в обоих случаях информант предлагает использовать *daoŋ sa:* вместо *tbat*):

- (23) **khnom kut tha: kənt tɔw cəmka: hauj tbat khnom vt ba: n khɣ: j moutou rəbvh kənt*
 ‘Я думаю, что он уже на огороде, потому что не вижу его мотоцикла’.
- (24) **khnom ciə saw rəbvh kənt tbat kənt ciə əw puk rəbvh mda: j khnom*
 ‘Я его внук, потому что он отец моей матери’.

При этом «иллюкутивные» конструкции с *tbat* (например такие, в которых маркирована «причинная связь между зависимой пропозицией и императивной иллюкутивной модальностью в составе главной клаузы» [Пекелис 2015]) вполне допустимы, что наблюдалось и в более «старом» материале, ср. (14):

- (25) *br:ŋ! kom lauŋ cəndaŋ nih tbat viə cah*
 старший.сиблинг PRON подниматься лестница этот REAS 3 старый
tru₁ tɔm₂ hauj
 разваливающийся_{1,2} I AM
 ‘Братец, не поднимайся по этой лестнице, потому что она старая и вся разваливается!’

Практически с полной уверенностью можно сказать, что *tbat* нельзя употребить и при ответе на вопрос «Почему ...?» (см. [Khin 1999: 478]). В таких конструкциях чаще всего употребляется показатель *daoŋ-sa:*:

- (26) *mu: lhaet əvəj boʔrvh nih piʔka: sɣ:ŋ?*
 причина Q мужчина этот инвалид нога
 ‘Почему этот человек — инвалид?’
- **tbat* / OK *daoŋ-sa:* *kənt ciəp kruəh₁ thnak₂ cə:ra:cə:*
 REAS 3 встречать несчастный.случай дорожное.движение
 ‘Потому что он попал в автокатастрофу’.

Нам удалось обнаружить пример (из перевода на кхмерский язык палийского канона «Типитака»), где *tbat* используется в конструкции следствия: входит в состав специального оборота, состоящего, как правило, из показателя причины (обычно — слов *daoŋ-sa:* или *proəh*), слова *haet* (< санскр. *hetu* ‘причина’) и указательного местоимения. По сути, здесь можно было бы говорить о предложном употреблении *tbat*, которое не характерно для современного языка (язык кхмерского перевода «Типитаки», однако, сознательно архаизирован и в ряде аспектов может даже напоминать среднекхмерский).

- (27) *puək phiʔkhuʔni: pə:l tha: bəpɪt₁ lə:k₂ mcah₃ soum lə:k tətuał*
 PL монахиня сказать что Великий.Господин_{1,2,3} просить господин принимать
aoj aova:t coh tbat haet nih preah₄ miən₅ preah₆ phiək₇ troəŋ
 давать наставление IMP REAS причина ДЕМ Просветленный_{4,5,6,7} НОН
baɣnat tha: trəw phiʔkhuʔ tətuał aoj aova:t dɔl phiʔkhuʔni:
 изрекать что PASS монах принимать давать наставление достигать монахиня
 ‘Монахини молвили: «О Великий Господин! Дай нам наставления!» Посему (= по этой причине) Просветленный рек: «Да будет монахиня наставляема монахом». (<https://dhammadownload.com/>)

Как и все другие показатели причины, *tbat* сочетается со словом *tha:* (букв. ‘говорить’, от санскр. *kathā* ‘речь, история’), которое функционирует в кхмерском как показатель прямой и косвенной речи, а также как союз, вводящий изъяснительные придаточные

предложения. Вероятно, можно считать, что, сочетаясь с *tbət* (равно как и с другими показателями причины), это слово выступает как маркер отдельного значения, близкого к цитативу.

- (28) *me:₁ phu:m₂ pra:sa:t bakə:ŋ dau rɿ:h sɔmra:m ta:m phləw*
 деревенский.староста_{1,2} TN идти подбирать мусор следовать дорога
kmian spl tbət tha: khluən ciə kəmru:
 не.иметь оставаться REAS что он.сам COP пример

‘Староста деревни Прасат Баконг собирает сам весь мусор на дороге, поскольку (как говорит он сам) является примером (для других)’ (<http://dara-news.org>)

Вариантом союза *tbət* является составной союз *tbət-aj*, встречающийся достаточно редко. В качестве дополнительного компонента он включает элемент *aj* ‘что, что-то’ (полная форма *əvəj*). По своему значению *tbət-aj* не отличается от *tbət*.

- (29) *soumbəj boʔrvh kv: a:c lə:p thnam nih ba:n dae tbət-aj*
 CONC мужчина NARR мочь глотать лекарство DEM мочь тоже REAS
viə cuəj əoj jɿ:ŋ miən sokhaʔphiəp lʔv:
 3 помогать CAUS 1PL иметь здоровье хорший

‘Даже мужчины могут принимать это лекарство, потому что оно помогает сохранить здоровье’. (<http://baykdang.com>)

Для литературного кхмерского языка (как и для других, близких по структуре языков Юго-Восточной Азии, например тайского или лаосского) типичным является совместное употребление нескольких синонимичных (квазисинонимичных) единиц. Эта тенденция проявляется как в сфере лексических единиц (например, сериализация глаголов-синонимов), так и в сфере грамматических показателей (рамочное отрицание, одновременное употребление двух показателей модальности и т. д.). Как одно из проявлений этой тенденции можно рассматривать и употребление двух показателей причины одновременно, что встречается в кхмерских текстах. Показатель *tbət* также может употребляться вместе с другими показателями причины. Никаких семантических «последствий» такое употребление не имеет.

- (30) *boʔrvh kra:p tu:l tha: «tu:l preah₂ bəŋum₃ koʔhv:k prəpəən*
 мужчина падать.ниц говорить что 1SG_{1,2,3} обманывать жена
cvŋ dəŋ cət prəvəh tbət khɿ:n trəpp craun»
 хотеть знать сердце REAS REAS видеть богатство много

‘Я, Ваше Величество, обманул жену, желая узнать ее нрав, ибо увидел (телегу с) огромными богатствами’ (этот пример взят из классической кхмерской сказки «Как один ворон превратился в десять воронов», где сочетание *prəvəh tbət* употреблено во всех причинных конструкциях).

- (31) *təe kraoŋ pi:₂ lə:k dɿ:tr:te: lauŋ₃ kan₄ dɔmnaeŋ₅ tɔmneak₆ tɔmnə:ŋ₇*
 но после_{1,2} господин PN занимать.пост_{3,4,5} связь_{6,7}
səʔəŋ₈ lmuət₉ ba:n prae₁₀ prua₁₁ tbət daoj₁₂ sa:₁₃ tae₁₄ rəvthəʔba:l ouba:ma:
 тесный_{8,9} PRF измениться_{10,11} REAS REAS_{12,13,14} правительство PN
ba:n riŋ₁₅ koən₁₆ pi: ka:₁₇ dək₁₈ nɔm₁₉ rəvəh lə:k dɿ:tr:te
 PRF критиковать_{15,16} PREP руководство_{17,18,19} POSS господин PN

‘Но после того, как господин Дутерте занял пост, тесные связи (между двумя странами) претерпели изменения, поскольку правительство Обамы критиковало действия Дутерте’. (<https://thmeythmey.com>)

Необычной особенностью *tbət* является способность выступать в качестве показателя уступки. Такой случай семантической деривации (причина > уступка) и, соответственно, полисемии показателя не фиксируется для других кхмерских маркеров причины (и, по-видимому, типологически вообще является достаточно редким). В качестве уступительного

показателя *tbət* может выступать самостоятельно (32)–(33) или в сочетании с элементом *təe* (34)¹⁷, но чаще в составе сочетания *thvəj tbət təe* (35) где *thvəj* представляет собой результат стяжения сочетания *thvr: əvəj* (‘делать’ + ‘что’). При этом уступительная клауза, вводимая союзом *tbət*, находится в препозиции по отношению к главной клаузе (примеры обратного порядка есть, но они крайне редки)¹⁸. Особо отметим пример (33), где одновременно используются уступительная конструкция с *tbət* и уступительная конструкция с *təəh* (основной уступительный союз в кхмерском). Такое параллельное употребление подтверждает функциональную тождественность этих конструкций.

- (32) *tbət mun ba:n cuəp muk srəj pəw nuək₁ nəv₂ tbət rəvə₃ ka: ηiə₅*
 CONC NEG PRF встречать лицо PN часто_{1,2} CONC быть.занятым_{3,4,5}
riə₆ riə₇ khlua₈ pontae a?nuhsa:va?ri: dael thləv₉ nəw
 каждый.своим_{6,7,8} но воспоминание REL EXP находится
ciə₉ muə₁₀ kniə₁₁ kənlə:vəj mək ba:n thvr: əoj niəj nuək
 вместе_{9,10,11} проходить приближаться PRF делать CAUS девушка тосковать
nuj mun a:c təəp tuk₁₂ phne:k₁₃ ba:n lauj
 CNJ NEG мочь сдерживать слезы_{12,13} мочь NEG

‘Хотя они со Срэй Пэу и не часто встречались, хотя каждая из них и занималась своим делом, но воспоминания о совместно проведенном времени заставляют ее тосковать, и она не может сдерживать слез’. (<https://www.chnchannel.com/article/208851.html>)

- (33) *sva:maj ləv: pi?ba:k rək təəh prəvəən sthət knəj*
 супруг хороший трудно искать CONC жена находится в
stha:nəphiəp na: kə: mun bəh₁ bəv₂ prəvəən caol dae
 ситуация какой.либо NARR NEG бросать_{1,2} жена бросать тоже
tbət mun a:c nəw kbae niəj təe kə: nəw-təe rəvə₃ cam₄
 CONC NEG мочь находиться рядом она но NARR CONT ждать_{3,4}
nuj m:l prəvəən pi: cəvəjəj
 и смотреть жена PREP даль

‘Сложно найти такого хорошего супруга. Даже если жена окажется в сложной ситуации, он не бросит ее, даже если он не может быть рядом, он будет ждать ее и смотреть на нее издали’. (<https://www.knongsrok.com/?p=43406>)

- (34) *tbət₁ təe₂ kəvət kut khoh təe kəvət mun sda:j kraoj tē:*
 CONC_{1,2} 3 думать неправильный но 3 NEG жалеть после NEG
 ‘Пусть он (тогда) был не прав, он потом пожалел (об) этом’. (<https://zh-cn.facebook.com>)

- (35) *thvəj₁ tbət₂ təe₃ rə:η₄ cak₅ muəj cəvnuən trəw₆ ba:n₇ bət kə:*
 CONC_{1,2,3} завод_{4,5} один количество PASS_{6,7} закрывать NARR
puit₈ mē:n₉ təe kə: miən rə:η₁₀ cak₁₁ bauk thmāj thmāj
 действительно_{8,9} но NARR иметь завод_{10,11} открывать новый новый
ciə₁₂ bəntv₁₃ bəntəv₁₄ dae
 один.за.другим_{12,13,14} тоже

‘Хотя некоторое количество заводов действительно закрылось, но новые заводы открываются один за другим’. (<http://anneews.asia>)

¹⁷ Служебный элемент, входящий в состав многих служебных слов (в изолированном употреблении — рестриктивное слово ‘только’) *təe* сочетается и с наиболее распространенными кхмерскими показателями причины. Так, показатели *daoj sa:* и *prəəh* имеют, соответственно, варианты *daoj sa: təe* и *prəəh təe*, а причинный союз *haet təe* содержит в себе элемент *təe* как обязательный компонент. Примечательно, что в качестве показателя причины *tbət* с элементом *təe* не сочетается.

¹⁸ О конструкции с *thvəj tbət təe* подробнее см. [Khin 1999: 484–485].

5. Выводы

Несмотря на дескриптивный характер исследования, можно сделать некоторые выводы, касающиеся истории показателя *that* и особенностей его функционирования, дополняющие наши представления о путях грамматикализации показателей причины, их возможной эволюции и необычной полисемии. Впервые этот показатель появился в текстах среднекхмерского периода. Базой для его формирования послужило слово *pada* ‘нога, стопа, шаг, отпечаток ноги, след, путь, предлог’, заимствованное из санскрита или пали. В древнекхмерских (доангкорских и ангкорских) текстах этот показатель не обнаруживается. В ряде текстов XVII–XVIII вв. *that* был одним из основных маркеров причинного значения, но, насколько можно судить, употреблялся только в письменном, «ученом» языке, выполняя функции как предлога, так и союза. Интересно, что, помимо основной функции собственно маркера причины, этот показатель обнаруживает еще один необычный тип употреблений: он вводит прямую речь, в которой указывается причина настоящей ситуации (которая в самой речи не называется, но в которой осуществляется данный речевой акт).

В современном письменном языке *that* продолжает ограниченно употребляться как союз со значением причины (хотя большая часть показателей причины в кхмерском могут употребляться и как союзы, и как предлоги), имеющий часто архаичный (или, по крайней мере, книжный) оттенок. Причинная клауза, вводимая союзом *that*, всегда находится в подпозиции к клаузе, обозначающей следствие (для причинных клауз, вводимых прочими показателями причины, в разной степени возможна как препозиция, так и подпозиция к главной клаузе). Ограничение на линейную позицию, наблюдаемое у конструкций с *that*, с одной стороны, ожидаемо типологически (см. цитированную работу [Diessel, Hetterle 2011]), а с другой — противопоставляет *that* прочим кхмерским показателям причины.

Из других особенностей отметим невозможность использовать слово *that* при ответе на вопрос «Почему...?» и невозможность сочетания с фокусной рестриктивной частицей *tae*, с которой сочетаются многие служебные слова кхмерского языка (в том числе, частотные в современном языке причинные союзы, см. сноску 17 выше).

Перечисленные функциональные особенности исключительно важны для определения статуса *that* в современном языке, в частности для поиска ответа на вопрос, считать ли *that* подчинительным или сочинительным союзом. Действительно, только что перечисленный набор свойств дает основания предполагать, что в современном кхмерском языке *that* обладает характеристиками, присущими, скорее, сочинительному союзу: фактически, мы наблюдаем картину, которая во многом аналогична ситуации с русским союзом *ибо*. Так, в работе [Пекелис 2015: раздел 1.1] говорится: «*Ибо* (как и, по-видимому, родственный ему *бо*), тем более что, тем наче что и благо, несмотря на типичную для подчинительного союза семантику, по своей природе сближаются с сочинительным союзом». Здесь же указывается, что «причинный союз *ибо* по всем трем рассмотренным тестам ведет себя как сочинительный: не употребляется в препозиции <...>, не сочетается с контрастивными частицами <...>, не допускает замены одной из клауз на местоимение <...>»¹⁹. Сюда же добавляется невозможность для *that* выступать в изолированных клаузах, представляющих собой ответ на вопрос «Почему...?», — это также считается одним из свойств сочинительных, но не подчинительных союзов [Belyaev 2015: 38, 46].

С другой стороны, приведенные выше примеры типа (30) и (31) демонстрируют, что *that* не только семантически идентичен подчинительным причинным союзам *proəh* и *daoj sa*: (при этом, если подчинительный / сочинительный статус *proəh* еще можно обсуждать,

¹⁹ Примеры такого типа (например, с заменой клаузы со значением следствия на местоимения) в кхмерских текстах также не встречаются.

то *daoj sa*: по своему поведению ничем не отличается от стандартных кхмерских подчинительных союзов с условной, уступительной или таксисной семантикой), но и уравнивается с ними по своему формальному статусу: *that* может выступать в паре с каждым из основных подчинительных причинных союзов, что, вероятно, возможно только в том случае, если он и сам «трактуется» как подчинительный союз²⁰.

Очевидно, что окончательного ответа на вопрос о подчинительном / сочинительном статусе *that* у нас пока нет (чему способствует также малая употребительность этого показателя в современном языке и затрудненность экспериментальной работы с ним). Вероятно, если, вслед за Б. Комри, полагать, что оппозиция между сочинением и подчинением не является случаем строгой дихотомии, а обнаруживает, скорее, градуальные черты [Comrie 2008: 16], то конструкции с *that* могут принадлежать к переходной зоне: хотя современная конструкция, вероятно, уже тяготеет к сочинительному типу, среднекхмерская конструкция с этим показателем едва ли принципиально отличается от других конструкций с подчинительными союзами. Свидетельством того, что язык продолжает «рассматривать» *that* не только как содержательный, но и как грамматический эквивалент существующих подчинительных причинных союзов, является возможность его одновременного плеонастичного употребления с такими союзами²¹.

Типологически необычным также является достаточно частое использование *that* в современном письменном языке как показателя уступки (ср. [Заика 2019: 27]). При этом важно, что уступительная клауза с *that* всегда находится в препозиции к главной (что является нормой для уступительных конструкций в кхмерском), а сам показатель может сопровождаться рестриктивным словом *tae*.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо	NEG — отрицание
CAUS — каузатив	PASS — пассив
CLF — классификатор	PJR — пейоративная частица
CONC — уступительность	PL — множественное число
CONJ — союз	PN — имя собственное
CONS — следствие	PRF — перфект
CONT — континуатив	PROGR — прогрессив
COP — связь	PROH — прохитивит
DEM — указательное местоимение	PTCL — частица
EXP — экспериентив	REAS — причина
F — женский род	REC — реципрок
HON — гоноратив	REL — относительное служебное слово
IAM — ямитив	SG — единственное число
IMP — императив	TITLE — титул
IRR — ирреалис	TN — топоним
NARR — нарративный показатель	

²⁰ В примере (29) *daoj sa*., употребленный в сочетании с *that*, также сочетается с рестриктивным служебным словом *tae*.

²¹ Мы еще раз хотим выразить благодарность анонимному рецензенту журнала «Вопросы языкознания», чьи замечания побудили нас по-иному взглянуть на грамматический статус обсуждаемого показателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Еловков 2006 — Еловков Д. И. *Структура кхмерского языка. Фонетика, фонология, грамматика, лексика, семантика*. СПб.: СПбГУ, 2006. [Elovkov D. I. *Struktura khmerskogo yazyka. Fonetika, fonologiya, grammatika, leksika, semantika* [The structure of Khmer: Phonetics, phonology, grammar, vocabulary, semantics]. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ, 2006.]
- Заика 2019 — Заика Н. М. Полипредикативные причинные конструкции в языках мира: пространство типологических возможностей. *Вопросы языкознания*, 2019, 4: 7–32. [Zaika N. M. Polypredicative reason constructions in the world's languages: Typological parameters. *Voprosy Jazykoznanija*, 2019, 4: 7–32.]
- Лонг Сеам 1989 — Лонг Сеам. *Исследования по лексикологии и грамматике древнекхмерского языка (по надписям Камбоджи VI–XIV вв.)*. М.: Наука, 1989. [Long Seam. *Issledovaniya po leksikologii i grammatike drevnekhmerskogo yazyka (po nadpisyam Kambodzhi VI–XIV vv.)* [Studies in Old Khmer lexicology and grammar (based on Cambodian inscriptions of the 6th–14th centuries)]. Moscow: Nauka, 1989.]
- Пекелис 2015 — Пекелис О. Е. Причинные придаточные. *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. На правах рукописи. М., 2015. [Pekelis O. E. Reason clauses. *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki*. As a manuscript. Moscow, 2015.] http://rusgram.ru/Причинные_придаточные.
- Погибенко 2011 — Погибенко Т. Г. *Австроазиатские языки: проблема грамматической реконструкции*. М.: ИВ РАН, 2013. [Pogibenko T. G. *Avstroaziatskie yazyki: problema grammaticheskoi rekonstruktsii* [Austro-Asiatic languages: The problem of grammatical reconstruction]. Moscow: Institute of Oriental Studies, 2013.]
- Belyaev 2015 — Belyaev O. Cause in Russian and the formal typology of coordination and subordination. *Donum semanticum: Opera linguistica et logica in honorem Barbarae Partee a discipulis amicisque Rossicis oblata*. Arkadiev P., Kapitonov I., Lander Yu., Rakhilina E., Tatevosov S. (eds.). Moscow: Yazyki Slavianskoi Kul'tury, 2015, 36–67.
- Comrie 2008 — Comrie B. Subordination, coordination: Form, semantics, pragmatics. *Subordination and coordination strategies in North Asian languages*. Vajda E. J. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2008, 1–16.
- Diessel, Hetterle 2011 — Diessel H., Hetterle K. Causal clauses: A cross-linguistic investigation of their structure, meaning, and use. *Linguistic universals and language variation*. Siemund P. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2011, 21–52.
- Haiman 2011 — Haiman J. *Cambodian. Khmer*. Amsterdam: John Benjamins, 2011.
- Heine, Kuteva 2002 — Heine B., Kuteva T. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
- Jenner 2009a — Jenner Ph. N. *Dictionary of Pre-Angkorian Khmer*. Canberra: Australian National Univ., 2009.
- Jenner 2009b — Jenner Ph. N. *Dictionary of Angkorian Khmer*. Canberra: Australian National Univ., 2009.
- Kao 2018 — Kao Sokoan. *Kicc kār srāv jrāv sṭai bī siksā rian dhannhcaj* [Study of the folk tale *Ruəṅ Thəṅncəj*]. Phnom Penh: Royal Univ. of Phnom Penh, 2018 (ms.) (In Khmer.)
- Khin 1999 — Khin Sok. *La grammaire du Khmer moderne*. Paris: Éditions You-Feng, 1999.
- Lewitz 1970 — Lewitz Saveros. VI. Textes en kmer moyen. *Inscriptions modernes d'Angkor 2 et 3. Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient*, 1970, 57: 99–126.
- Lewitz 1972a — Lewitz Saveros. VII. *Inscriptions modernes d'Angkor 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16a, 16, et 16c. Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient*, 1972, 59: 221–249.
- Lewitz 1972b — Lewitz Saveros. III. *Inscriptions modernes d'Angkor 1, 8 et 9. Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient*, 1972, 59: 101–121.
- Lewitz 1973 — Lewitz Saveros. IX. *Inscriptions modernes d'Angkor 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33. Bulletin de l'École française d'Extrême Orient*, 1973, 60: 205–242.
- Long 2000 — Long Seam. *Dictionnaire du Khmer Ancien*. Phnom Penh: Phnom Penh Printing House, 2000.
- Monier-Williams 1899 — Monier-Williams M. *A Sanskrit-English dictionary*. Oxford: Clarendon Press, 1899.
- Pou 2004 — Pou Saveros. *Dictionnaire vieux khmer-français-anglais / An Old Khmer-French-English dictionary*. L'Harmattan, 2004.
- Pou 2017 — Pou Saveros. *Un dictionnaire du khmer-moyen*. Phnom Penh: Institut Bouddique, 2017.

- Pou, Jenner 1977 — Pou Saveros, Jenner P. N. VII. Les *cpāp* ' ou « Codes de conduite » khmers. III. *Cpāp kūn cau*. *Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient*, 1977, 64: 167–215.
- Pou, Jenner 1978 — Pou Saveros, Jenner P. N. VIII. Les *cpāp* ' ou « Codes de conduite » khmers. IV. *Cpāp Rajaneti* ou *Cpāp 'Brah Rājasambhār*. *Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient*, 1978, 65: 361–402.
- Rhys Davids, Stede 1921–1925 — Rhys Davids T. W., Stede W. (eds.). *The Pali Text Society's Pali-English dictionary*. Chipstead, 1921–1925.
- Thach, Paillard 2011 — Thach J. D., Paillard D. Towards a textual approach of the inscriptions in Old Khmer. About *ta* and *man*. *Southeast Asian Linguistics Society Conference Archives. Proc. of SEALS 21*. E-publication, 2011. <http://jseals.org/seals21/paillard11towardh.pdf>.
- Vong 2012 — Vong Sotheara. *Silā cārik nai pradēs kambujā samai kaṇḍāl* [Middle Khmer epigraphics]. Phnom Penh: Nokorwat, 2012. (In Khmer.)

Получено / received 07.05.2020

Принято / accepted 23.09.2020

Марр и Соссюр: сто лет спустя

© 2021

Борис Михайлович Гаспаров

Колумбийский университет, Нью-Йорк, США; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия; bg28@columbia.edu

Аннотация: Несмотря на противоположность интеллектуальных темпераментов и научной судьбы Соссюра и Марра, в их взглядах на природу языка и вытекающие из нее задачи науки о языке можно обнаружить глубинное сходство. Оно восходит к общему для них контексту антипозитивистской философской и научной революции 1890-х — 1900-х гг., идеи которой они отразили, каждый по-своему, в своей попытке пересмотреть основания науки о языке. У Соссюра критика лингвистического позитивизма вытекает из необходимости постулировать предмет исследования в качестве идеального конструкта, тогда как у Марра она ведет к призыву покончить с нормативной избирательностью в отношении к языковому материалу. Общим в их позиции является резкое отрицание подхода к языку как к феномену, непосредственно данному в наблюдении, подобно предмету наук о материальном мире. Из этого вытекает сходство между двумя учеными в отношении ряда других фундаментальных идей о природе языка. В их числе: стихийность развития языка во времени; невозможность «первоязыка», вытекающая из релятивной природы языкового знака; резкая критика «органического» подхода к языку как к тотальному единству.

Ключевые слова: история лингвистики, Марр Н. Я., позитивизм, де Соссюр Ф., структурализм, теория языка

Для цитирования: Гаспаров Б. М. Марр и Соссюр: сто лет спустя. *Вопросы языкознания*, 2021, 1: 104–120.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.1.104-120

Marr and Saussure: A hundred years later

Boris M. Gasparov

Columbia University, New York, USA; National Research University
Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia; bg28@columbia.edu

Abstract: The article explores parallels between Nikolai Marr's and Ferdinand de Saussure's views concerning the fundamental nature of language and methodological challenges faced by modern linguistics. These parallels take their roots in the philosophical revolution at the turn of the twentieth century, whose principles the two scholars reflected, each in his own way, in their efforts to revise fundamental postulates of linguistic studies. Saussure's approach highlighted the need of an explicitly constructed concept of language as the object of linguistic studies, while Marr made the principal target of his critique of nineteenth-century linguistics its selective and normative treatment of linguistic data, which held linguistic studies captive of pre-established conventional categories and perspectives. What was common between the two linguists was their assertion that language is a cognitive phenomenon rather than a material entity similar to those described by natural sciences. This radical change in understanding the nature of the meaning of linguistic communication and linguistic signs stood behind a number of theoretical ideas that were common to both scholars. Among those ideas were an emphasis on an elemental nature of language development, and the ensuing rejection of the idea of its singular beginning point; an emphasis on the relative character of linguistic signs; and a strong opposition to the organicist approach to language as a coherent unity.

Keywords: history of linguistics, linguistic theory, Marr N. Y., positivism, de Saussure F., structuralism
For citation: Gasparov B. M. Marr and Saussure: A hundred years later. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 1: 104–120.
DOI: 10.31857/0373-658X.2021.1.104-120

Введение

Если посмотреть на героев этой статьи ретроспективно из сегодняшнего дня, кажется, что трудно представить себе две фигуры более непохожие, более того, несопоставимые. Один остался в исторической памяти (насколько обоснованно — другой вопрос) как создатель структурального подхода к языку. Другой — как яростный критик лингвистического рационализма, противопоставивший ему теорию тотального скрещения и перемешивания языкового материала в процессе его употребления, где не действуют никакие твердые правила и логические ограничения. В судьбе идей Марра роковую роль сыграла действительность второй четверти минувшего века, та политическая и духовная атмосфера, в которой мессианская проповедь «нового учения» сначала трансформировалась в brutальное орудие подавления альтернативной мысли, а затем и сама была раздавлена с такой же brutальностью. Но и в посмертной судьбе Соссюра и его идей важная роль принадлежала ученикам и последователям, опубликовавшим на основании его курсов лекций книгу, ставшую краеугольным камнем современной теоретической лингвистики, а главное, **прочитавшим** ее в духе постулирования языка как замкнутого в самом себе системного устройства, принимаемого всеми говорящими как абсолютная данность¹, — интерпретация, сделавшая «Курс общей лингвистики» главной мишенью постструктуралистской критики и семиотики конца минувшего века.

В последние тридцать лет, правда, появились попытки отделить Соссюра от структурального «соссюризма» [Bouquet 1997; Hagège 2003; Arrivé 2016]². Они были связаны главным образом с обнаружением и публикацией фрагментарных записей Соссюра, содержание которых если и не отличалось кардинально от того, что при желании можно заметить и в «Курсе общей лингвистики», то сделало явными иные смысловые акценты³. Аналогично и одновременно с этим появились попытки если не «реабилитировать» идеи Марра, то по крайней мере вывести их из рамок расхожих представлений о «марризме» — того по сути карикатурного интеллектуального образа, который он получил в трактате Сталина и который лингвистическое сообщество с готовностью приняло как дань освобождению науки от интеллектуального террора⁴. По любопытному совпадению первая после

¹ См. сопоставительный анализ различных прочтений «Курса» [Harris 2001/2003].

² Важную роль в реинтерпретации наследия Соссюра сыграли также критические издания «Курса общей лингвистики» [Saussure 1967; 1972–1974].

³ См. [Saussure 2002]. Первая публикация избранных отрывков из лингвистических записей Соссюра появилась еще в 1950-е гг. [Godel 1957]. Важную роль в переосмыслении его наследия сыграла публикация (также в избранных отрывках) его работ по анаграммам [Starobinski 1971].

⁴ До второй половины 1980-х гг. память о наследии Марра и его идеях оставалась sporadicческой. Важным событием в активизации памяти о Марре и его школе стал выпуск антологии [Сумерки лингвистики 2001]. Среди работ, появившихся вскоре после окончания советского времени, своей академической обстоятельностью и информативностью выделяется книга [Алпатов 1991]. Автор не скрывает своей антипатии к идеям Марра и к той роли, которую «марризм» сыграл в истории советской лингвистики 1930-40-х гг. С Алпатовым полемизирует [Илизаров 2012], чья односторонне апологетическая позиция в свою очередь вызвала резонные возражения [Добренко 2013]. Полезным соположением различных воззрений на предмет явился сборник статей [Sériot (éd.) 2005].

В целом приходится констатировать, что исторической оценке Марра до сих пор препятствует противоречие между естественной антипатией к эксцессам «марризма» (сталинистским по своей

1950 г. обширная публикация извлечений из лингвистических работ [Марр 2002] вышла в тот же год, что и том рукописных заметок Соссюра, и в таком же формате тематически организованных фрагментов.

Что объединяет эти попытки реабилитации и что делает их недостаточными, это их анахронистический характер. Мы по-прежнему заняты выяснением места Соссюра или Марра в интеллектуальной истории последующего столетия, стремясь лишь избавиться от наиболее одиозных наслоений в нашей памяти. Свою задачу я вижу в том, чтобы посмотреть на этих двух ученых в контексте **их собственной** эпохи. В этой перспективе между двумя столь различными на поверхности системами мысли обнаруживается менее очевидное, но более глубокое сходство.

Стоит напомнить в этой связи, что Соссюр и Марр — современники; первый родился в 1857, второй в 1864 г. Оба встретили духовную революцию 1890-х — 1900-х гг. достаточно молодыми, но интеллектуально уже сложившимися учеными, с определившимся кругом интересов и знаний. Суть революции рубежа века, если попытаться сформулировать ее в немногих словах, состояла в радикальном пересмотре оснований научного знания — тех подразумеваемых фундаментальных постулатов каждой научной дисциплины, которые стоят за кажущейся эмпирической самоочевидностью изучаемого предмета и конструируют его именно в качестве объекта научного познания. Ее философской парадигмой стали различные ветви неокантианства, эмпириокритицизм, а несколько позднее феноменологическая критика объекта познания. В 1890-е гг. это движение захватило практически все сферы научного знания — от критики оснований математики, физики, химии до революционной смены научной перспективы в психологии, социологии и антропологии⁵.

И для Соссюра, и для Марра новые интеллектуальные веяния конца XIX в. стали переломным моментом в их научном развитии. Влияние радикальной смены парадигмы научного познания явственно ощущается в том, как оба они, каждый по-своему, переосмысливали и сам предмет своих занятий, и фундаментальные основания уже имевшегося у них научного опыта.

Марр начинал свою научную деятельность в конце 1880-х гг. как специалист по средневековой грузинской литературе. Выдвинутый им тезис о том, что фабула поэмы Шота Руставели следует персидскому эпосу и что таким образом «литературные сюжеты персидского народа, мусульманского, оказались восприняты как родные национальные неродственным с ним народом, притом христианским» («Основные достижения яфетической теории» (1925) [Марр 1933: 15–16]), встретил сильнейшее противодействие со стороны местной интеллектуальной элиты, увидевшей в нем отрицание национальной культурной самобытности. По словам Марра, «старая общественность меня занесла в проскрипционный список отрицателей груз.<инской> культуры и даже врагов груз.<инской> национальности» [Там же]. И много лет спустя, когда в относительно либеральной атмосфере 1960-х гг. в Тбилиси были изданы работы Марра по грузинской литературе [Марр 1964], во вступительной статье сообщалось, что в книге сохранены «ошибочные» высказывания Марра о персидском влиянии на «Витязя в тигровой шкуре», от которых он впоследствии якобы сам отказался, придя к убеждению, что поэма представляет собой «оригинальное произведение грузинского гения»⁶.

Переломными для Марра, по его собственному свидетельству, стали две археологические экспедиции в Ани в 1892 и 1893 гг. И сами раскопки, с наглядностью показавшие

сути) в 1930-40-х гг., с одной стороны, и не менее естественная антипатия к «освободительной» акции Сталина, с другой.

⁵ Итог критике основополагающих постулатов различных научных дисциплин подвел в 1920-е годы трехтомный компендум Эрнста Кассирера [Cassirer 2001].

⁶ См. вводную статью И. В. Мегрелидзе [Марр 1964: 16]. В статье не указано, где и когда Марр отказался от своих прежних взглядов.

«несостоятельность того, что мы знали из книжных источников, свидетельств историков и вообще писателей» перед лицом «вещественных памятников», и «общение с народом, его живой речью» в ситуации «смешанного населения армян, турков и курдов», смогло поколебать, «если не перевернуть», научное мировоззрение, построенное на идее «цельности и изолированности каких-либо национальных культур» [Марр 1933: 16]. Между тем «нарастающее недовольство» работами Марра в Грузии превратилось «в бурю негодования», когда он «стал выяснять факт перевода первого памятника грузинской письменности — Библии — с армянского» («Автобиография») (1928) [Там же: 15]).

Возникший конфликт побудил Марра оставить занятия средневековой литературой (к ней он вернется в начале 1930-х гг. в связи с исследованием источников легенды о Тристане, вызвавшими интенсивный научный отклик в среде ленинградских ученых, в той или иной степени испытывавших влияние его идей)⁷. Вся его последующая деятельность оказалась связанной с Петербургом-Петроградом-Ленинградом.

В Петербургском университете Марр погрузился в академическую среду, уникальную по богатству и разнообразию изучаемых языков, многие из которых оставались почти внеположными современной науке в силу непринадлежности к индоевропейской языковой семье, а зачастую также отсутствия у них письменной традиции. По словам Марра, традиционная европейская наука, развивавшаяся почти исключительно в русле сравнительной грамматики индоевропейских языков, просто не имела орудий для работы с этим совершенно инородным материалом. Парадоксальным образом эта уникальная среда возникла как результат административных репрессий в отношении Казанского университета в 1850-х гг., следствием которых явился перевод его Восточного факультета в Петербург. Для Марра, однако, этот акт академического «скрещения» имел свою положительную сторону: по его словам, «пересадка» восточного факультета «невольнo внесла закваску ориентации на Восток и восточного гуманизма», подобно тому как в свое время приобщение к античному миру позволило Ренессансу преодолеть схоластику. Это утверждение может показаться курьезным, если не вспомнить сходные выражения в «Слове в романе» Бахтина, рисующие (по моему убеждению, не без влияния Марра) картину разноречия, в которой утверждаемые элитой нормы размываются «нашествием варваров». Как бы там ни было, Марр максимально использовал открывавшиеся перед ним возможности. Его учеба развивалась поверх административных барьеров, параллельно по четырем направлениям, или «разрядам»: армянский и грузинский; армянский-персидский-турецкий-татарский; санскрит-персидский-армянский и арабский-древнееврейский-сирийский [Алпатов 1991: 7]. Из этой языковой массы выросла иконокластическая «яфетическая теория», основания которой радикально противостояли господствующим лингвистическим воззрениям, сформировавшимся на базе индоевропейского языкознания XIX в.

Соссюр, несколько старший по возрасту, к концу века «успел» и пройти полный курс в рамках ведущей в то время школы индоевропейской лингвистики в Лейпциге, и отличиться на этом поприще блестящей умозрительной реконструкцией протосистемы индоевропейского вокализма. Но позитивистская уверенность адептов лейпцигской младограмматики в непосредственной данности объекта исследования, как будто ожидающего, чтобы были сформулированы законы, по которым он построен и развивается, рано стала вызывать у Соссюра саркастическое недоумение. Переломным событием для него оказалась экспедиция в Литву в 1893 г., куда он отправился с целью внести ясность в еще одну традиционно туманную область индоевропеистики — историческую акцентологию. Примечательно, что это был для него первый опыт столкновения с массовым устным по своему происхождению материалом. То, что в нем увидел Соссюр, оказалось, вместо ожидавшегося сложного, но в конечном счете логически организуемого корпуса данных, таким противоречивым наложением сходящихся и расходящихся факторов, которое разрушало

⁷ [Тристан и Иольда 1932]. В числе участников тома: И. Г. Франк-Каменецкий, О. М. Фрейденберг, Б. В. Казанский.

конвенциональные представления и о самом предмете лингвистики, и о телеологической направленности лингвистических описаний. (Ирония ситуации заключалась в том, что Соссюру, несмотря на испытанный им методологический кризис, удалось сформулировать важный акцентологический закон, носящий его имя.) В письме к Мейе в январе 1894 г. Соссюр говорит о невозможности далее заниматься работой, которая до сих пор приносила ему столько радости, не выяснив предварительно основания того предмета, на познание которого эта работа направлена: перспектива, не вызывающая у автора письма ни малейшего энтузиазма, в силу невероятных трудностей, которые он предвидит на этом пути⁸. Именно в эти годы (1894–96), задолго до лекционных курсов в Женеве, Соссюр набирается множество фрагментарных заметок по лингвистике, большая часть которых будет обнаружена лишь столетие спустя и увидит свет в 2002 г.

У ситуативной мобильности и пестроты спонтанного речевого поведения не находилось (в отличие от предмета естественных наук) никакой безусловно данной точки опоры, призванной стать тем исходным постулатом, на основании которого предмет лингвистики оказалось бы возможным конструировать в рамках антипозитивистской критики научного знания. «Unde exoriat?» — «откуда исходить, с чего начать?» — этот вопрос, поставленный в заголовке одного из лингвистических фрагментов 1890-х гг., остался в то время без ответа. После двух лет напряженных методологических поисков Соссюр фактически оставил занятия лингвистикой. Новой сферой его интересов на рубеже века стала история мифов и легенд античности и средневековой Европы. (Опубликованные лишь недавно записи Соссюра, посвященные истории легенды о Тезее и Тристане [Saussure 2003], обнаруживают множество параллелей с исследованием аналогичного круга у Марра и его сотрудников четверть века спустя.) К общей лингвистике Соссюр вернулся лишь в 1906 г. в связи с необходимостью преподавать этот предмет небольшой группе студентов в Женевском университете.

Соположение методологического кризиса, пережитого Соссюром, с тем, к чему пришел в эти же годы Марр на основании совершенно иного опыта и иной психологической настроенности, помогает и увидеть общие черты между этими двумя явлениями лингво-философской мысли рубежа XX в., и осмыслить их отнесенность к идеологической и гносеологической революции раннего модернизма. Рассмотрим эти странные сближенья пункт за пунктом.

1. Язык не есть феноменальная данность

Критический анализ Соссюра был близко родственен с современной ему критикой эмпирических представлений об основаниях математики и естественных наук, фундаментом которых служило убеждение, что объект научного познания вырастает непосредственно из эмпирической действительности. Примером критики этого рода может служить полемика против представления о базовых понятиях математики, таких как числовой ряд, как о непосредственном продолжении практического счета (так называемая «математика камней и орехов»). Аналогично, весь строй мысли Соссюра направлен против того, что он называет «номенклатуризмом», то есть представления о знаках языка как о своего рода наименовательных ярлыках для некоего наличного содержания, непосредственно вытекающего из физического или духовного опыта.

⁸ 04.01.1894: «[J]e suis bien dégoûté ... de la difficulté qu'il y a en général à écrire seulement dix lignes ayant le sens commun en matière de faits de langage. (...) [J]e vois plus en plus à la fois l'immensité du travail qu'il on fourdrat pour montrer au linguiste ce qu'il fait. Cela finira malgré moi par un livre où, sans enthousiasme ni passion, j'expliquerai pourquoi il n'y a pas un seul terme employé en linguistique auquel j'accorde un sens quelconque» [Saussure 1964: 95].

Соссюр называет «до крайности вульгарным» (*de plus grossière*) представление о готовых, независимо существующих значениях, которые только ждут, чтобы библейский Адам (или его позднейшие перевоплощения, такие как национальный «гений» языка или генетически запрограммированная концептуальная языковая способность) подобрал для них слова [Saussure 2002: 106]. Этой глубоко укорененной традиции, ведущей свое начало из схоластической философии и классической филологии, Соссюр противопоставляет понимание знака, согласно которому действительностью знака является не его содержание и не его материальная форма, а сам факт их соединения друг с другом, без которого они сами по себе, до и вне знака, просто не существуют как факты языка. Какое именно смысловое пространство и какой именно звуковой сегмент окажутся сопряженными в данном знаке данного языка в данный момент, всецело определяется, согласно Соссюру, сложившейся к этому моменту ситуацией их употребления говорящими. Звуковая «форма» языкового знака иллюзорна в своей материальной данности, потому что вне связанного с ней значения она существует просто как квант шума, не имеющий к языку никакого отношения. Соответственно, тщетно было бы искать некое логическое единство, или смысловой общий знаменатель, в наборе смыслов, которые говорящие связывают с данным словом. Конгломерат значений у слова *suppliee* ('мучение', 'мука', 'пытка', 'казнь', 'наказание') вытекает не из какой-либо стоящей за ними общей идеи, а в силу разграничения практики его употребления, санкционированного конвенцией, по отношению к таким словам, как *marture, tourment, torture, affres, agonie* и т. д. [Ibid.: 78]. (Выбор примера характерен для того чувства мучительной беспомощности, с которой Соссюр переживает бесконечную ускользаемость языка.) Биполярность знака он сравнивает с воздушным шаром, наполненным водородом: не заключенный в оболочку, водород бесследно растворится в эфире, тогда как оболочка, лишенная наполнения, превратится в бесформенный кусок ткани.

Знаки языка не имеют под собой никаких эмпирических либо логических оснований, утверждает Соссюр. Их природа чисто отрицательная: они таковы, каким сложилось их употребление в соотношении с другими знаками. «Курс общей лингвистики» определяет этот принцип как **произвольность** (арбитrarность) языковых знаков. Кардинальным методологическим следствием этого принципа является категорическое отрицание Соссюром возможности позитивистского подхода к языку как к объективной данности, которая может описываться путем логического упорядочивания эмпирически наблюдаемых фактов. Смехотворна (*une doctrine ridicule*), по словам Соссюра, идея о том, что язык может изучаться так, как «ботаник» изучает растительный мир [Ibid.: 116].

Последующая судьба «Курса» во многом определялась тем, что содержавшаяся в нем **критика гносеологических оснований** науки о языке была прочитана как руководство к тому, как строить языковые модели по принципу внутривидовых отношений. Здесь уместно заметить, что конкретный языковой материал в лингвистических заметках Соссюра, а позднее в его лекциях, встречается лишь спорадически, от случая к случаю; по большей части это первые попавшиеся под руку (и не всегда вполне удачные) примеры из современного французского языка. Соссюр скорее избегает говорить о вещах, слишком близко ему знакомых в качестве санскритолога и индоевропеиста. Для его теоретических рассуждений о природе языкового знака конкретная языковая материя так же вторична и второстепенна, как для рассуждения Бахтина о природе слова в романе — конкретные литературные произведения и их «анализ».

В полном контрасте с этим идеи Марра возникали из его погруженности в конкретное многообразие человеческой речи. Если концепция Соссюра противостояла слепому эмпиризму позитивистской науки, то идеи Марра, напротив, возникали из ощущения эмпирической «слепоты» научной мысли, погруженной в собственные конвенции и игнорирующей реалии языкового поведения.

Соссюр напряженно интроспективен, его афоризмы своей эллиптичностью иногда напоминают внутреннюю речь — впечатление, делающееся буквальным, когда читаешь его

заметки, избыточные пропуском слов, не доведенными до конца фразами и резкими обрывами изложения. Марр, напротив, импульсивен и тяжеловесно метафоричен в своем стремлении высказать, что представляет собой язык в действительности своего употребления. Его неуклюжее многословие, иногда напоминающее речь героев Андрея Платонова⁹, силится передать образ многоязычной пестрой массы людей на улице, ничуть не озабоченных ни своей языковой разнородностью, ни логической связностью и грамматической правильностью выражения, во многих случаях даже вовсе незнакомых с феноменом письменности (не забудем, что речь идет о реалиях конца XIX в.), — и которые, однако, как-то находят способ решать с помощью языка свои жизненные задачи, взаимодействуя с другими говорящими.

Фундаментальную ошибку современной науки Марр видит в ее укорененности в традициях классической филологии. Опыт работы с мертвыми (или, как Марр их называет, «погибшими») языками, перенесенный на живые развивающиеся языки, вызывает иллюзорный образ языка как данного в наблюдении предмета, некоей текстуальной «вещи», подлежащей осмотру и описанию. Сам факт закрепления языка в письменности, по Марру, «закабалит язык», привязав его к времени и к пространству. (Он связывает надежды на «раскрепощение» письменной речи с новейшими средствами ее передачи, «побеждающими пространство», такими как телеграф; это пророчество не так наивно, как может показаться, если увидеть в нем отдаленный прообраз тех изменений самого характера языкового общения, которые мы переживаем сейчас в связи с электронной революцией.) Лингвисты, работающие в русле этой конвенции научной мысли, категорически заявляет Марр, «были напратикованы на мертвых языках, и объяснить эти мертвые погибшие языки (...) они мнили путем сравнения с другими точно такими же мертвыми погибшими письменными языками» («Чем живет яфетическое языкознание» (1923) [Марр 1933: 28]).

Особенно страдают от такого подхода бесписьменные языки, к тому же находящиеся за пределами традиционно сложившегося европейского (или индоевропейского) культурного и языкового кругозора. Привычно повышенное внимание к письменной культуре и изящной словесности стоит как «заслон» перед глазами исследователей, мешающий увидеть, как протекает живое языковое поведение: «Звуковая речь, оттесненная письмом в тень, точно заслоном, была обеспокоена как творческий материал с его массовостью, с его многообразной техникой и с его богатейшей гаммой идеологических смен в самой культуре» («Язык и письмо» (1930) [Там же: 46]).

В языках с развитой письменной культурой возникает культ слова как самоценного феномена, а вместе с ним — звуков, из которых слово состоит, и заключенного в нем содержания. Отношение к звучащему слову как к зафиксированной данности рождает детальные фонетические описания — то, что Марр на своем полусамодельном языке называет «звукоедством», этой современной ипостасью «буквоедства» классической филологии. Язык не является «вещью», какой предстает взгляду наблюдателя записанный текст, утверждает Марр. В нем нет ничего такого, что существует как раз и навсегда данный факт, подобный материальной действительности. В перспективе, выстраиваемой Марром в опоре на конкретное многообразие человеческой речи, язык предстает как один из факторов культурной экологии, создаваемый и пересоздаваемый в бесконечном ряде конкретных речевых действий: «Натуральных языков не существует в мире, языки все искусственные, все созданные человечеством (...) Язык такое же создание человечества, как все прочие части, входящие в состав культуры» («Яфетическая теория» (1928) [Там же: 178]).

Замечательно фундаментальное сходство конечного вывода, к которому приходят Соссюр и Марр, исходя в своих рассуждениях из диаметрально противоположных отправных позиций. Для одного — эмпирические наблюдения теряют всякий смысл, пока не будет должным образом постулирован сам предмет этих наблюдений. Для другого — настоящие

⁹ На сходство стиля Марра с языком Платонова неоднократно указывалось в критической литературе; см., в частности, [Добренко 2013].

наблюдения над языком еще не начались, более того, им не дает начаться накопившаяся инерция привычных суждений о предмете. Пункт, в котором встречается мысль двух философов языка, состоит в том, что язык не может описываться как феноменальная данность, подлежащая прямому наблюдению и логическому упорядочиванию. Существование языка протекает в принципиально иной плоскости. Язык «произволен» (Соссюр), в нем нет ничего «натурального» (Марр). Язык — это факт культуры, не выводимый ни из законов логики, ни из аналогии с естественными науками.

2. Язык как процесс: стихийная непрерывность движения

Язык в его отрицательно-релятивной проекции (*la langue*), постулированной в «Курсе общей лингвистики», внеположен говорящим на нем. Язык не принадлежит никому, потому что он принадлежит всем. Никто не может быть за него ответственным, никто не может его направить в определенную сторону и подчинить каким бы то ни было интеллектуальным, социальным или практическим целям. Все попытки, направленные на урегулирование и целенаправленное изменение языка, имеют неизбежным следствием непредсказуемые вторичные эффекты.

Те читатели книги Соссюра, которые восприняли ее как бескомпромиссное утверждение имманентно-системной по «синхронии», не обратили должного внимания на тот факт, что для Соссюра непрерывное движение языка, более того, полная стихийность этого процесса, вытекает из самой сущности языкового знака как произвольно сложившегося образования, не имеющего никакого собственного семиотического пространства, за исключением того, какое ему позволяют занимать другие соположенные с ним, такие же «бездомные» семиотические образования. Фундаментальная ошибка философов XVIII столетия заключалась в непонимании того, что язык имеет социальную природу и как следствие не может быть построен рационально. Все изменения в языке носят дискурсивный характер. Все инновации появляются спонтанно в процессе речи [Saussure 2002: 94].

Знак не имеет никакой собственной позитивной основы, он существует лишь в силу его дифференциации по отношению к другим знакам. Поэтому его ценность может измениться как угодно в любой момент, при любых изменениях окружающей знаковой среды¹⁰. Отсюда «абсолютная неспособность любого знака в любой момент его существования знать, какова будет его идентичность в следующий момент» [Saussure 2003: 367]. В сущности, язык не может не изменяться все время, и притом изменяться произвольным и непредсказуемым образом, — именно потому, что его знаки не имеют под собой никакой твердой ценностной почвы, на которой они могли бы утвердиться. У языка так же мало выбора, двигаться ему или нет, и в каком направлении, как у потока, низвергающегося по склону, замечает Соссюр в одном из набросков.

Между тем в сознании говорящих язык всегда остается «одним и тем же», по крайней мере в своих фундаментальных чертах. Изменения в языке происходят помимо не только их воли, но даже сознания. «Курс общей лингвистики» определял эту парадоксальную особенность языка как антиномию «изменчивости» и «неизменности» (*mutabilité* vs. *immutabilité*) языкового знака. Если бы человек мог прожить две тысячи лет, замечает Соссюр, он, наверно, представлялся бы самому себе по-прежнему говорящим на языке Юлия Цезаря (разве что с добавлением кое-каких «модных» неологизмов), тогда как в действительности

¹⁰ На то, что из принципа арбитrarности языкового знака вытекает не независимость его от употребления, а напротив, максимальная подвижность и нестабильность, указал Джонатан Каллер [Culler 1976/1986: 29–33]. Характерно, что основной специализацией Каллера является литературная теория и базирующаяся на ней философия языка.

его речь была бы речью современного парижанина. Говорящий синхронизирован с языком, он нечувствителен к движению языка, подобно тому как мы нечувствительны к движению Земли. Именно это парадоксальное переживание «неподвижности» языка Соссюр обозначает как принцип синхронии.

Марр, напротив, стремится определить это свойство языка в позитивных категориях, как следствие его постоянного пересоздания говорящими в процессе социального взаимодействия. Язык для Марра «не социальное потребление, а социальное творчество». Для него говорящий не пассивный потребитель, не замечающий даже, как доставшееся ему в наследство семиотическое хозяйство, которое он полагает своей собственностью, изменяется в силу самого факта его использования, а труженик, неустанно занятый производством социально значимых языковых продуктов. Языковую деятельность Марр понимает в буквальном смысле как **работу**, являющуюся неотъемлемой составной частью трудовой деятельности. У Марра — как впоследствии у Витгенштейна и Бахтина — знаменитый тезис Гумбольдта о языке как «энергии» транслируется из чистого духовного усилия в сферу деятельности в буквальном смысле, со всеми связанными с ней интенциями и ситуативными обстоятельствами. Лингвистику, возвращающую языку его деятельностную природу, Марр называет «этнолингвистикой», в противопоставлении с традиционной наукой о языке, вышедшей из лона «филологии». По его словам, этнолингвистика «несла с собою необходимость напряженного внимания к реалиям, материальной обстановке среды изучаемой живой речи» («Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в создании средиземноморской культуры» (1920) [Марр 1933: 89]). Язык в этнолингвистическом измерении предстает как процесс производства, протекающий симультанно с процессом производства материальной и духовной культуры.

Язык для Марра — это совокупность перформативных языковых «жестов», диктуемых сиюминутной потребностью производительной деятельности. Чистое «говорение» как реализация языковой компетенции — это, по Марру, предрассудок современной (европейской) цивилизации, преувеличивающий самоценный характер создаваемых ею языковых продуктов, в силу чего затемняется их привязанность к конкретным практическим мотивациям и сиюминутной ситуации. У людей, усилиями которых язык создавался «не тысячелетиями, а десятками, сотнями тысячелетий», не было ни нормативной «техники» обращения с языком, ни логического плана действий, они «брали на глаз, были представления, но не было четких понятий» [Марр 1976: 9], действовали как придется, как позволят и подскажут обстоятельства, пользуясь наличным языковым материалом как подручным средством.

При всей их сумбурной хаотичности (как будто иллюстрирующей принцип языкового творчества «на глаз»), в этих высказываниях Марра обнаруживается замечательно близкое сродство с подходом к языку как к перформативному «речевому акту», цель которого — добиться нужного практического результата, а не удовлетворить грамматиста. Подобно тому как поздний Витгенштейн иронизирует над грамматистом (собирательный образ которого, несомненно, включает и его самого времен «Логико-философского трактата»), сетующим на то, что наличная языковая практика не соответствует его постулатам, вместо того чтобы сетовать на неадекватность самих постулатов, Марр категорически заявляет: «Нет ничего в мире неправильного в своем массовом творчестве. (...) Неправильными нам кажутся явления только потому, что наши общие научные взгляды неправильны» («Основные достижения яфетической теории» (1925) [Марр 1933: 16–17]). Вообще «теневое» присутствие Марра в революционных концепциях языка 1940-х — 1950-х гг., от «Философских исследований» Витгенштейна до теории речевых жанров Бахтина, предлагает увлекательный материал для размышлений о перипетиях лингво-философской мысли в XX в.

Но сейчас обратим внимание на тот аспект мысли Марра, в котором она встречается с идеями Соссюра. Этот аспект заключается в полной непредсказуемости и неподконтрольности движения языка. У Соссюра этот принцип вытекает из феноменологической

редукции представления о языковом знаке, обнаруживающей отсутствие у него как феноменального, так и логического основания; язык буквально ускользает из наших рук каждый раз, когда мы пытаемся ему что-то навязать. У Марра, напротив, язык не существует иначе как «в руках» тех, кто занят трудом его постоянного пересоздания в применении к своим жизненным потребностям. Марр насковзь идеологичен, язык для него (как и для Бахтина, в 1930-е гг., как кажется, испытывавшего влияние идей «нового учения»¹¹) живет и движется не иначе, как в силовом поле интенций, утверждений и отторжений.

Очевидная несхожесть интеллектуального опыта двух ученых, той интеллектуальной среды, в которой движется их мысль, только подчеркивает фундаментальное сходство вывода, к которому они приходят. У неокантианского критического радикализма Соссюра и стихийно-бунтарского материалистического радикализма (сродственного с русскими футуристами) Марра оказывается общий антипод: отношение к языку как к эмпирически заданному (в подразумевании — зафиксированному в письменных текстах) предмету, сама история которого может быть представлена как ряд последовательных состояний.

3. У языка никогда не было и не могло быть единого «начала»

Естественным следствием фундаментального сходства в подходе Марра и Соссюра к языку как интерактивной деятельности является утверждение о принципиальной невозможности у языка абсолютного «начала», в котором он выступал бы как полное и чистое единство.

По вопросу о единстве языка, вернее, полном отсутствии такового, Марр занимает крайнюю позицию. Единого языкового образования, существующего, хотя бы как идеальный конструкт, вне постоянного смешивания разнородного языкового материала, для него просто не существует. Язык для него — это поле тотальных скрещений, в которое могут быть вовлечены, исходя из требований момента, любые элементы, независимо от их собственного характера и происхождения. Разрозненный и смешанный характер исторического развития на ранних его этапах очевиден «палеонтологу» культуры, рассматривающему свидетельства ранней материальной культуры: «Простых образований, девственно непочатых представителей какой-либо чистой расовой речи не только мы не находим ни в одном племени (...), но их никогда и не было. В самом возникновении и естественном дальнейшем творческом развитии языков основную роль играет скрещение» («К происхождению языков» (1925) [Марр 1933: 266]).

Как обычно у Марра, главным источником предрассудков современной науки о языке оказывается непомерный вес, придаваемый письменности в качестве свидетельства структурного состояния языка и его развития. Принципиальную ошибку индоевропейской лингвистики XIX в. Марр видит в том, что она брала за основу письменные свидетельства древнейших языков, экстраполируя из обнаруживаемых в них сходных черт некое изначальное единство. Между тем образование крупных культурных и языковых конгломераций, относительное единство которых опирается на общий опыт и общую память, — явление позднее. Чем дальше археолог и этнограф углубляются в прошлое, тем яснее обнаруживается раздробленность и рассеянность бесчисленных племенных образований и их культур. Но «в лингвистике действительно искали и до сих пор ищут своих райских рек (...), на берегах которых должны были жить прародители индоевропейцев в полной

¹¹ Вопрос о пересечении философии языка Н. В. Волошинова и М. М. Бахтина с концепцией Марра и связанным с ней более широким кругом идей (О. М. Фрейдсберг) поднят в книге [Алпатов 2005: 56–60].

готовности выступить для заселения Европы во всеоружии речи и большой культуры» («Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры» (1926) [Там же: 36–37]).

Марр видит в представлении о первоначальном единстве языка — будь то «естественный язык» Руссо либо индоевропейский праязык — лингвистическую версию культурного мифа о Золотом веке, который в действительности нового времени становится идеологическим средством утверждения расового превосходства «индоевропейцев»: «Библейский рай Адама, Гесиодов золотой век почти непочато были восприняты господствовавшим языковедным мышлением XIX века, вопреки всякой очевидности утверждавшем о существовании некогда праязыка, общего всем разновидностям индоевропейской речи» [Там же].

Идея развития индоевропейской семьи из единого праязыка представляется Марру в виде перевернутой геометрической фигуры, расширяющейся вверх от вершины, находящейся в ее основании. В полном контрасте с таким представлением истории, «яфетическая пирамида» Марра стоит на максимальном широком основании, представляющем наибольшее разнообразие и разрозненность архаических речевых практик, которое постепенно суживается (но все же остается «пирамидой», то есть не сходится к единой точке) в результате позднейшей культурной и языковой консолидации.

Для Соссюра исходной точкой аналогичного рассуждения является релятивность языковых знаков. Язык для него — это тотальное поле различий. Это означает, что «первозыск» или «первознак» невозможен в принципе. Любое явление языка возникает путем дифференциации, как нечто, характеризующееся отличием от чего-то другого. Среди «миллионов языковых форм» не существует ни одной, которую можно было бы представить как продукт изначального усилия мысли (*un jet original*) [Saussure 2002: 103].

Постулирование, даже чисто умозрительное, некоего первоначального состояния сразу уводит мысль о языке по ложному пути «номенклатуризма». Можно опять вспомнить в этой связи слова Соссюра о «крайней вульгарности» представления о первоначальном «райском» состоянии языка, в котором каждое слово представляло собой своего рода ярлык, репрезентирующий определенное значение. Философская критика Соссюра и этнографический подход Марра к языку в контексте материальной культуры сходятся в деконструкции этого эмблематического образа, воплощающего в себе утопическую мечту о «золотом веке» изначального всеединства.

4. Органическое единство языка как идеологическая фикция

Понятие национального или племенного «языка» как некоего органического целого — это, по Марру, фикция, имеющая под собой идеологические основания. Истинной пружиной взгляда на язык как на закономерно построенное и стабильное целое является легитимизация и поддержание иерархического социального и культурного порядка. Лингвистика, в основании которой лежит презумпция системной «правильности» материала, подлежащего описанию, оказывается орудием утверждения превосходства «культурных» (в первую очередь индоевропейских) языков, а в рамках самих этих языков — их кодифицированного воплощения, являющегося достоянием и культурным оружием элиты. Взгляд на язык как на целостный структурный организм игнорирует «язык улицы», то, как люди пользуются языком в повседневности.

Критика Марра во многом предвосхищала то, что будет говорить Бахтин, а впоследствии французские семиологи (Барт, Кристева, Бурдьё) о культурном конструкте единого национального языка как орудии утверждения социальной иерархии. «Новое учение», по словам Марра, получено в результате изучения живых языков «вне всяких расовых миражей, вне учета феодально-буржуазных классовых и национальных перегородок и злостных

предрассудков, вне зависимости от великодержавия какого бы то ни было языка» («Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык» (1931) [Марр 1933: 104]).

Примечательно, что говоря об «идеологических основаниях самодержавности русской речи», Марр не забывает указать, что жертвой этой идеологии оказывается и сам русский язык, в силу искусственной обособленности, которая ему навязывается. Задача состоит в том, чтобы «вывести русскую речь из той замкнутости, в которую она попала в отношении к окружающим языкам других систем» [Там же].

Нетрудно указать на ни с чем не сообразные преувеличения, которые Марр допускает в утверждении примата скрещений над культурным и национальным единством языка, и немислимые в их произвольной беспорядочности этимологические сопоставления, которыми он иллюстрирует свои рассуждения. Марр преднамеренно «отворачивается» от действительности старописьменных языков с богатой традицией литературных институтов, видя в них то, что Иисус изобличал как ложную мудрость книжников и фарисеев. «Новое учение» обращено к лингвистически обездоленным и униженным, тем, кому в царстве книжного «закона» отведена роль «последних», чей языковой голос как бы не существует. Но это и есть та языковая среда, в которой любые перемешивания разнородного материала и его переосмысливание, любые «народные этимологии» становятся действительностью. Лингвистическая позиция Марра, стремящегося привлечь внимание к этой гигантской языковой стихии, сродни радикальному пересмотру характера народного творчества в эстетике модернизма: от благообразного ореола почвенной чистоты, которым оно было окружено в XIX в., к хаосу импровизированных алогизмов, разностильности и разноголосицы.

Соссюр всегда был яростным противником «органического» взгляда на язык как на духовное единство, воплощающее в своих формах национальный «дух» или «гений» его носителей. Соссюру был чужд ораторский пафос, его уход от всяческой эмфазы нередко оборачивается недосказанностью. Однако эмоциональное напряжение, стоящее за его подчеркнутыми лаконичными определениями, время от времени прорывается в виде внезапных взрывов возмущения. Примечательным эмоциональным моментом такого рода стала заключительная глава «Курса общей лингвистики» (ч. V, гл. 5). Ее заголовок «Языковые семьи и языковые типы» не предвещает ничего, кроме изложения широко известных понятий лингвистической науки, сведениям о которых и поныне принадлежит определенное место в стандартных курсах «общего языкознания». Соссюр, однако, с самого начала уклоняется с проторенной дороги, начав изложение предмета подтверждением ключевого принципа всего «Курса» — принципа арбитражности языкового знака. Вывод, который делается из этого принципа применительно к типологии языковых структур, состоит в бесконечном и непредсказуемом разнообразии структурных конфигураций, которые могут появиться в любом языке в ходе стихийного процесса его развития. Из этого следует («настоятельно» подчеркивает автор), что ни один язык и ни одна языковая семья не может претендовать на то, чтобы раз и навсегда представлять некоторый единый структурный «тип». По какому праву, «во имя чего» действуют те, кто «пытается наложить ограничения на деятельность, не знающую никаких ограничений?»¹² — спрашивает Соссюр с возмущением, заставляющим вспомнить пафос марровских инвектив.

В подтексте этой эмоции у Соссюра, как и у Марра, лежит тот факт, что типология языков, какой она была построена в XIX в., недвусмысленно служила утверждению структурного превосходства так называемого «флективного» строя, представленного индоевропейскими языками, а в подразумевании — превосходства цивилизации, построенной носителями этих языков, «индоевропейцами». Однако у негодования Соссюра можно разглядеть и личный подтекст. Брат Соссюра Леопольд был известным специалистом в области китайского языка и антропологии. В книге, вышедшей в свет в 1899 г., «Психология

¹² «Au nom de quoi prétendrait-on imposer des limites à une action qui n'en connaît aucune?» [Sausure 1972: 313].

французской колонизации в ее соотношении с местными сообществами» [L. Saussure 1899], открыто утверждалось структурное превосходство флективных языков перед «корнеизолирующими»; отсюда делался вывод о цивилизационной миссии европейцев по отношению к народам, обреченным на отсталость в силу структурной неполноценности их языка.

Заключительная глава «Курса» отвечала на эти претензии примерами из различных языков, призванными показать, что ни один язык в своем развитии не показывает полную корреляцию ни с определенным строением, ни с определенной культурной традицией. Ничто в языке не постоянно, «моменты постоянства сами возникают как случайность». Какие бы природные, логические или культурно-исторические критерии ни прилагались к языку, он всегда от них ускользает, оставаясь самим собой в своей бесконечной изменчивости и ничем не ограниченной свободой. Заключение «Курса» возвращает к центральной мысли Соссюра о том, что язык «конвенционален, более того, арбитрарен, полностью лишен естественной соотнесенности с объектами, абсолютно свободен и беззаконен в отношении к самому себе» [Saussure 2002: 202].

Принцип метафизической свободы у Соссюра и принцип языка как спонтанной деятельности у Марра сходятся в утверждении бесконечного разнообразия языковых проявлений и как следствие этого невозможности втиснуть язык в какую-либо ценностную иерархию. Оба они остро ощущают идеологическую подоплеку подхода к языку как к целостному структурному типу.

5. Послесловие: «соссюризм» и «марризм» в 1930-е — 1940-е гг.

Революционная антиимпериалистическая риторика, с ее образом пролетариата, не имеющего отечества, сыграла роль горячего материала, подброшенного в пылающий костер библейского и евангельского пафоса, с самого начала характеризовавшего и суть идей Марра, и манеру их изложения. Сам Марр заявлял о своем «учении» как о лингвистическом аналоге пролетарской революции с полной недвусмысленностью: «Весь свет в отношении языка распался на сотни замкнутых мирков, и вот когда Октябрем были взорваны эти миры и мирки, фальшивые перегородки были сметены, как паутина, старое учение о языке оказалось захваченным врасплох» [Marx 1976: 7].

Марр был отнюдь не одинок в деле риторического «скрещения» евангельского мессианизма с марксистской идеологией и риторикой¹³. Апелляция к «широким массам» говорящих, в первую очередь к тем, кто находится на нижней ступени традиционной иерархии; трудовая природа языка, его связь с материальной культурой; наконец, осознание перво-степенной исторической роли «народов Востока», доселе пребывавших на далеких окраинах традиционного культурного мира, если не вовсе за его пределами, — весь этот комплекс идей, сложившихся в русле духовной революции раннего модернизма, определил ту готовность, с которой многие его деятели откликнулись на принесенное революцией обещание их воплощения в новую социальную действительность, сопровождаемое захватывающей картиной разрушения старого мира. Путь Марра в 1920-е гг. находил параллели в путях Маяковского и Блока, Шкловского и Лукача, Беньямина и Брехта. Те деформации, которые претерпела революционная философская мысль начала века в новой духовной и социальной среде, были гораздо в большей степени связаны с ее готовностью участвовать в построении новой действительности, даже показывать к ней путь, чем с принуждением и борьбой за выживание. Отсюда вполне спонтанный характер этих трансформаций или деформаций, в силу которых новые идеи, фактически отрицавшие самую суть

¹³ Поразительные документальные свидетельства активизации старославянской лексики и библейской идиоматики в публицистическом языке 1920-х годов содержатся в книге [Селищев 1928].

того, что говорилось прежде, воспринимались их создателями как естественный процесс их эволюции. Можно еще раз вспомнить в этой связи соссюрковского гипотетического парижанина, живущего две тысячи лет в сознании, что он продолжает говорить на «том же» языке времен Цицерона и Цезаря.

Ключевым моментом в трансформации идей Марра о языке в послереволюционном контексте можно считать их трудовой аспект. В своем первоначальном виде идея высказывания как социально-производительного речевого акта ориентировалась на образ «кустарного» самодельного творчества. Говорят то и так, как этого требует конкретная социально-деятельностная ситуация, используя тот сырой материал, который оказался в наличии. Говорящий у Марра напоминает образы платоновских «мастеров», создающих всевозможные приспособления (вплоть до вечного двигателя) из того, по большей части кем-то выброшенного за негодностью, материала, который попался им на улице или в сарае. При таком подходе язык представляется развивающимся спонтанно, адаптируясь к каждой конкретной ситуации. Это своего рода лингвистический неоламаркизм, готовый (подобно Ламарку в стихотворении Мандельштама) сражаться за «честь» созданий природы, оттесненных на низшую ступень в тотальной конкурентной борьбе.

В двадцатые годы эта концепция недвусмысленно окрашивается в тона производственной риторики. Можно заметить, что аналогичную эволюцию претерпела идеология и риторика Формальной школы (и испытавших ее влияние Бенямина и Брехта), в русле которой такие ключевые концепты 1910-х гг., как «прием» и «литературность», преобразились в образы литературы как массового производства, автора как «производителя», работающего на социальный заказ, и литературного произведения как «сделанного» артефакта. От такого представления языкотворческой деятельности один шаг к тому, чтобы представить ее как закономерный процесс, следующий гегельянской или марксистской логике закономерного сменяющихся стадий. Увы, Марр, а затем его ученики, последовали по этому пути, представив историю языка как тотальный глоттогонический процесс, отражающий закономерные смены «производительных сил и производственных отношений». Причем представление об основных этапах этого процесса возвращало к идеям начала XIX в. о типологических стадиях языкового строя, намеченных Шлегелем и получивших развернутое развитие у Гумбольдта. Привязанность языка к социально-трудовым усилиям начинает теперь означать, что последовательность языковых стадий должна соответствовать «общественно-экономическим» формациям и отражать их смену. Теория, начинавшаяся как бунт против сложившегося иерархического порядка, теперь обнаруживает существование более «передовых» и более «отсталых» языков, тех, которые уже прошли через ряд предопределенных стадий исторической эволюции и которым еще предстоит его пройти.

Из идеи о тотальности глоттогонического процесса с неизбежностью вытекает представление о его абсолютной конечной и абсолютной начальной точке. Так возникает идея всемирного языка будущего, в который в конечном итоге сольются все языки. «Яфетидологическая пирамида», задуманная как опровержение мифа о праязыке, превращается в треугольник, сходящийся к вершине, при том что ее главная движущая сила — скрещение — по своей сути несовместима с абсолютным единством.

Но и основание этой геометрической фигуры претерпевает радикальное изменение в силу того, что у глоттогонического процесса теперь обнаруживается идеальная начальная точка, которую, удивительным образом, удается реконструировать, распутывая бесконечные переплетения скрещивающихся нитей всемирной языковой материи. Из этой сетки спекулятивных этимологических сближений, зачастую очень интересных, но нередко поражающих явным противоречием самым элементарным сведениям о предмете, выплывают четыре абсолютных первоэлемента, звучащих, как шаманское заклинание: *sal, ber, jon, roš*. Сама идея о том, что такие первоэлементы представляли собой тотемные имена архаических племенных общностей ('сарматы', 'иберы', 'ионийцы', 'русы-этруски'), первоначально имевшие самый общий социообразующий смысл, откуда затем вычленились более конкретные смыслы, несомненно, не лишена интереса в качестве философской

концепции. Но ее буквальное воплощение в закрытом списке первоэлементов, полученном в результате фантастических «реконструкций», знаменует собой возвращение, в гротескном преувеличении, старой идеи реконструкции воображаемого праязыка, на котором некогда говорили воображаемые «индоевропейцы», — идеи, вызывавшей у Марра неистощаемый поток саркастических и негодующих замечаний, и к этому времени давно уже отвергнутой сравнительно-историческим языкознанием.

Марр сам направлял и стимулировал этот процесс, по-видимому, совсем не замечая, насколько это «дальнейшее развитие» теории несовместимо с теми основаниями, из которых она возникла. В его работах 1920-х гг. на одном дыхании появляются утверждения, взаимно уничтожающие друг друга: с одной стороны, максимальное разнообразие языковой деятельности, с другой — единство глоттогонического процесса; стремление дать голос тем, кого традиционное лингвистическое мышление помещает на низшую ступень развития либо вовсе отказывается замечать, — и идея стадиальных формаций, на разных ступенях которых располагаются различные языки.

При всем различии личной судьбы ученых, судьба наследия Соссюра, оказавшегося всецело в руках учеников и последователей после его смерти, была не менее драматичной и парадоксальной. Основные теоретические положения структурной лингвистики хорошо известны. В их основании лежало прочтение «Курса общей лингвистики» как утверждения языка в качестве имманентной структуры, имеющей фиксированный (синхронический) характер. Соссюровский говорящий, своевольно распоряжающийся языком, сам того не замечая, превращается в исполнителя предудказанных операций, основанных на его «знании» языка. Само это «знание» все более явственно приобретает черты универсальной врожденной языковой способности, получающей лишь поверхностное воплощение в конкретном материале, поставляемом речевым опытом.

Нет смысла гадать о том, какова была бы интеллектуальная судьба Соссюра, а вместе с ним и его наследия, если бы он дожил до эпохи всемирного триумфа «соссюризма». Я не согласен с теми, кто сейчас, в свете острой постструктуральной критики «соссюризма», стремится отрицать какую-либо причастность самого Соссюра к этому процессу. Изложение «Курса» так фрагментарно и эллиптично, оно содержит в себе столько антиномий, которые без надлежащего разъяснения могут быть истолкованы в любую сторону, что превращение этого с виду бесстрастно-объективного, а в сущности до крайности фрагментарного и полного загадочных недоговоренностей текста в некое концептуальное целое, отвечавшее тяготению теоретической лингвистики последующих десятилетий к рационалистическому универсализму, представляется результатом не только естественным, но может быть, даже неизбежным.

Если воспользоваться широкими культурно-историческими аналогиями, можно сказать, что Марр и Соссюр не были людьми «Серебряного века»; они принадлежали к предшествовавшему поколению, чье духовное пробуждение в 1890-е гг. было связано с именами Бодлера, Вагнера, Ницше, французских символистов и британских прерафаэлитов, и конечно же, с новым бытием критической философии Канта. Последовавшему вскоре за ними апокалиптически окрашенному «Серебряному веку» радикального модернизма (я употребляю это название обобщенно, имея в виду не только Россию), с характерной для многих его деятелей бескомпромиссной буквальностью в отношении к миру идеальных ценностей, предстояло придать идеям своих непосредственных предшественников мировой резонанс, а вместе с тем определить их восприятие в духе тотального детерминизма. Судьба философских идей о языке, заявленных — не без пропуска логических звеньев и антиномической противоречивости — Марром и Соссюром (вместе с целым рядом других лингвистов и философов, которые в этой статье упоминались лишь вскользь, либо вовсе не упоминались), представляется характерной для судьбы многих духовных прорывов антипозитивистской революции рубежа XX в., вызвавших к жизни в последовавшую за ними эпоху утопический пафос всеединства и затем унесенных его бурным течением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алпатов 1991 — Алпатов В. М. *История одного мифа: Марр и марризм*. М.: Наука, 1991 (2-е изд.: 2004). [Alpatov V. M. *Istoriya odnogo mifa: Marr i marrizm* [A story of one myth: Marr and Marrism]. Moscow: Nauka, 1991 (2nd edn. 2004).]
- Алпатов 2005 — Алпатов В. М. *Волошинов, Бахтин и лингвистика*. М.: Языки славянских культур, 2005. [Alpatov V. M. *Voloshinov, Bakhtin i lingvistika* [Voloshinov, Bakhtin and linguistics]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2005.]
- Добренко 2013 — Добренко Е. Споря о Марре ([Рец. на:] Илизаров И. С. Почетный академик Сталин и академик Марр. М., 2012). *Новое литературное обозрение*, 2013, 119(1): 340–348. [Dobrenko E. Debating on Marr ([Review of:] Ilizarov I. S. *Pochetnyi akademik Stalin i akademik Marr*. Moscow, 2012). *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2013, 119(1): 340–348.]
- Илизаров 2012 — Илизаров И. С. *Почетный академик Сталин и академик Марр*. М.: Вече, 2012. [Ilizarov I. S. *Pochetnyi akademik Stalin i akademik Marr* [The Honorary Academician Stalin and Academician Marr]. Moscow: Veche, 2012.]
- Марр 1933 — Марр Н. Я. *Вопросы языка в освещении яфетической теории*. Л.: ГАИМК, 1933. [Marr N. Ya. *Voprosy yazyka v osveshchenii yafeticheskoi teorii* [Issues of language in the perspective of the Japhetic Theory]. Leningrad: State Academy of History of Material Culture, 1933.]
- Марр 1964 — Марр Н. Я. *Об истоках творчества Руставели и его поэме*. Тбилиси: АН Грузинской ССР, 1964. [Marr N. Ya. *Ob istokakh tvorchestva Rustaveli i ego poeme* [On the origins of Rustaveli's creative work and his poem]. Tbilisi: Academy of Sciences of the Georgian SSR, 1964.]
- Марр 1976 — Марр Н. Я. *Язык и современность*. Letchworth: Prideaux Press, 1976. [Marr N. Ya. *Yazyk i sovremennost'* [Language and modernity]. Letchworth: Prideaux Press, 1976.]
- Марр 2002 — Марр Н. Я. *Яфетидология*. М.: Кучково поле, 2002. [Marr N. Ya. *Yafetidologiya* [Japhetidology]. Moscow: Kuchkovo Pole, 2002.]
- Селищев 1928 — Селищев А. М. *Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет, 1917–1926*. Москва: Работник просвещения, 1928; М.: URSS, 2003. [Selishchev A. M. *Yazyk revolyutsionnoi epokhi. Iz nablyudenií nad russkim yazykom poslednikh let, 1917–1926* [Language of the revolutionary era: From observations on the Russian language of recent years (1917–1926)]. Moscow: Rabotnik Prosveshcheniya, 1928. Reprint: Moscow: URSS, 2003.]
- Сумерки лингвистики 2001 — Нерознак В. П. (ред.). *Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология*. М.: Academia, 2001. [Neroznak V. P. (ed.). *Sumerki lingvistiki. Iz istorii otechestvennogo yazykoznaniya* [The twilight of linguistics. From the history of Russian language science]. Moscow: Academia, 2001.]
- Тристан и Исольда 1932 — Марр Н. Я. (ред.). *Тристан и Исольда. От героини любви феодальной Европы до богини матриархальной Евразии*. Л.: АН СССР, 1932. [Marr N. Ya. (ed.). *Tristan i Isol'da. Ot geroini lyubvi feodal'noi Evropy do bogini matriarkhal'noi Evrazii* [Tristan and Isolde. From the love heroine of feudal Europe to the goddess of matriarchal Eurasia]. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1932.]
- Arrivé 2016 — Arrivé M. *Saussure retrouvé*. Paris: Classiques Garnier, 2016.
- Bouquet 1997 — Bouquet S. *Introduction à la lecture de Saussure*. Paris: Payot & Rivages, 1997.
- Cassirer 2001 — Cassirer E. *Philosophie der symbolischen Formen*. Vols. 1–3. Hamburg: F. Meiner, 2001.
- Culler 1976/1986 — Culler J. *Ferdinand de Saussure*. Ithaca (NY): Cornell Univ. Press, 1986 (1st edn. 1976).
- Godel 1957 — Godel R. *Les sources manuscrites du Cours de linguistique générale de Ferdinand de Saussure*. Genève: E. Droz, 1957.
- Hagège 2003 — Hagège C. La vulgate et la lettre, ou Saussure par deux fois restitué. De l'arbitraire du signe et de la syntaxe dans le *Cours de linguistique générale*. *Cahiers Ferdinand de Saussure*. Vol. 56. Genève: Société genevoise de linguistique, 2003, 111–124.]
- Harris 2001/2003 — Harris R. *Ferdinand de Saussure and his interpreters*. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2001 (2nd edn. 2003).
- Saussure 1964 — Lettres de Ferdinand de Saussure à Antoine Meillet, publiés par Emile Benveniste. *Cahiers Ferdinand de Saussure*. Vol. 21. Genève: Société genevoise de linguistique, 1964, 93–134.
- Saussure 1967 — de Saussure F. *Cours de linguistique générale*. Édition critique préparée par Tullio de Mauro. Paris: Payot, 1967.
- Saussure 1972–1974 — de Saussure F. *Cours de linguistique générale*. Édition critique par Rudolf Engler. Wiesbaden: Harrassowitz. T. 1 (Text), 1972. T. 2 (Appendice), 1974.

- Saussure 2002 — de Saussure F. *Écrits de linguistique générale*, compiled and edited by Simon Bouquet & Rudolf Engler. Paris: Gallimard, 2002.
- Saussure 2003 — de Saussure F. Légendes et récits d'Europe du Nord : de Sigfrid à Tristan [présenté par Béatrice Turpin]. *L'Herne Saussure*. Bouquet S. (éd.). Paris: l'Herne, 2003, 351–429.
- L. Saussure 1899 — de Saussure L. *Psychologie de la colonisation française dans ses rapports avec les sociétés indigènes*. Paris: F. Alcan, 1899.
- Sériot (éd.) 2005 — Sériot P. (éd.). *Un paradigme perdu : la linguistique marriste*. Lausanne: Université de Lausanne, 2005.
- Starobinski 1971 — Starobinski J. *Les mots sous les mots : les anagrammes de Ferdinand de Saussure*. Paris: Gallimard, 1971.

Получено / received 19.11.2019

Принято / accepted 21.01.2020

Как примирить Лумана с Соссюром: принцип внутрисистемной дифференциации как основа неоструктуралистского подхода

© 2021

Сурен Тигранович Золян

Балтийский федеральный университет им. Им. Канта, Калининград, Россия;
Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия;
Институт философии, социологии и права НАН Армении, Ереван, Армения;
surenzolyan@gmail.com

Аннотация: Понятие системы в языкознании является основополагающим, детально и многогранно разработанным в различных направлениях. Вместе с тем в лингвистике все еще в недостаточной мере учитывается его развитие в смежных отраслях знания, в частности, в общей теории систем и в теории социальных систем Никласа Лумана, где регулярно рассматриваются проблемы языка, его организации и функций. Необычность лумановской концепции языка приводит к тому, что она остается освещена недостаточно. Мы попытались показать, что, несмотря на полемику с Ф. де Соссюром и основными положениями структурной лингвистики, Луман воспроизводит ключевые постулаты соссюрианской лингвистики, наделяя их новыми характеристиками. В первую очередь, это принцип дифференциации. Теория Лумана создает возможность нового взгляда на такой кардинальный вопрос лингвистической теории, как функционирование языковой системы в ее связи с коммуникацией и сознанием, а его понимание системности может существенно углубить понимание языка как системы — но не знаков, а отношений и операций. Теория Лумана вносит новое измерение, придавая системности многомерный и динамический характер, преобразуя парадигматические и синтагматические отношения в операции. Экстраполяция идей Лумана позволяет предложить более адекватное понимание таких понятий структурной лингвистики, как уровни языковой организации, и преодолеть дуализм синхронного и диахронного описания языка. Создается возможность для неоструктуралистской лингвистики, которая на новом методологическом уровне продолжит традиции системно-структурного описания языка в духе идей Соссюра — Ельмслева, актуализируя в том числе не нашедшие места в «Курсе» идеи.

Ключевые слова: Ельмслев Л., история лингвистики, лингвистика и философия, Луман Н., де Соссюр Ф., социолингвистика, структурализм, теория языка

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01536 «Трансфер знаний и конвергенция методологических традиций: опыт междисциплинарной интеграции политических, биологических и лингвистических исследований») в ИНИОН РАН).

Для цитирования: Золян С. Т. Как примирить Лумана с Соссюром: принцип внутрисистемной дифференциации как основа неоструктуралистского подхода. *Вопросы языкознания*, 2021, 1: 121–141.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.1.121-141

How to reconcile Luhmann with Saussure: The principle of intrasystemic differentiation as a basis for a neo-structuralist approach

Suren T. Zolyan

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia;
Institute of Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Armenia,
Yerevan, Armenia; surenzolyan@gmail.com

Abstract: The notion of system is fundamental to linguistics and has been elaborated thoroughly from various perspectives. At the same time, linguistics is still largely unaware of the development of this notion in the neighboring areas, including general theory of systems and Niklas Luhmann's theory of social systems, which offers a discussion of language, its organization and its functions. Luhmann's perspective on language remains insufficiently taken into account because of its peculiarity. We attempt to show that despite his polemics with Saussure and the basic principles of structural linguistics, Luhmann reproduces these principles, while providing them with new features. This concerns in the first place the principle of differentiation. Luhmann's theory enables a new perspective on such central issue in linguistics as functioning of linguistic system in connection to mind and communication, and his understanding of system can substantially deepen our understanding of language as a system — not a system of signs, but that of relations and operations. Luhmann's approach makes the notion of systemicity multi-dimensional and dynamic by transforming paradigmatic and syntagmatic relations into operations. Extrapolation of his ideas makes it possible to propose a more adequate view on the levels of language organization and overcome the dualism of synchronic and diachronic description. It opens the way to neo-structural linguistics, which will bring the traditions of systemic language description in the spirit of Saussure and Hjelmslev to a new level, and also actualize some ideas that found no place in the Saussure's *Course*.

Keywords: history of linguistics, Hjelmslev L., linguistic theory, linguistics and philosophy, Luhmann N., de Saussure F., sociolinguistics, structuralism

Acknowledgments: The research was supported by Russian Science Foundation (project No. 17-18-01536).

For citation: Zolyan S. T. How to reconcile Luhmann with Saussure: Principle of intrasystemic differentiation as a basis for neo-structuralist approach. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 1: 121–141.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.1.121-141

И не одно сокровище, быть может,
Минуя внуков, к правнукам уйдет;
И снова скальд чужую песню сложит
И, как свою, ее произнесет.
О. Мандельштам. 1914.

1. Введение: Соссюр и Луман

История науки изобилует многочисленными примерами того, как развитие осуществляется не путем последовательного накопления новых фактов и усовершенствования имеющихся теорий, как то представляется в учебниках, а скорее в соответствии с нелинейной логикой «бриколажа» — этим заимствованным из биллиарда термином, обозначающим неожиданный удар рикошетом, Клод Леви-Стросс предложил описывать один из механизмов мифологического мышления. Новое рождается не как прибавление некоторых деталей к уже известному, а в полемическом противостоянии, что временами

не позволяет увидеть концептуальной преемственности. Между тем именно подобные бриколажи и «конфликты интерпретаций», особенно если они выходят за рамки одной дисциплины и приобретают трансдисциплинарный характер, обеспечивают возможность качественно нового роста научного знания, поскольку тем самым вводятся в оборот идеи и смыслы, которые нельзя было предвидеть на начальном этапе. Одним из подобных примеров может стать нелинейное преломление идей Фердинанда де Соссюра в системной теории Никласа Лумана (1927–1998) и их уже возможная ретроспективная аккомодация к концепции Соссюра. При этом кажущаяся общность, основанная на внешних признаках, при ближайшем рассмотрении оказывается обманчивой: тот факт, что Соссюра приписывают к социологическому направлению в языкознании, а в своей концепции общества Луман отводит языку одну из важнейших функций, никак не влияет на концептуальное ядро их теорий. Основой взаимодействия, притяжения и отталкивания этих теорий составляют понятия системы, системности и дифференциации.

В биографическом плане Луман — антипод Соссюра. Соссюр в ранней молодости своим первым трудом приобрел известность в академических кругах, после этого практически не публиковался, а всемирную известность ему принес труд, составленный и опубликованный его учениками уже после его смерти. Луман начал академическую карьеру уже в зрелом возрасте, только в 1960-х гг. Он опубликовал около 70 книг и 400 статей на многих языках, всемирная известность в академических кругах пришла к нему в 1980-х, уже при жизни он был признан классиком социологии и философии. Основной объект его исследований — принцип системности, поэтому его работы выходят за рамки социологии и имеют общенаучную методологическую значимость. Основные работы Лумана переведены на русский язык, ему посвящены разделы в авторитетных учебниках по истории философии [Посконина 1999] и социологии, а многочисленные исследования о нем хотя бы только на русском языке не поддаются перечислению (те из них, которые соотносятся с тематикой нашей статьи, будут упомянуты по ходу изложения). Между тем крайне мало исследований (а на русском языке таковые отсутствуют), в которых рассматривались бы лингвистические аспекты теории Лумана. Это при том, что проблемы языка крайне важны и для Лумана, и для понимания Лумана. А для лингвистики было бы существенно оценить возможность применения системной теории Лумана к языку. Ведь дав, благодаря Соссюру и его последователям мощный толчок для развития системного подхода в гуманитарных науках, лингвистика впоследствии практически проигнорировала достижения общей теории систем, полученные при анализе биологических [Bertalanffy 1968], а затем кибернетических систем [Эшби 1959]. Оказались обойденными вниманием динамические аспекты системности и связанное с ними понятие аутопоэзиса (в русском переводе Лумана — «аутопойезис») [Матурана 1995]. В целом понимание системы и системности в лингвистике продолжает оставаться в рамках своего рода комментария к теории Соссюра.

Сказанное относится и к тому пониманию социальных систем и системности, которое было выработано Луманом¹. Стержень его социологической концепции — это не общество и его институты или происходящие в нем процессы, а такие понятия, как смысл и коммуникации. «Общество — это система, конституирующая смысл», — утверждает он [Луман 2011: 50]. Разумеется, что при обращении к смыслу и коммуникации не могла не быть затронута и проблематика, связанная с языком. В наиболее цельном виде взгляды Лумана на язык изложены в специальной главе «Язык» второго тома «Медиа коммуникации» монографии «Общество общества», а проблемам эволюции языка посвящена значительная часть ее третьего тома «Эволюция» [Луман 2011]. Следует отметить цельность и постоянство взглядов Лумана на проблему смысла и языка — они могут быть даны сжато

¹ Ср.: «Хотя термин “система”, по-видимому, является одним из наиболее широко используемых в лингвистике, знание о современной теории систем встречается далеко не часто. Это особенно верно применительно к теории социальных систем» [Zeige 2015: 330–331] (здесь и далее перевод англоязычных источников наш. — С. 3.).

или развернуто, но всегда остаются в рамках единой, существенно не меняющейся концепции, которая при этом не свободна от парадоксов и трудновосприимчивых утверждений.

Но при этом, что для лингвиста довольно неожиданно, язык и смысл в концепции Лумана оказываются разьединены (специально об этом: [Luhmann 1990: 50–51]. Необычность, а временами и прямая полемичность лумановской концепции языка приводит к тому, что она остается освещенной явно недостаточно, возможно, в силу непривычности ее положений, что создает серьезные концептуальные помехи при их лингвистической интерпретации. Так, австрийский лингвист П. Дойчман [2018: 88] отрицает такую возможность в целом, считая что лумановское максимально широкое понимание коммуникации не оставляет места для его конкретизации применительно к языку или культуре². Другие исследователи, обращаясь к проблеме смысла, также обходят стороной собственно лингвистические аспекты, при том что сам Луман довольно часто обращается к ним (из работ, рассматривающих смысл и коммуникацию с определенными лингвистическими коннотациями, отметим [Антоновский 2007; Смирнов 2011; Назарчук 2012; Жуков 2019]; лингво-семиотические аспекты, за исключением обзора [Esposito 1999], описываются преимущественно в дискуссионном ключе [Maurer 2010; Stäheli 2012; Tóth 2015; Zeige 2015; Calise 2020]).

2. Язык и языковой знак в концепции Лумана

Подобная ситуация представляется неслучайной. Сам Луман, кажется, подчас сознательно создавал барьеры между лингвистикой и социальной теорией, выдвигая неприемлемые для лингвиста положения. Так, для него язык не только не является коммуникативной системой (поскольку сам по себе не служит коммуникации, а является ее **медиумом**) [Луман 2011: 280] но даже и не есть система [Там же: 114], что, кажется, не оставляет возможности даже для полемики (в полемику по этому поводу с Луманом вступил не лингвист, а социолог [Calise 2020]). Оставляя в стороне временами спорные наблюдения Лумана относительно конкретных лингвистических явлений (например, по поводу усвоения языка или же происхождения языковых форм), мы попытаемся продемонстрировать, что теория Лумана создает возможность нового взгляда на такой кардинальный вопрос лингвистической теории, как функционирование языковой системы в ее связи с коммуникацией и сознанием, а его динамическое понимание системности — вопреки вышеприведенному утверждению Лумана — может существенно углубить понимание языка как системы, но не знаков, а отношений и операций (знаки выступают как их результат).

«Основополагающий медиум коммуникации, гарантирующий регулярный, развертывающий себя как продолжающийся аутопойезис общества — это язык» [Луман 2011: 222], — так начинается глава «Язык». При всей «почтительности» этой формулировки по отношению к языку в теории Лумана она означает то, что язык — это лишь медиум коммуникации, а в этой функции может выступать письмо, книга, электронные медиа. Каждому из этих медиумов присущ свой вид оперирования с формой — информацией. Заметим, что отказывая языку в самостоятельной системности и понимая под языком некий медиум коммуникации, то есть условия ее возможности, в ряде случаев ученый

² Добавим: Луман сам отказывается от рассмотрения коммуникации как действия или процесса; для него это особый, не сводимый к чему-либо иному вид аутопоэтических операций, которые и есть коммуникация: «Всегда были люди, индивиды, субъекты, которые действуют или же коммуницируют. В противоположность этому я утверждаю, что коммуницировать может только коммуникация и что только в сети таких коммуникаций производится то, что мы понимаем как действие (...) Она устанавливается через синтез трех различных селекций, а именно: селекции информации, селекции сообщения этой информации и селективного понимания или непонимания сообщения и его информации» [Луман 1995]. См. также [Назарчук 2012].

приравнивает собственно язык как систему с формой его актуализации, поэтому под языком может пониматься скорее звучащая речь, которая принципиально отличается от другого лингвистического медиума — письма. Письмо и книга у Лумана выступают не как формы фиксации языка, а как особые медиумы. Но при этом подчеркнута ценность рассмотрения языка как самой возможности коммуникации — это **основополагающий** медиум, хотя обычно Луман старается избегать каких-либо онтологических допущений. Осознавая вытекающую из этого масштабность проблемы описания языка, Луман предпочел обозначить кардинальное отличие своего понимания от господствующих в лингвистике представлений:

«Применительно к теории системы общества было бы нецелесообразно совершать гигантский экскурс ради разработки теории языка и теории схематизмов, основывающихся на этой функции структурного сопряжения. Мы лишь укажем на то, что наш подход противоречит основным предпосылкам лингвистики де Соссюра: мы утверждаем, что языку не присущ никакой собственный тип оперирования; что он должен осуществляться либо как мышление, либо как коммуникация; что язык, следовательно, не является настоящей системой. Он был и остается зависимым от того, что системы сознания, с одной стороны, и система коммуникации общества, с другой стороны, продолжают свой собственный аутопойезис в виде совершенно закрытых операций» [Луман 2011: 114].

Понятие языкового знака как некоторой закрепленной связи между означаемым и означающим преобразуется Луманом в динамическую операцию соположения коммуникативных и когнитивных характеристик:

«В качестве сопряжения систем сознания и систем коммуникации символ означает лишь наличие дифференциации, которая, будучи рассмотренной с обеих сторон, может пониматься как тождественная. В этом смысле символическое использование языковых обобщений (= воспроизводимых способов употреблений) предполагает знаковый характер языка, что означает способность отличать означающее (слова) от означаемого (вещи) в сознании и в коммуникации» [Луман 2011: 114–115].

Как видим, в данном случае Луман придерживается дофрегеанского понимания семантики языкового знака: у него отсутствует дихотомия смысла и значения (*Sinn vs. Bedeuntang*), — означаемым знака в данном случае у Лумана именуется не смысл (*Sinn*), а вещь, то есть значение, референт, денотат, экстенционал; это разные переводы фрегеанского термина *Bedeuntang* (хотя о семантической теории Фреге Луман нигде не упоминает, к нему он мимоходом обращается в иной связи — говоря о понятии «понятие» [Луман 2016: 371] и применительно к разграничению идей и представлений [Луман 2007а: 346]). Возможность знаков, не имеющих референта, подвигает ученого на предвидение такой теории знака, в которой они не «отягощены» отношением референции к миру: это был бы «не конец теории знака, а ее начало» [Luhmann 1999: 47]. Впрочем, уже само рассмотрение смысла, как каким-либо образом связанного со знаковым отношением, для Лумана не характерно. Парадоксальным образом проблемы смысла и значения и проблемы знака как отношения между означаемым и означающим оказываются разделены. Знак есть форма, а форма есть различие и одновременно форма различия между означаемым и означающим — к этому можно свести суть предложенной Луманом теории. В этом он апеллирует к Соссюру, к его пониманию знака как отношения между означаемым и означающим, хотя интерпретирует его по-своему: «Соссюр уже пришел к такому заключению. Согласно его теории, *означающее* и *означающее* являются необходимыми компонентами языковой единицы, то есть знака. Они различаются не ввиду их природы или сущности, а исключительно как компоненты подобного различия. Одно не может существовать без другого» [Luhmann 1999: 50].

Луман вносит важное уточнение: первичным признается отношение различия между означающим и означаемым, а не они сами. Он крайне своеобразно трактует понятие значимости

(см. ниже), так что перестает различаться крайне важное для теории Соссюра разграничение между значением и значимостью знака (внесистемным и внутрисистемным отношением знака), и приписывает это неразграничение Соссюру³. Согласно Луману, знаки языка позволяют различать смыслы, но сами по себе эти смыслы выражать не могут. Так, различие между профессором и студентом — это различие между двумя лексемами, и нет возможности установить, какие отличия соответствуют им во внешнем мире, есть лишь диктуемое языком требование отличать их друг от друга [Luhmann 2006: 39]. Референция языкового знака ограничивается отношением между означаемым и означающим и поглощается им:

«В отношении означающего к означаемому выражена референтность: означающее означает означаемое. Сама же форма (и только ее следует называть *знаком*), напротив, не имеет никакого референта; она функционирует лишь как различение и лишь тогда, когда она фактически используется в этом качестве. То есть знаки — это структуры для (повторяемых) операций, которые не нуждаются в контакте с внешним миром. Вопреки распространенному предположению, они не служат “репрезентации” фактов внешнего мира внутри системы. Напротив, различение между означающим и означаемым является внутренним различением, которое не предполагает, что обо-значаемое существует во внешнем мире» [Луман 2011: 224].

Смысл (Sinn) для Лумана есть и операция, и продукт операции, почему и не есть свойство какого-либо объекта (знака):

«Смысл существует исключительно как смысл использующих его операций, а значит, лишь в тот момент, когда он этими операциями определяется — не раньше и не позже. Поэтому смысл — это *продукт* операций, использующих смысл, а не какое-то свойство мира, обязанное своим происхождением какому-либо творению, учреждению или источнику» [Луман 2011: 46].

Подобное операциональное понимание смысла принципиально отличается также и от соссюрсовской значимости — как совокупности отношений, в которые вступает знак внутри системы и которое с синхронной точки зрения является постоянной и контекстно-независимой величиной. Смысл связан не со знаками, а, в зависимости от формы его процессирования, либо с сознанием, либо с коммуникацией. Но и они не являются «носителями» смысла:

³ Ср.: «Если пользоваться языком, то не обойтись без знаков, которые, как учит Соссюр, не открывают нам доступа к вещам, но только выражают существующие между собой различия» [Луман 2007б: 108]. Это верно только относительно понятия значимости знака и не учитывает такую важнейшую, по Соссюру, характеристику отношения между знаком и его значением вне системы, как произвольность. Возможно, осознавая это, Луман оспаривает понятие произвольности знака, сводя его к недетерминированности и к энтропии: «Произвольность как таковая не существует, она появляется только при изолированном рассмотрении знака как формы — то есть как отношения отличия между означающим и означаемым» [Luhmann 1999: 54]. В другой связи Луман, оспаривая соссюрсовское понимание — опять же в своей интерпретации — предлагает свести его к взаимодействию традиции и произвольности: «Обычно, следуя Соссюру (*l'arbitraire du signe*), говорят о произвольности знакового установления. Однако это заблуждение. (...) Произвольность имеет место только в отношении означающего и означаемого. Она выступает условием изоляции употребления знаков. Сами же знаки (как форма этого различения), однако, являются зависимыми от традиции и от высокой степени избыточности в их способности примыкания друг к другу. Если бы их следовало постоянно производить заново, было бы невозможно ни научиться им, ни их использовать. Произвольность и традиция не исключают друг друга, напротив: они взаимно обуславливают друг друга — как медиум и форма» [Луман 2011: 243]. Ср. с противоположной, куда более обоснованной критикой Бенвениста: произвольность есть отношение между знаком и референтом, и оно неприменимо к отношению между означающим и означаемым, в этом случае связь является необходимой [Бенвенист 1974: 90–93].

«Ошибочно вообще искать “носителя” смысла. Смысл несет себя сам тем, что самореферентно обеспечивает собственную репродукцию. *И лишь ее формы дифференцируют психические и социальные структуры.* Носителем, если уж сохранять это выражение, является *различие* в смысловых отсылках» [Луман 2007а: 144].

Поскольку нет носителей смысла, соответственно, вне какого-либо операционального смысла-контекста знаки не в состоянии его породить⁴, почему и вполне логично выглядит то, что с употреблением **знаков как таковых** Луман связывает не смысл, а его отсутствие. Только благодаря неосмысленным действиям со знаками можно породить **бессмысленное**, которое в таком качестве неизбежно приобретет смысл: «Различение смысл/бессмысленное в самый момент его употребления приобретает смысл и, благодаря этому, воспроизводит смысл как медиум всех формообразований» [Луман 2011: 53].

В ряде случаев вследствие сложности и своеобразия лумановской терминологии трудно проследить след идей Соссюра в его концепции. Так, если бы не прямая отсылка, то вряд ли можно было бы догадаться, что понятие значимости Соссюра было преобразовано Луманом в комплексную операцию: «Секвенцирование, разложение компактного смысла на некое *одно-за-другим*, следует своему собственному порядку. Здесь достаточно четким образом нужно уметь различать и обозначать, чтобы мочь производить подсоединения» [Луман 2016: 157]⁵. Такая трансформация весьма интересна и может получить перспективное развитие в семиотике, но данная без каких-либо пояснений не столько развивает мысль Соссюра, сколько показывает, насколько замысловатой оказывается траектория его идей в теории Лумана.

Своеобразие лумановского подхода к языковому знаку можно объяснить также и тем, что для него смысловой единицей оказывается предложение — допредложенческий уровень языка есть тот ставший формой медиум, который служит для более сложно организованных форм — предложений:

«При помощи того, что уже является формой, — собственно, при помощи слов языка, может быть образован новый медиальный субстрат: весьма обширное, связанное только свободным образом множество таких слов, которые затем в свою очередь объединяются в жестко связанные формы, собственно — в предложения (...) В рекурсивной сети языковой коммуникации способностью подсоединения обладают лишь предложения: они могут предвосхищаться в виде смутной словесной структуры и вспоминаться в виде фиксированного смысла. Они могут цитироваться, перетолковываться, подтверждаться или опровергаться; и они транспортируют в этом смысле аутопойезис системы через сцепливание /расцепливание словарного состава» [Луман 2011: 233–234].

3. Принцип дифференциации Соссюра как основа системной теории Лумана

Как может показаться из вышеизложенного, теория знака и языка Лумана настолько отлична от существующих лингвистических семантических теорий, что для своего приложения к языку потребует построения какой-либо иной версии лингвистики. Однако

⁴ Ср.: «Ни смысл как таковой не является знаком, ни знаковая техника языка не объясняет, какой отбор знаков будет успешен в процессе коммуникации» [Луман 2007а: 222]; «Смысл может быть понят лишь в контексте, а в качестве такового для каждого работает прежде всего то, что дают восприятие и память» [Луман 2007а: 219].

⁵ «Речь идет о много обсуждающейся влиятельной идее языковой теории Соссюра» [Луман 2016: 182], ср. [Соссюр 1916/1977: 149].

это впечатление основывается на поверхностных характеристиках. Для того чтобы адекватно отобразить соотношение между системной теорией Лумана и современной лингвистикой, необходимо, в духе рассматриваемой теории, некоторое самоограничение, редукция. Поэтому ограничимся тем, на что указано самим Луманом и что, при всех оговорках, можно считать концептуальной основой его лингвистической теории. Луман неоднократно упоминает Соссюра, но, как правило, отмечая отличие своих представлений о языке от соссюрианской лингвистики или же приписывая ему собственное понимание. В первую очередь это касается понятия знака. Но то, что в своем подходе к языковому знаку сам Соссюр недостаточно последователен и в этом смысле он недостаточно соссюрианец, было показано еще Луи Ельмслевом [1960: 307–316] и Эмилем Бенвенистом [1974: 90–97].

Важнее не эти, пусть и достаточно существенные различия, а общность метода. Тот единственный пункт, в котором Луман солидаризируется с Соссюром и что берется им за основу — это метод дифференциации, знаменитый тезис Соссюра о том, что в языке нет ничего, кроме отличий. Именно на это положение Соссюра указывает Луман (правда, не в основном тексте, а в сноске) как на **один из источников** своей методологии⁶:

«На этом основании для упорядочения различий вводят такие идентичности, как слова, типы, понятия. Они служат зондами для прощупывания того, что именно проявляется как отличие от другого; и тогда, конечно, — чтобы удерживать и воспроизводить проявившееся (...) Одним из источников такого понимания является, как известно, Соссюр, согласно которому понятия “чисто дифференциальны”, т. е. определяются не положительно — своим содержанием, но отрицательно — своим отношением к прочим членам системы. Их наиболее точная характеристика сводится к следующему: быть тем, чем не являются другие» [Луман 2007а: 117].

Уместно привести первоисточник:

«В применении к единице принцип дифференциации может быть сформулирован так: отличительные свойства единицы сливаются с самой единицей. В языке, как и во всякой семиологической системе, то, что отличает один знак от других, и есть все то, что его составляет. Различие создает отличительное свойство, оно же создает значимость и единицу» [Соссюр 1916/1977: 154].

Другое ключевое положение Соссюра — о том, что «язык есть форма, а не субстанция» — получает в теории систем Лумана несколько иное продолжение: форма противостоит не инертной субстанции, а медиуму, разница между которыми подвижна и определяется не различием их составляющих, а степенью внутренней организованности:

«Мы делаем это при помощи различения *свободного и жесткого сцепления моментов*. Медиум состоит из свободно связанных элементов, форма же, напротив, жестко сопрягает те же самые элементы» [Луман 2011: 211]; «Медиум собирается — и снова распадается. Без медиума нет формы, а без формы нет медиума. Во времени же оказывается возможным постоянное воспроизводство этой дифференции» [Там же: 212].

Разграничение медиума и формы углубляет соссюровское разграничение субстанции и формы, от которого, как нам представляется, отталкивается Луман. Разумеется, само разграничение восходит к античности и Аристотелю, но его понимание Луманом у лингвистов

⁶ В одной из лекций Соссюр также упомянут как предшественник методологии, основанной на понятии **различения**, но представленной крайне упрощенно: «Одним из предшественников был Фердинанд де Соссюр (...) Он выдвинул тезис о том, что язык — это различие между разными словами или, если сформулировать теорию в терминах сентенциальных структур, различными пропозициями, а не как разница между словами и вещами, как это представляла (imagine) классическая семиология, или семиотика» [Luhmann 2006: 39].

может ассоциироваться с хрестоматийным рисунком Соссюра, к которому тот дает следующее пояснение:

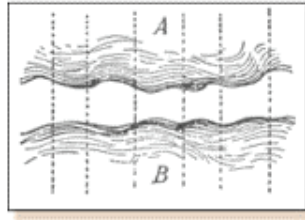

Рис.

«В психологическом отношении наше мышление, если отвлечься от выражения его словами, представляет собою аморфную, нерасчлененную массу. Философы и лингвисты всегда сходились в том, что без помощи знаков мы не могли бы с достаточной ясностью и постоянством отличать одно понятие от другого. Взятое само по себе мышление похоже на туманность, где ничто четко не разграничено. Предустановленных понятий нет, равным образом как нет никаких различий до появления языка. Но быть может, в отличие от этой расплывчатой области мысли расчлененными с самого начала сущностями являются звуки как таковые? Ничуть не бывало! Звуковая субстанция не является ни более определенной, ни более устоявшейся, нежели мышление. Это — не готовая форма, в которую послушно отливается мысль, но пластичная масса, которая сама делится на отдельные части, способные служить необходимыми для мысли означающими. Поэтому мы можем изобразить язык во всей его совокупности в виде ряда следующих друг за другом сегментаций, произведенных одновременно как в неопределенном плане смутных понятий (А), так и в столь же неопределенном плане звучаний (В)» [Соссюр 1916/1977: 114–115].

Столь обширная цитата призвана показать, что воздействие идей Соссюра куда значительнее. Луман воспроизводит не только дихотомию «форма — субстанция», но и идею о посредническом (то есть медиумном) характере языка — расширяя и уточняя ее. Другое уточнение связано с пересмотром понятия «субстанции» — вместо соссюровского представления о субстанции как об аморфной (неорганизованной) среде Луман предлагает куда более адекватное разграничение между слабо- и строго- организованными комплексами. В самом деле, уже на рисунке Соссюра можно найти определенную организацию и применительно к субстанции. Можно предположить, что Луман, при его исключительной эрудиции, мог быть осведомлен и о том полемическом продолжении, которое получила схема Соссюра у Ельмслева:

«Но этот педагогический прием, как бы блестяще он ни был выполнен, не имеет смысла, и сам Соссюр должен был прийти к этому выводу. В науке, избегающей лишних постулатов, нет основания для предположения, что субстанция содержания (мысль) и субстанция выражения (поток звуков) предшествует языку во времени или в иерархическом ряду, или наоборот. Если мы сохраним терминологию Соссюра — и будем исходить именно из его предположений, — станет ясным, что субстанция зависит от формы в такой степени, что существует исключительно благодаря ей и никоим образом не имеет независимого существования» [Ельмслев 1960: 308].

Как видим, Луи Ельмслев вводит уточнения: вместо заимствуемых из других сфер противопоставлений (**мышление** и **звуковая субстанция**, как у Соссюра) он «внедряет» их в язык: уже в самом языке он разграничивает план содержания и план выражения, а внутри каждого из них воспроизводится разграничение между формой и субстанцией [Ельмслев

1960: 310]⁷. У Лумана этот подход получает дальнейшее развитие: на каждом из новых уровней (планов) продолжают воспроизводиться разграничение между медиумом и формой. При этом медиум — соссюрская субстанция — также организован, а форма налагает на него новые ограничения, что приводит к увеличению степени его сложности. С увеличением степени комплексности и ограничений происходит переход от более свободных систем к более организованным. Эти операции различения, или отграничения, порождают новые смыслы и отношения, которые отсутствовали на прежнем уровне. Можно показать это на примере основной единицы языка — слова. Слово по отношению к предыдущим уровням есть структурная единица, оформленная в понятийном и акустическом плане и само по себе имеющее смысл. Но в предложении оно выражает куда более ограниченное и более определенное ситуативное значение — лексическое значение выступает только как медиум для его употребления в предложении. (Возможно, поэтому смыслом у Лумана обладают не собственно знаки, а их «соединения» и «вхождения» — то есть знаки в составе предложения / высказывания.) Наиболее явно это проявляется на примере действительных слов. Например, «я» в конкретном высказывании может относиться только к тому, кто именно произносит (или пишет) данное слово, «здесь» — к месту произнесения, и т. д. Операция «автореференции» получает в этих случаях наглядное и даже буквальное воплощение.

Другой инновацией оказывается переосмысление дихотомии Соссюра «язык — речь», для чего вновь используется разграничение формы и медиума:

«Оно заменяет или, по крайней мере, дополняет соссюрское различие между “langue” [язык] и “parole” [речь]. Это различие можно обобщить в различие структуры и события. Тогда-то мы и поймем, что ему не хватает как раз того, что дает системная теория, а именно — выработки объяснения, как события производят структуры, а структуры направляют события. Различение медиум / форма как раз и заполняет это срединное царство. Оно равно предполагает способные к сцеплению элементарные события (paroles), как и необходимость структурированного языка — для проведения этого сцепления и его варьирования, сообразного моменту» [Луман 2011: 216].

Луман точно определяет, в чем необходимо дополнить дихотомию Соссюра: в ней отсутствует возможность перехода от языка к речи. На это было указано Бюиссансом [1942/2016], затем Бенвенистом, что в результате привело к различным версиям теории дискурса, стремящимся заполнить этот промежуток. Решение Лумана позволяет увидеть проблему в новой перспективе: дискурс предстанет как форма по отношению к речи и медиум по отношению к языку. Одновременно эти отношения будут дополнены динамическим взаимодействием: **структура — событие**. Поскольку в теории Лумана форма и медиум отличаются не составом элементов, а степенью «жесткости» их организации, то возникает вопрос, который в дальнейшем потребует особого рассмотрения: в силе ли останется дублирование теоретических термов, разделяющее их на единицы языка и единицы речи, и нельзя ли будет различие между ними свести к различию в степени упорядоченности, и в конечном счете дифференцированности (а не к противопоставлению абстракции и ее конкретизации, такой подход сам Соссюр приписывал не себе, а **школе Боппа**, см. раздел 6). Как уже было указано [Zeige 2015], аутопоэзис предполагает, что не система определяется элементами-во-взаимоотношениях (elements-in-relations), а наоборот: система функционирует именно как механизм создания и воспроизведения элементов-во-взаимоотношениях, чем и обеспечивается ее динамическая стабильность.

⁷ Заметим, что в этом вопросе Ельмслев, а впоследствии и Луман вполне могли бы сослаться на Соссюра: «Материальная единица существует лишь в силу наличия у нее смысла, в силу той функции, которой она облечена; И наоборот, <...> смысл, функция существуют лишь благодаря тому, что они опираются на какую-то материальную форму» [Соссюр 1916/1977: 172].

Как видим, не только соссюрдовское понятие «отличий» как основной характеристики системы, но и разграничение формы и субстанции, а также языка и речи находят свое продолжение в лумановской системной теории, но уже как различные манифестации взаимодействия между формой и медиумом. Что касается основной функции языка — связывать друг с другом сознание и коммуникацию, это по сути воспроизводит соссюрдовское понимание, но выводя его за пределы языка в коммуникацию: у Соссюра — это посредствующее звено между мыслью и звуком⁸, тогда как у Лумана язык есть средство связать мысль (сознание) с коммуникацией. Как видим, полемизируя с Соссюром, Луман воспроизводит основные постулаты соссюрианской лингвистики, но, безусловно, надеясь их новыми характеристиками. Что парадоксально, Соссюра в истории лингвистики принято относить к представителям социологической школы, но для Лумана его теория важна только вследствие ее системности. При этом само понятие «общество» описывается Луманом так же, как могла быть описана языковая система⁹: те концепты, которые традиционно рассматривались как социальные (индивиды, государства, институты), Луман относит не к системе, а к окружающей среде. Между тем сама теория Соссюра асоциальна — язык, в отличие от речи, признается социальным институтом, но описывается как определяемая исключительно внутренними отношениями система. Это наиболее существенная точка соприкосновения между двумя теориями, описывающими свой объект как некоторую упорядоченную систему семиотических операций: у Соссюра — как систему сегментаций и синтагматических и парадигматических («ассоциативных») отношений, у Лумана — как последовательных рекурсий и различий.

4. Язык как система самонаблюдения и самоописания

Из совпадения или же близости основ теорий Соссюра и Лумана можно вывести также и ряд важных аналогий, которые хотя прямо не содержатся в «Курсе» Соссюра, но получают развитие в лингвистике XX в.

4.1. В качестве подобной возможности остановимся подробнее на вышеприведенном определении языка как посредствующего звена между мыслью и звуком [Соссюр 1916/1977: 114]. Теория Лумана позволяет найти возможность совмещения подхода Соссюра к языку как к замкнутой системе с его неогумбольдтианской интерпретацией (например, в духе теории лингвистической относительности Сепира — Уорфа). У Лумана язык также посредник, но уже между сознанием и коммуникацией. Это точнее, чем у Соссюра, но разница не представляется принципиальной, поскольку оба имеют в виду один и тот же процесс. Для гумбольдтианской лингвистики характерно рассмотрение языка не столько как посредника, сколько как механизма создания когнитивных моделей. Это тема, у Соссюра отсутствующая, но крайне существенная для Лумана.

Парадоксальный стиль Лумана, позволяющий соединить, казалось бы, несоединимые подходы, проявляется и здесь. Согласно его теории, язык вовсе не порождает новые когнитивные и репрезентативные структуры, его роль скорее быть фильтром. Язык хоть и навязывает смысловые структуры (и здесь можно увидеть и перекличку с неогумбольдтианской

⁸ Ср.: «Специфическая роль языка в отношении мысли заключается не в создании материальных звуковых средств для выражения понятий, а в том, чтобы служить посредствующим звеном между мыслью и звуком, и притом таким образом, что их объединение неизбежно приводит к обоюдному разграничению единиц» [Соссюр 1916/1977: 114].

⁹ Ср.: «Общество является всеобъемлющей системой всех коммуникаций, воспроизводящих себя аутопойетически, в то время как она производит все новые (и все время другие) коммуникации в рекурсивной сети коммуникации» [Луман 1994]; как видится, термин «общество» вполне может быть заменен на «язык».

теорией лингвистической относительности), но его роль — быть скорее цензором, нежели редактором и тем более соавтором. Выполняемая языком функция различения, отбора, селекции весьма близка к той концепции, которую Соссюр выразил в своем хрестоматийном рисунке — это вычленение из аморфных (с точки зрения данного языка) звуковых и ментальных потоков некоторых структурных корреляций («сегментаций»), которые и составляют систему данного языка. Развитием подобной точки зрения оказывается подход Лумана: функция языка в обществе — не только канал коммуникации, но и цензор, контролирующий этот канал и редуцирующий его содержание:

«Язык изолирует общество почти от всех событий окружающей среды физического, химического рода или событий, формирующих образ жизни, за исключением единственного возбуждения импульсами сознания. Подобно мозгу, который за счет исключительно малой способности глаз и ушей к резонансу почти полностью изолирован по отношению ко всему, что происходит в окружающей среде, общественная система почти полностью изолирована от всего, что происходит в мире, с помощью узких путей для раздражения, которые канализируются сознанием. Также, как в случае мозга, эта почти полная изоляция общества является условием оперативной закрытости и возможностью построения высокой собственной сложности» [Луман 1994].

Именно эта высокая степень сложности («комплексности») позволяет языку не просто отсекал фрагменты реальности, но и заменять ее собственными схемами, паттернами: «Система отгораживается от шума восприятий посредством собственных рекурсий, допуская лишь те возбуждения, которые могут перерабатываться ее собственным языком» [Луман 2011: 227]. Это дает возможность совместить соссюринское понимание языка с гумбольдтианским. Правда, для этого вводится еще один медиум — культура, и только ее, а не язык, Луман наделяет семантикой:

«Следовательно, необходимо нечто промежуточное, примиряющее интеракцию и язык — своего рода запас возможных тем, имеющих наготове для быстрого и сразу же ясного начала конкретных коммуникативных процессов. Мы называем этот тематический запас культурой, а если он сохраняется специально для целей коммуникации, то — семантикой. Следовательно, серьезная, достойная сохранения семантика является частью культуры благодаря тому, что передает нам историю понятий и идей. Культура не является с необходимостью нормативным смысловым содержанием, она является, пожалуй, установлением смысла (редукцией), способствующим различию в тематических коммуникациях подходящих и неподходящих выступлений, либо корректного или некорректного использования тем» [Луман 2007а: 224–225].

4.2. Язык как автономная система может выступать и как система наблюдения (описания), и как его (трансцендентальный) субъект. Это предоставляемая теорией Лумана интересная возможность внести динамизм также и в семиотику знака (что не предусмотрено ни у Соссюра, ни у Пирса):

«Мы сохраняем верность лингвистическому повороту (linguistic turn), ставящему язык (...) на место трансцендентального субъекта. В собственном поведении общества как системы коммуникации стабилизируется то воображаемое пространство значений, которое не разрушается, а как раз устанавливается в рекурсивном применении коммуникации к коммуникации. (...) язык возникает в своего рода self-fulfilling prophesy» [Луман 2011: 233].

Языковая картина мира при таком подходе не есть нечто заданное, а всякий раз воссоздаваемое применительно к контексту коммуникации и подлежащее тем рекурсивным трансформациям, благодаря которым происходит приспособление языковых структур к изменяющимся условиям и результатам коммуникации, почему и язык может выступать как

самореализуемое описание и пред-писание (пророчество). Безусловно, к месту вспомнить знаменитый тезис Гумбольдта: язык не эргон, а энергия. Само понятие языкового знака как некоторой закреплённой связи между означаемым и означающим преобразуется Луманом в динамическую операцию соположения коммуникативных и когнитивных характеристик, но основные смысловые характеристики выявляются уже в предложениях, а точнее, в текстуальных структурах.

В теории Лумана осуществляющая коммуникацию система есть наблюдатель, она может описывать и окружающий мир (не-систему), и саму себя. В ёмкой перифразе А. Ф. Филиппова, это представлено следующим образом:

«Ведь до сих пор все описания были построены на том, что мы действительно описываем то, как это есть в действительности. Теперь пришла пора указать не просто на возможность иных различий, но и на то весьма тонкое обстоятельство, что наблюдение второго порядка (наблюдение наблюдателя) есть одновременно и наблюдение первого порядка, так как наблюдаемый наблюдатель есть также и объект наблюдения он сам. Однако более важным для социологов является заход, так сказать, с противоположной стороны: “Если речь идет о самонаблюдении, то наблюдатель — это система, которая себя наблюдает. Тогда он в системе. Он либо есть система... либо же, однако, он есть в окружающем мире. Соответственно, у нас имеется различие самонаблюдения и инонаблюдения. Система может быть наблюдаема со стороны окружающего мира... или это есть самое себя наблюдающая система”» [Филиппов 2003: 54].

Если рассматривать язык как самонаблюдающую и самоописывающую себя систему, тогда результатом этих самоописаний явится речь, которая в теории Соссюра понимается как реализация и манифестация абстрактной системы. В свете лумановской теории любопытным и куда более последовательным образом переосмысливается противопоставление внешней и внутренней лингвистики — как разграничение собственно системы и окружающей среды. Говорящие, тексты, контексты, контакты — все то, что Соссюр относил к ведению «внешней» лингвистики [Соссюр 1916/1977: 59–61], можно рассматривать именно как внешнюю среду для аутопоэтической системы «чистых отношений», подобно тому как, по Луману, люди, государства, классы и т. п. являются не компонентами общества, а его окружающей средой. Но при этом язык «вбирает» в себя и внешнюю среду, создавая внутри себя ее образ («образ мира, в слове явленный», Б. Пастернак).

В случае языка «коммуникация может заниматься сама собой» [Луман 1994].. Язык описывает и себя, свои операции в форме грамматики и окружающую среду в форме словаря (тезаурусных онтологий), и даже формы взаимодействия («соединения», «коммуникации») между системой и средой (контекстом) — это дейктика, прагматический аппарат высказывания, то, что Бенвенистом прозорливо было названо «Человек в языке»: человек как элемент окружающей среды, говорящий в процессе коммуникации обречен стать элементом языковой системы, местоимением «я»¹⁰.

¹⁰ Вероятно, это явление имело в виду Луманом, когда он, исключая индивидуумов из понятия общества, писал: «Конечно, остается возможность того, что индивидуум представляет общество, и что коммуникация в первую очередь использует личностей в качестве адресатов и в качестве тем. Но тогда следовало бы говорить не об индивидуумах (людях, сознании, субъектах и так далее), а о личностях в точном античном смысле слова. Имена и местоимения, которые употребляются в коммуникации, не имеют ни малейшего сходства с тем, что они обозначают. Каждый не есть “я” точно также, как слово “яблоко” не является яблоком» [Луман 1994]. Очевидно сходство этого положения с тем, что ранее было высказано Бенвенистом [1974: 293–294]: «Именно в языке и благодаря языку человек конституируется как субъект, ибо только язык придает реальность, свою реальность, которая есть свойство быть, — понятию “Его” — “мое я” (...) Тот есть “ego”, кто говорит “ego”. Мы находим здесь самое основание “субъективности”, определяемой языковым статусом “лица”».

Применительно к языку положение о системе наблюдения и инаблюдения можно развить в трех направлениях. Первое будет основываться на идее Ельмслева о том, что язык есть семиотика, на которую можно перевести все другие семиотики¹¹. Языковой знак рассматривается им как семиотика первого уровня — когда ни план выражения, ни план содержания не являются семиотикой (знаковой системой) [Ельмслев 1960: 368–369]. Последовательность звуков «р», «о», «з», «а» обозначает цветок; ни цветок, ни последовательность звуков не являются знаком, знаком их делает констелляция (используем этот термин именно в том значении, в котором его употреблял Луман, а не Ельмслев) между ними. Этот знак может послужить основой для семиотик (описаний и самоописаний) второго уровня, став либо его означающим, и тогда мы получим метаязыковые семиотики (*«роза» — сущестительное*), либо коннотативные (*роза* как символ красоты, затем — Богоматери). Этот процесс производного семиозиса может усложняться до бесконечности и принимать перекрестные формы. Так, бесконечность конструирования метаязыков (в духе А. Тарского) воспроизводит основную идею теоремы Геделя — всякий метаязык может быть описан и оценен только на основе метаязыка более высокого порядка. Аналогично, коннотативные семиотики приводят к такому усложнению языкового знака (в поэзии, философии, религии и т. п.), что требуют метаязыкового перевода (интерпретации). Например, коннотативная семантика имени «роза» отличается в античной, христианской, суфийской и др. традициях и для своей экспликации требует соответствующих метатекстов, которые в свою очередь могут порождать новые коннотации. Вторым направлением развития может стать выведение описания многоуровневого семиозиса из сферы языка в культуру, как то было осуществлено в разработанном в московско-тартуской школе понятии «вторичных моделирующих систем»: предполагается, что первичной моделирующей системой является язык, который и предоставляет некоторую семиотическую модель мира, и она становится объектом трансформации посредством уже иных знаковых систем (музыки, театра, мифа и т. п.). В этом свете становится мотивированным отнесение Луманом семантики к сфере культуры, а не языка. Наконец, крайне перспективным видится распространение аутопозиса (автореференции, рекурсии, само и инаблюдения) на понятие текста: так, в рамках той же московско-тартуской школы сформировалось понятие о тексте как о порождающем и интерпретирующем себя **интеллектуальном устройстве**, или **разумной душе**¹², а об организме — как читающем себя (гипер)тексте [Kull 1998; Zolyan, Zdanov 2018].

5. Комплексность в теории Лумана и уровневая организация языка

Еще одно возможное соотнесение между ключевыми понятиями теории Лумана и современной лингвистики — это комплексность у Лумана и понятие уровня в лингвистике. Коммуникация как многомерный процесс приводит к усложнению и автономизации форм организации системы и введению все более жестких ограничений на сочетаемость элементов. Комплексность понимается как «единство множества», которое обеспечивается

¹¹ Ср.: «Практически язык является семиотикой, в которую могут быть переведены все другие семиотики — как все другие языки, так и все другие мыслимые семиотические структуры. Эта переводимость основывается на том факте, что языки и только они одни способны давать форму любому материалу; в языке и только в нем мы можем «претворить невыразимое в выразимое» [Ельмслев 1960: 364].

¹² Ср.: «Текст (...) обнаруживает черты интеллектуального устройства: он обладает памятью, в которой он может концентрировать свои предшествующие значения, и одновременно он проявляет способность, включаясь в коммуникативную цепь, создавать новые нетривиальные сообщения» [Лотман 1992: 27].

ограничениями (избирательностью) на сочетаемость элементов и отношений. Внутренняя организация языка наглядно демонстрирует этот общий принцип системности и много-ступенчатого обособления системы от окружающей среды. (Заметим, что разграничение на уровни у Соссюра отсутствует, но оно логично выводится из его дихотомии «форма — субстанция».) Описание языковых уровней может наполнить конкретным содержанием достаточно умозрительные схемы Лумана. Так, соотношение между медиумом и формой, или формой и субстанцией проявляется как иерархия уровней: единицы последующего уровня строятся из единиц предшествующего, но уже по правилам, отличным от правил организации единиц предшествующего. Так, слоги состоят из звуков, но организация слогов добавляет к правилам предыдущего фонетического уровня также и новые правила формирования слогов в данном языке. Одновременно звуки являются элементами для морфем, но на уровне морфем при сохранении фонетических правил действуют и новые, характеризующие форму организации данного уровня. Соответственно, из морфем строятся единицы лексического уровня (слова), и здесь также действуют дополнительные правила, и т. д. При этом один и тот же элемент языка подлежит различным селективным ограничениям — так, применительно к звуку (элементу окружающей среды) действуют различные правила сочетаемости — в зависимости от того, рассматривается ли он применительно к уровню слога, морфемы или синтагмы. Определяющими оказываются не материальные характеристики звука, а его дифференциальные признаки, которые при этом варьируются в зависимости от уровня наблюдения / описания. Отсюда и возможность определения уровня языковой системы через метаязык его описания: уровень есть метаязыковое представление некоторой фонетической субстанции. Приведем известный пример самого короткого высказывания из латинских грамматик: «I» (на лаконичное *Eo rus* 'Я еду в деревню', ответом было еще более лаконичное *И!* — 'езжай!'). Звук «I» репрезентируется как фонема, слог, морфема, словоформа, глагол, предложение и высказывание — в зависимости от того, метаязык какого уровня будет задействован, а вовсе не как результат операции разложения на составляющие.

Обобщенный принцип уровневой организации языка может быть выражен в терминах Соссюра — Лумана как постоянное обращение субстанции / медиума в форму при порождении смысловых структур в процессе коммуникации по схеме: звук — слово — предложение — мысль, где каждый этап также подлежит дифференциации на уровни (характеризуется своей особой комплексностью). Вместе с тем в современной лингвистике развивается новое понимание уровневой организации языка, которое отсутствует в структурной лингвистике: это понимание уровней как автономных комплексов, связанных между собой интерфейсами. Внутри каждого из уровней можно увидеть разграничение между формой и медиумом: с одной стороны, задаются элементы и структуры, а с другой, правила, ограничивающие возможности образования структур из элементов. Взаимодействие между уровнями осуществляется уже на уровне готовых блоков: фонетических, лексико-синтаксических и семантических. Такое понимание получило именование параллельной архитектуры и является на сегодняшний день преобладающим в лингвистике [Jackendoff 2007: 48–52], что представляется нам весьма близким к предложенному Луманом описанию внутрисистемной комплексности, или, в его терминах, «комплексности самой комплексности». Оно неожиданным образом позволяет снять дихотомию между синхронией и диахронией:

«Комплексность, если ее разложить во временном измерении, представляется не только в виде временной последовательности различных состояний, но и, кроме того, в виде одновременности уже установившихся и еще не установившихся состояний» [Луман 2011: 148].

Применительно к языковой системе это положение можно распространить также и на варьирование языковой системы: **одновременность установившихся состояний** может быть соотнесена с типами варьирования, различающимися по характеру взаимодействия

системы языка с **окружающей средой**: территориальным (язык как система диалектов), временным (диахронические срезы языка), социальным (язык как система социолектов), стилистическим (функциональные стили языка), вплоть до языка индивидуума (идиолекты).

6. «Потаенный» Соссюр в свете системной теории Лумана

Рассматривая возможные точки соотнесения между концепциями Лумана и Соссюра, мы опирались на то, что было известно Луману, с чем он мог полемизировать или же солидаризироваться, то есть на ставшую канонической версию «Курса», подготовленную Сеше и Балли. Между тем, как это выяснилось в последние десятилетия, эта версия не может считаться адекватным отображением лингвистической концепции Соссюра. Как отмечает публикатор и исследователь архивного наследия Соссюра:

«Отвечая вместо Соссюра на вопросы, которые он сам оставил без решения, редакторы “Курса” подготовили почву для того, чтобы десятилетия спустя многочисленные исследователи отказались бы от идей Соссюра, тогда как более точное изложение позволило бы им найти в предполагаемой неполноте спекулятивной теории Соссюра эвристическую основу для продолжения их исследований в области философии и науки о значении» [Bouquet 2004: 216].

В качестве примера можно привести повторное открытие Бюиссансом понятия «курс», уточнения Бенвениста относительно семиологии знака и лингвистики речи, критику Бахтиным, а затем Крессом и Ходжем соссюровского объективизма, размышления Деррида о возможной «деконструкции» канонического «Курса» и многое другое. В случае Лумана ситуация несколько иная. Рассмотрев те аспекты, которые соотносятся с системной теорией Лумана (принцип дифференциации и формы), можно прийти к парадоксальному заключению: Луман не опровергает Соссюра, а скорее проясняет то, что у самого Соссюра осталось неразвернутым и необъясненным и не было в должной степени оценено его учениками-редакторами и потому осталось в архивах. Теория Лумана может послужить обоснованием прозрениям Соссюра [Bouissac 2004: 260] и сделать их понятными и реализуемыми в лингвистическом описании. Тем самым предложенная перспектива развития концепции Соссюра оказывается не только неоструктуралистской, но и неоссюрианской — она может претендовать на то, что оставшаяся в набросках теория языка как **семиотики интерпретации** (так она названа в [Bouquet 2004: 205]) есть закономерное развитие структурной лингвистики канонического «Курса». «Потаенный» Соссюр выступает не просто как «предшественник» системной теории, а как автор ее основных тезисов, развивая которые он оставил на долю потомков.

В первую очередь, меняется понимание известного тезиса — «язык есть форма, а не субстанция». В версии Сеше и Балли **форма** предстает в принятом понимании — в противопоставлении субстанции, как некоторый ее порядок или организация. Между тем Соссюр намечает следующий шаг, понимая форму уже как чисто реляционную сущность, не предполагающую какой-либо материализации, но только отграничения:

«Форма = не положительная упорядоченная сущность, или просто порядок, но сущность как отрицательная, так и комплексная (лишенная какой-либо материальной основы), рожденная на различиях, порожденных различиями от другой формы, В КОМБИНАЦИИ с различиями значений других форм» [Saussure 2006: 19] (здесь и далее заглавные буквы и подчеркивание воспроизводят оригинал. — С. 3.).

«Два отрицательных аспекта — всеобъемлющая система различий, которая действует для вокальных фигур в сочетании со всеобъемлющей системой различий, образующих значения, которые могут быть связаны между собой» [Saussure 2006: 13].

Как бы продолжая эту ключевую идею черновой рукописи «Двойная сущность языка», Луман поясняет Соссюра:

«Таким образом, язык обладает некой чрезвычайно выделяющейся *формой*. Как форма с двумя сторонами она задается различием *звука* и *смысла*. Тот, кто не способен овладеть этим различием, не может и говорить. При этом (...) имеется некая сгущенная взаимосвязь отсылок друг к другу обеих сторон — так что при том, что звук не является смыслом, он все-таки этим своим не-бытием *определяет* то, о каком смысле говорится в тот или иной момент. И наоборот, при том, что он не *есть* звук, смысл тем не менее *определяет* то, какой звук должен выбираться в тот или иной момент, когда проговаривается соответствующий смысл» [Луман 2011: 228].

Как видим, у Соссюра имеется то целостное понимание системности, которое в [Zeige 2015] предлагалось внести в лингвистическую теорию: система определяет отношения и отношения между отношениями, а не определяется составляющими ее элементами. Согласно Соссюру, «все явления — это отношения между отношениями. Или это можно выразить в терминах различий: все дело в различиях, действующих в противопоставлении друг другу, и благодаря вхождению в оппозиции, создающих значимость» [Saussure 2006: XIV].

Язык и его элементы есть форма, создаваемая самой системой на основе операций / отношений дифференциации. При таком подходе логичным оказывается то, что Соссюр, как впоследствии Луман, отказывается от референтного рассмотрения знака: знак также оказывается формой, а значение знака исчерпывается его различиями от других знаков, то есть значимостью:

«Форма не имеет значения, но имеет значимость» [Saussure 2006: 12]; «Значение каждой отдельной формы то же, что и различия между формами. Значение = разница в значении» [Ibid.: 13]; «1) Знак существует только в силу своего значения; 2) смысл существует только в силу различия между знаками» [Ibid.: 20].

Исходя из ряда заметок Соссюра, можно предположить, что у него референция может возникнуть на уровне предложения / дискурса, но это уже отдельная тема, выходящая за рамки нашей статьи.

Теория Лумана позволяет предложить отличный от принятого ответ на вопрос, как в теории Соссюра может быть инкорпорировано понятие «структура». В свое время это было сформулировано Бенвенистом как парадокс:

«Соссюра по праву называют предтечей современного структурализма. И он действительно является таковым — во всем, кроме самого термина. При описании этого идейного течения нельзя подходить к вопросу упрощенно и следует подчеркнуть, что Соссюр никогда не употреблял слова “структура” в каком бы то ни было смысле. Для него самым существенным было понятие системы» [Бенвенист 1974: 61].

Исследователь показал, что впервые применительно к языку термин «структура» появляется в Тезисах Пражского лингвистического кружка в 1929 г., после чего начинается его победное шествие. Бенвенист [1974: 64] предлагает чеканную формулировку: «Трактовать язык как систему — значит анализировать его *структуру*». Из этого следует, что основоположник структурной лингвистики, наподобие мольеровского Журдена, хоть и анализировал язык как структуру, но не знал этого. Между тем вышеприведенные афоризмы Соссюра показывают, что можно предложить и иную интерпретацию, предположив, что в его представлении понятие системы коррелировало не со **структурой**, а с **формой**, и это сближает его концепцию с системной теорией Лумана. Если так, то понятие «структуры» в смысле «порядок отношений внутри системы» оказывается излишним.

Что касается Лумана, то он воспринял понятие «структура» от основоположника структурно-функционального подхода в социологии Талкотта Парсонса, чьим учеником

и продолжателем на первом этапе он был. Термин «структура» не стал у Лумана предметом особого анализа, хотя встречается довольно часто, в различных значениях (конструкция, институты, сопряжение, упорядоченные объекты). Но, насколько мы можем судить, Луман не использовал его именно в том значении, в каком оно укоренилось в лингвистике: как организацию отношений внутри системы¹³. Связь между понятиями **структуры** и **системы** можно увидеть в тех случаях, когда рассматривается появление **структур** как результат функционирования системы или же сопряжения различных систем. Из различных словоупотреблений имеет смысл выделить те, в которых Луман противопоставляет структуру и процесс (или структуры и операции, структуры и события). Как было сказано выше, по Луману, противопоставление **структуры** и **события** вместе с понятиями **форма** и **медиум** могло восполнить разрыв между **языком** и **речью** Соссюра. Концепция Соссюра может быть дополнена именно в этом направлении, а не в предлагаемом Бенвенистом. Тем самым, триада Соссюра *langage — langue — parole*, в которой отсутствует понятие структуры, может приобрести следующий вид: лингвистика, объект которой есть язык-*langage*, есть сопряжение лингвистики языка-*langue*, в которой язык описывается как триада: система — форма — структура, и лингвистики речи (*parole*), которая будет описываться в координатах: система — структура — процесс — событие. При таком представлении структура выступает в обеих ипостасях — в качестве формы организации как отношений внутри системы (*langue*), так и как процессов и событий речевой деятельности. Понятие структуры в силу подобной двойственности становится интерфейсом между языком-(*langage*), языком-*langue* и речью.

Наша интерпретация соссюреской триады представляется достаточно близкой к идее самого Соссюра. В его триаде есть место и для лингвистики речи: «Нужны лингвистика языка (*langue*) и лингвистика речи (*parole*)» [Bouquet 2004: 207] (обоснование и предмет такой лингвистики было дано в [Николаева 2015]). В отличие от авторов концовки «Курса», приписавших Соссюру чеканную формулу «единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в себе и для себя» [Соссюр 1916/1977: 269]¹⁴; сам он полемизировал с таким подходом, приписывая его **школе Боппа**:

«Школа Боппа сказала бы, что языковая деятельность (*langage*) — это применение языка (*langue*). Теперь ясно, что существует постоянное взаимодействие, и лингвистическая система имеет свое единственное применение и единственное происхождение в языковых актах, в то время как язык (*langage*) — это применение и постоянный генератор языковой системы (*langue*), языковой акт должен сделать языковыми (*langue*) и применение, и сам его источник» [Bouquet 2004: 207].

Такое понимание вносит динамизм в отношение между языком и речью, и, опять-таки в противоположность соссюрианству, делает крайне условной грань между синхронией и диахронией:

«В языке никогда нет никаких постоянных черт, а есть лишь переходные стадии, которые управляются временем. Язык [*langue*] — это не что иное, как постоянная последовательность переходных состояний между днем до и днем после» [Bouissac 2010: 165].

Как видим, не будет противоречить взглядам Соссюра перенесение принципов системной теории, а также послужившей для ее основы теории эволюционного аутопоэзиса не только на **внутреннюю** лингвистику, но и на диахронию.

¹³ К сожалению, лаконичность замечания-примечания не позволяет увидеть, с чем не согласен Луман [2011: 125] в структуралистской концепции языка: «Мы разделяем неприятие чисто денотативного, а также чисто структуралистского понятия языка, и вслед за Матураной, утверждаем первичность понятия *операции*».

¹⁴ Ср.: «Последнее предложение *Курса* не только апокрифично, но и полностью противоречиво» [Bouquet 2004: 207]; о его (пред-) истории см. [Stawarska 2015: 213–219].

Не случайным представляется и то большое внимание, которое Соссюр уделял дискурсу — понятию, последовательно элиминированному редакторами «Курса»¹⁵ (и уже Бюиссанс [1942/2016] введет его в оборот в полемике с Соссюром). Возможно, так может быть заполнена лакуна между **структурой и событием / операцией**: на эту мысль наводят ремарки Соссюра о различии между словом в лексической системе и словом в предложении / дискурсе, а также между словом и предложением, которое он, в отличие от своих редакторов, не исключал из сферы языка, а считал зоной пересечения языка и речи [Bouquet 2004: 214–216]).

Нет оснований считать, что ближайшие ученики «извратили» концепцию учителя, но они, встречая подчас противоречивые и не всегда ясные положения, отсекали то, что не укладывалось в их восприятие, сделав теорию Соссюра более цельной и потому понятной для современников.

Заключение

Вне нашей компетенции судить, насколько существенным может оказаться вклад структуралистских и постструктуралистских теорий языка в развитие системной теории Лумана, однако что касается ее возможного воздействия на лингвистику, то оно видится весьма перспективным. Хотя Луман и отрицает рассмотрение языка как системы, тем не менее он во многом отталкивается от соссюрианских принципов описания языка как системы систем. При этом теория Лумана вносит новое важное измерение, придавая системности многомерный и динамический характер, преобразуя парадигматические и синтагматические отношения в операции. Благодаря этому преодолевается статичность при описании знака, равно как и описание синхронного состояния как некой «застывшей случайности» дополняется спектром потенциально заданных состояний языковой системы. Тем самым создается возможность для новой неоструктуралистской или даже неоссоссюрианской версии лингвистики, которая продолжит традиции системно-структурного подхода к языку, где формализм подобного описания будет дополнен конструктивизмом, в его динамическом сопряжении с процессами коммуникации и смыслопорождения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Антоновский 2007 — Антоновский А. Ю. Вместо заключения: смысл как коннективный механизм в языке, сознании и коммуникации. *Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем*. Антоновский А. Ю. М.: ИФ РАН, 2007, 95–122. [Antonovskii A. Yu. Instead of a conclusion: Meaning as a connective mechanism in language, mind and communication. *Niklas Luman: epistemologicheskoe vvedenie v teoriyu sotsial'nykh sistem*. Antonovskii A. Yu. Moscow: Institute of Philosophy, 2007, 95–122.]
- Бенвенист 1974 — Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. М.: Прогресс, 1974. [Benveniste E. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Article collection; transl. from French. Moscow: Progress, 1974.]
- Бюиссанс 1942/2016 — Бюиссанс Э. Абстрактное и конкретное в лингвистических фактах: речь — дискурс — язык. *Политическая наука*, 2016, 3: 209–216. [Buyssens E. De l'abstrait et du concret dans les faits linguistiques : La parole — le discours — la langue. *Acta Linguistica Hafniensia*, 1942, 1: 17–23. Transl. into Russian.]
- Дойчман 2018 — Дойчман П. «Коммуникация», «культура» и «общество» в теории систем Никласа Лумана. *Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте: сб. материалов I Международной научно-практической конференции*. Брагина Н. Г., Жукова А. Г. (ред.).

¹⁵ Смысловое ядро этих употреблений можно свести к «высказыванию в его употреблении», см. специально посвященный дискурсу раздел в [Bouquet 2004: 210–214].

- М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2018, 87–89. [Deutschmann P. “Communication”, “culture” and “society” in Niklas Luhmann’s Systems Theory. *Persekaya granitsy: mezhkul’turnaya kommunikatsiya v global’nom kontekste: sbornik materialov I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Bragina N. G., Zhukova A. G. (eds.). Moscow: Pushkin State Russian Language Institute, 2018, 87–89.]
- Ельмслев 1960 — Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. *Новое в лингвистике*. Вып. 1. М.: Прогресс, 1960, 264–389. [Hjelmslev L. *Prolegomena to a theory of language*. Baltimore: Indiana Univ., 1953. Transl. into Russian.]
- Жуков 2019 — Жуков Л. Б. *Философская схема Лумана: Опыт философской интерпретации общей теории систем Никласа Лумана*. М.: УРСС, 2019. [Zhukov L. B. *Filosofskaya skhema Lumana: Opyt filosofskoi interpretatsii obshchei teorii sistem Niklasa Lumana* [Luhmann’s philosophical system: Attempt at a philosophical interpretation of Niklas Luhmann’s General Theory of Systems]. Moscow: URSS, 2019.]
- Лотман 1992 — Лотман Ю. М. Мозг — текст — культура — искусственный интеллект. *Избранные статьи*: В 3 т. Т. 1: *Статьи по семиотике и типологии культуры*. Лотман Ю. М. Таллинн: Александра, 1992, 25–33. [Lotman Yu. M. Brain — text — culture — artificial intelligence. *Izbrannye stat’i*: In 3 vols. Vol. 1: *Stat’i po semiotike i tipologii kul’tury*. Lotman Yu. M. Tallinn: Aleksandra, 1992, 25–33.]
- Луман 1994 — Луман Н. Понятие общества. *Проблемы теоретической социологии*. Бороноев А. О. (ред.). СПб.: Петрополис, 1994, 25–42. [Luhmann N. Pogem družbe [The notion of society]. *Teorija in Praksa*, 1991, 28: 1175–1185. Transl. into Russian.] <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2969>.
- Луман 2007а — Луман Н. *Социальные системы. Очерк общей теории*. СПб.: Наука, 2007. [Luhmann N. *Soziale Systeme: Grundriß einer allgemeinen Theorie*. Frankfurt: Suhrkamp, 1984. Transl. into Russian.]
- Луман 2007б — Луман Н. «Что происходит?» и «Что за этим кроется?». Две социологии и теория общества. *Социологическое обозрение*, 2007, 3: 100–117. [Luhmann N. „Was ist der Fall?“ und „Was steckt dahinter?“ *Die zwei Soziologien und die Gesellschaftstheorie*. Bielefeld: Universität Bielefeld, 1993. Transl. into Russian.]
- Луман 2011 — Луман Н. *Общество общества*. Кн. 1: Общество как социальная система. Кн. 2: Медиа коммуникации. Кн. 3: Эволюция. М: Логос, 2011. [Luhmann N. *Die Gesellschaft der Gesellschaft*. Frankfurt: Suhrkamp, 1997. Transl. into Russian.]
- Луман 2016 — Луман Н. *Истина, знание, наука как система*. М.: Проект letterra.org, 2016. [Luhmann N. *Wissenschaft der Gesellschaft*. Frankfurt: Suhrkamp, 1993. S. 7–11, 122–469. Transl. into Russian.]
- Матурана 1995 — Матурана У. Биология познания. *Язык и интеллект*. Герасимов В. И., Нерознак В. П. (ред.). М.: Прогресс, 1995, 95–143. [Maturana H. R. *Biology of cognition*. Biological Computer Laboratory Research Report BCL 9.0. Urbana (IL): Univ. of Illinois, 1970. Transl. into Russian.]
- Назарчук 2012 — Назарчук А. В. *Учение Никласа Лумана о коммуникации*. М.: Весь мир, 2012. [Nazarchuk A. V. *Uchenie Niklasa Lumana o kommunikatsii* [Niklas Luhmann’s theory of communication]. Moscow: Ves’ Mir, 2012.]
- Николаева 2015 — Николаева Т. М. О «лингвистике речи» (в частности, о междометии). *Вопросы языкознания*, 2015, 4: 7–20. [Nikolaeva T. M. On the “linguistics of speech”. *Voprosy Jazykoznanija*, 2015, 4: 7–20.]
- Посконина 1999 — Посконина О. В. Никлас Луман: Жизненный путь, сочинения и основные идеи. *История философии: Запад — Россия — Восток*. Кн. 4: *Философия XX в.* Мотрошилова Н. В., Руткевич А. М. (ред.). М.: Греко-латинский кабинет, 1999, 287–297. [Poskonina O. V. Niklas Luhmann: Biography, works and main ideas. *Istoriya filosofii: Zapad — Rossiya — Vostok*. Book 4: *Filosofiya XX v.* Motroshilova N. V., Rutkevich A. M. (eds.). Moscow: Greko-Latinskii Kabinet, 1999, 287–297.]
- Смирнов 2011 — Смирнов Г. П. Трансляция смысла в социальной коммуникации: критический анализ теории Н. Лумана. *Вестник Санкт-Петербургского университета, сер. 12*, 2011, 2: 293–299. [Smirnov G. P. Meaning translation in social communication: A critical analysis of N. Luhmann’s theory. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, ser. 12*, 2011, 2: 293–299.]
- Соссюр 1916/1977 — де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. *Труды по языкознанию*. Де Соссюр Ф. М.: Прогресс, 1977, 31–273. [De Saussure F. *Cours de linguistique générale*. Lausanne; Paris: Payot, 1916. Transl. into Russian.]

- Филиппов 2003 — Филиппов А. Ф. Теория систем: аутопойесис продолжается. *Социологическое обозрение*, 2003, 1: 50–58. [Filippov A. F. Systems Theory: Autopoiesis goes on. *The Russian Sociological Review*, 2003, 1: 50–58.]
- Эшби 1959 — Эшби У. Р. *Введение в кибернетику*. М.: Иностранная литература, 1959. [Ashby W. R. *An introduction to cybernetics*. London: Chapman & Hall, 1956. Transl. into Russian.]
- Bertalanffy 1968 — Bertalanffy L. *General Systems Theory. Foundations, development, applications*. New York: George Braziller, 1968.
- Bouissac 2004 — Bouissac P. Saussure's legacy in semiotics. *The Cambridge companion to Saussure*. Sanders C. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004, 240–260.
- Bouissac 2010 — Bouissac P. *Saussure: A guide for the perplexed*. New York: Continuum International Publishing Group, 2010.
- Bouquet 2004 — Bouquet S. Saussures unfinished semantics. *The Cambridge companion to Saussure*. Sanders C. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004, 205–218.
- Calise 2020 — Calise S. G. Language and Systems Theory: Critical remarks on the Luhmannian conception. *Sociology*, 2020, 3(52): 207–221.
- Esposito 1999 — Esposito E. Two-sided forms in language. *Problems of form*. Baecker D. (ed.). Stanford: Stanford Univ. Press, 1999, 78–98.
- Jackendoff 2007 — Jackendoff R. S. *Language, consciousness, culture: Essays on mental structure*. Cambridge (MA): MIT Press, 2007.
- Kull 1998 — Kull K. Organism as a self-reading text: Anticipation and semiosis. *International Journal of Computing Anticipatory Systems*, 1998, 1: 93–104.
- Luhmann 1990 — Luhmann N. *Essays on self-reference*. New York: Columbia Univ. Press, 1990.
- Luhmann 1999 — Luhmann N. Sign as form. *Problems of form*. Baecker D. (ed.). Stanford: Stanford Univ. Press, 1999, 46–63.
- Luhmann 2006 — Luhmann N. System as difference. *Organization*, 2006, 13(1): 37–57.
- Maurer 2010 — Maurer K. Communication and language in Niklas Luhmann's Systems-Theory. *Pandaeonium germanicum*, 2010, 2(16): 1–21.
- Saussure 2006 — de Saussure F. *Writings in general linguistics*. Bouquet S., Engler R. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.
- Stäheli 2012 — Stäheli U. The hegemony of meaning: Is there an exit to meaning in Niklas Luhmann's Systems Theory? *Revue internationale de philosophie*, 2012, 1(259): 105–122.
- Stawarska 2015 — Stawarska B. *Saussure's philosophy of language as phenomenology. Undoing the doctrine of the Course in general linguistics*. New York: Oxford Univ. Press, 2015.
- Tóth 2015 — Tóth B. The term 'sense' in Niklas Luhmann's theory. *Belvedere Meridionale*, 2015, 1(27): 126–133.
- Zeige 2015 — Zeige L. E. From Saussure to sociology and back to linguistics: Niklas Luhmann's reception of *signifiant/signifié* and *langue/parole* as the basis for a model of language change. *Semiotica*, 2015, 207: 327–368.
- Zolyan, Zdanov 2018 — Zolyan S., Zdanov R. Genome as (hyper)text: From metaphor to theory. *Semiotica*, 2018, 6(225): 1–18.

[Рец. на / Review of:] P. Kehayov. *The fate of mood and modality in language death. Evidence from minor Finnic*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2017. xix + 385 p. ISBN 978-3-11-052185-6.

Татьяна Борисовна Агранат

Tatiana B. Agranat

Институт языкознания РАН, Москва, Россия;
Московский государственный лингвистический
университет; tatiana.agranat@iling-ran.ru

Institute of Linguistics, Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia; Moscow State
Linguistic University; tatiana.agranat@iling-ran.ru

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.1.142-146

Монография посвящена исследованию наклонения и модальности в четырех прибалтийско-финских идиомах, находящихся на грани исчезновения: центральном людиковском, ижорском, водском и восточном сето.

В силу своей основной задачи — изучить кодирование некоторых функций в нескольких идиомах — исследование представляет собой наблюдение. Однако, учитывая, что последние носители языка — это не та типичная языковая среда, в которой мы получаем наши представления о кодировании различных понятий, это исследование также можно рассматривать как эксперимент: можно ожидать, что поведение наклонения и модальности в такой «экстраординарной среде», как далеко зашедший сдвиг языка, прольет свет на те свойства наклонения и модальности, которые остаются скрытыми для исследователей, работающих в «нормальных» обстоятельствах. Данное предположение соотносится с двумя гипотезами:

- а) структурные изменения, сопровождающие языковую смерть, не являются (полностью) идентичными языковым изменениям в полноценных с функциональной точки зрения языках;
- б) различные понятийные и грамматические области затрагиваются этим процессом по-разному и/или с разной скоростью — это предположение определяет наклонение и модальность как идиосинкратическую категорию среди грамматических категорий языка, на которые влияет языковой сдвиг.

Такой подход, как считает автор, и определяет главным образом научную новизну исследования. Литература, посвященная языковой смерти, в основном описывает социолингвистические аспекты этого явления. Хотя в последнее время лингвисты обращают внимание на структурные изменения, сопровождающие языковой сдвиг, исследования в основном ограничиваются интересными, но несистемными наблюдениями или обсуждением общего структурного процесса, который рассматривается одновременно в нескольких областях грамматики: сокращение без компенсации, парадигматическое выравнивание, увеличение морфотаксической прозрачности или замена маркированных признаков немаркированными. Ограниченность общими явлениями отчасти понятна, так как распад языка обычно представляет собой быстрый процесс, затрагивающий различные области грамматики одновременно, а не последовательно. Другой причиной отсутствия исследований по конкретным функциональным областям в условиях языкового сдвига является неаприористический подход, принятый исследователями языковой смерти. Рассмотрение некоторых функциональных областей при языковом сдвиге обосновывается двумя упомянутыми выше допущениями. Предположение, что процессы, происходящие в вымирающем языке, отличаются от изменений в жизнеспособных языках, имплицитно присутствует во многих исследованиях, однако оно редко признается и утверждается в явном

виде. Что же касается второго допущения, автор пишет, что ему не известны исследования по исчезающим языкам, в которых бы оно принималось, хотя во многих работах приводятся косвенные доказательства этого¹.

Цели исследования автор формулирует следующим образом:

- а) на основе наблюдения сделать имплицативные утверждения об относительной подверженности выражений различных модальных значений исчезновению, изменениям и инновациям в условиях далеко зашедшего языкового сдвига;
- б) предложить объяснения наблюдаемых различий в относительной подверженности выражений различных модальных значений исчезновению, изменениям и инновациям в условиях далеко зашедшего языкового сдвига.

Гипотезы об относительной подверженности элементов наклонения и модальности исчезновению, изменениям и инновациям в условиях исчезновения языка формулируются в монографии с использованием понятия «традиционной формы» — идеализации, принимаемой в качестве основы для сравнения при изучении современного узуса.

Выбор для анализа пал на малые прибалтийско-финские языки, поскольку они являются прекрасными кандидатами для изучения грамматических систем в условиях вымирания языка. С одной стороны, они находятся под серьезной угрозой исчезновения, с другой же стороны, они имеют относительно долгую историю исследований, поэтому их ранние исторические срезы довольно неплохо документированы. Этот последний факт имеет решающее значение, так как, по мнению автора, большинство существующих исследований вымирающих языков основано на языках Африки, Австралии и Америки, которые были плохо документированы в ранние исторические периоды.

В то же время эти вымирающие прибалтийско-финские языки тесно связаны между собой, имеют общий язык-донор (русский), а их носители демонстрируют схожие модели многоязычия. Верификация полученных результатов требует сопоставления с ситуацией, в которую вовлечены подверженные сдвигу языки, максимально отличающиеся от прибалтийско-финских, и доминирующий язык, максимально отличающийся от русского. Однако, поскольку сопоставимые данные из такой независимой выборки отсутствуют, для подтверждения своего обобщения автор вынужден полагаться на межязыковое структурное разнообразие. К счастью, область, охватываемая наклонением и модальностью, кодируется в языке настолько разнообразно, что это позволяет проверять гипотезы о сущностях с различным кодированием, но сходной функцией и, соответственно, независимо от структуры. В прибалтийско-финских языках модальность выражается грамматическим наклонением, нефинитными глагольными формами, финитными глаголами (вспомогательными или лексическими), наречиями, частицами, существительными, предикативными прилагательными, комплементаризерами, интонацией и эллипсисом.

Если посмотреть на структуру монографии с точки зрения коммуникативного членения, то можно обнаружить череду вторичных топиков, а в завершении — первичный топик, — собственно, вопрос о судьбе наклонения и модальности в указанных идиомах.

Первая глава представляет собой введение, в котором речь идет о целях и задачах исследования, научной новизне, причинах выбора именно этих идиомов для анализа и т. п.

Во **второй главе** дается определение понятия «языковая смерть», приводятся типы языковой смерти, очерчивается современное состояние исследований по данному вопросу, проводится разграничение процесса вымирания языка и похожих, но не тождественных

¹ Заметим, что в работе [Агранат 2016] гипотеза о том, что процессы, происходящие в вымирающем языке, отличаются от изменений в жизнеспособных языках, эксплицируется, кроме того, проверяется гипотеза о том, что различные области грамматики затрагиваются этим процессом по-разному или вообще не затрагиваются. Грамматические системы прибалтийско-финских языков изучаются в соотношении с социолингвистическим статусом; делается попытка объяснить устойчивость / изменчивость языковых параметров социолингвистическими причинами.

явлений, обсуждаются языковые изменения, сопровождающие данный процесс, и их отличия от изменений, происходящих в «нормальных условиях».

В **третьей главе** дается определение понятия «наклонение-и-модальность», очень подробно разбираются модальные значения, отдельно описываются наклонения, под которыми понимается грамматикализованная модальность. Данная глава могла бы существовать самостоятельно как пособие для спецкурса по типологии модальности.

Четвертая глава приближается к предмету исследования: в ней обсуждается, в чем состоят специфические черты наклонения и модальности в условиях вымирания языка. В ней также рассматриваются возможные объяснения обнаруженных закономерностей в поведении модальности и наклонения при далеко зашедшем языковом сдвиге; приводятся некоторые имеющиеся данные о поведении наклонения и модальности и связанных с ними грамматических понятий в условиях исчезновения языка.

В **пятой главе** описывается социолингвистическая ситуация каждого из идиомов, на материале которых выполнено исследование. Излагаются различные причины их исчезновения: география распространения идиомов, число носителей, языковые контакты, а также политические, экономические, демографические, культурные и другие экстралингвистические факторы.

В **шестой главе** представлена процедура, применявшаяся при сборе материала для монографии: элицитация и запись спонтанной речи. Трудно переоценить тот факт, что данные для исследования были получены автором при полевой работе с информантами, — это, безусловно, повышает надежность полученных результатов. Обсуждается проблема сбора первичных данных, критерии, применяемые для формирования из них пригодного для работы корпуса, а также методы, применяемые для анализа данных, для поиска, отбора и проверки гипотез. Ввиду недостатка данных, большинство гипотез невозможно статистически проверить для каждого из идиомов. При процедуре проверки гипотез на качество результата оказывают влияние два дополнительных фактора:

- а. Можно ли объяснить выявленную тенденцию вмешательством вытесняющего языка? Можно ли объяснить выявленную тенденцию как внутренний процесс, происходящий при нормальном изменении языка?

Ответы на оба вопроса отрицательные: в исчезающих прибалтийско-финских идиомах есть явления, которые нельзя прямо объяснить как калькирование моделей русского языка и которые при этом не встречаются в более жизнеспособных прибалтийско-финских языках с межпоколенной передачей. Именно эти явления представляют наибольшую теоретическую ценность для данного исследования: они происходят независимо от внутренних процессов и конкретной контактной ситуации и поэтому могут быть преимущественно следствием языкового сдвига.

- б. Объясним ли этот феномен с точки зрения семантики (или прагматики), или он может быть отнесен к чисто структурным факторам (морфофонематической аналогии)?

Данное исследование рассматривает семантически (или прагматически) обусловленные факторы, а не структурные особенности, бывший интерес для автора представляют семантические или прагматические объяснения.

Седьмая глава посвящена фоновой информации: изменениям в грамматике изучаемых идиомов за пределами области наклонения и модальности. По замыслу автора, материал данной главы призван показать, насколько далеко зашел языковой сдвиг в каждом из представленных идиомов, что важно для последующего анализа наклонения и модальности. Обзор интенсивности языковых контактов и симптомов разрушения структуры делается по двум направлениям: с точки зрения выражения языковых значений и с точки зрения глагольных категорий, характерных для прибалтийско-финских языков (актантная деривация, время, согласование и полярность; под последней понимается оппозиция афfirmатив/негатив). Обсуждение этих категорий плавно подводит к основному сюжету монографии.

Остановимся на некоторых вопросах, обсуждаемых в данной главе. В частности, речь идет о двух феноменах, которые объясняются русским влиянием.

Первый феномен. В прибалтийско-финских языках есть синтетическая форма имперфекта и аналитические формы перфекта и плюсквамперфекта, состоящие из презенса (в первом случае) или имперфекта (во втором случае) вспомогательного глагола и причастия смыслового глагола. Исследуемые прибалтийско-финские идиомы заменяют аналитические формы перфекта и плюсквамперфекта на синтетическую форму имперфекта, поскольку в русском языке существует только одна — синтетическая — форма прошедшего времени. Тем не менее, у автора возникает предположение, что вытеснение составных форм имперфектом началось, когда изучаемые идиомы были еще жизнеспособными. В качестве доказательства приводятся ижорские примеры, записанные А. Лаанестом в 1960-е гг., когда языковой сдвиг еще не зашел далеко. Имперфект в ижорских предложениях А. Лаанест переводит на эстонский язык плюсквамперфектом. Хотелось бы и вовсе высказать сомнение в русском влиянии. Приведем два аргумента. Первый — тексты, записанные Ю. Мягистэ [Mägist 1977] на сето в 1930-е гг., когда идиом был абсолютно жизнеспособным, с параллельным переводом на финский язык. Перфект и плюсквамперфект в сето не употребляются, а имперфект во многих случаях переводится на финский перфектом и плюсквамперфектом. Во-вторых, в водских сказках, записанных А. Альквистом [Ahlqvist 1856] в середине XIX в., когда языковой сдвиг еще не начался, плюсквамперфект употреблен только один раз, перфект — два раза, и один раз вспомогательный глагол опущен, присутствует только причастие смыслового глагола, поэтому по форме нельзя определить, перфект это или плюсквамперфект. В некоторых контекстах ожидался бы плюсквамперфект для выражения таксиса, тем не менее, употребляется имперфект. Вообще, у автора рецензии есть предположение, нуждающееся в изучении, что перфект и плюсквамперфект используются в текстах этих сказок для выражения коммуникативного членения.

Второй феномен: в перфекте и плюсквамперфекте опускается связка и остается только причастие смыслового глагола. Приведем мнение М. Корхонена, который считает, что первоначально связка в перфекте отсутствовала в праприбалтийско-финском и саамском и появилась под германским влиянием. Если отсутствие связки в перфекте в вепсском языке объясняют ее исчезновением под влиянием русского языка, то в южно-саамском ее отсутствие русским влиянием объяснить нельзя. М. Корхонен же полагает, что в вепсском языке сохранилось первоначальное состояние, поскольку он находится на периферии контактного скандинавско-германского ареала (см. [Korhonen 1973: 179]). В качестве дополнительного аргумента против русского влияния напомним, что в водских текстах опущение вспомогательного глагола наблюдается уже в XIX в.

Восьмая глава составляет основу исследования. В ней рассматривается поведение наклонения и модальности в исчезающих прибалтийско-финских идиомах. Результаты анализа по большей части представлены в виде шкал, показывающих, насколько выражения различных модальных значений подвержены утрате, изменениям и инновациям.

Обращается внимание на очень большие идиолектные различия в выражении модальности: разные носители одного идиома могут употреблять разные модальные глаголы для выражения одного и того же модального значения. Идиолектная дивергенция объясняется дисперсным проживанием последних носителей и отсутствием ежедневной коммуникации. Можно говорить об идиолектных модальных системах (то есть об индивидуальных грамматиках), которые отличаются друг от друга больше, чем идиолектные системы носителей «здоровых» языков, использующихся в ежедневном общении. Вообще говоря, идиолектная дивергенция при отсутствии постоянной коммуникации проявляется не только в выражении модальных значений, ср., например, различные дейктические системы у последних носителей водского языка [Агранат 2008].

Можно сделать небольшое замечание к пассажиру о типах вопросительных предложений на с. 252–253. Автор пишет, что в северных прибалтийско-финских языках полярные вопросы оформляются энклитикой при глаголе, находящемся в начальной позиции в предложении, в то время как в южных в начале предложения стоит специальная вопросительная

частица (при этом все эти языки могут использовать альтернативный способ — без специальных показателей, с выдвижением в начальную позицию глагола, за которым следует субъект). Отметим, что материал современного водского (южного прибалтийско-финского языка) вписывается в эту картину, однако в текстах сказок XIX в. в [Ahlqvist 1856] употребляются главным образом полярные вопросы с энклитикой, дважды встретились вопросы без показателей, и ни разу — с вопросительной частицей.

Еще одно небольшое замечание, касающееся гибридных структур. Под последними понимаются конструкции, сочетающие признаки косвенной и прямой речи: в зависимой клаузе присутствует союз, вводящий косвенную речь, но после союза следует прямая речь. Утверждается, что такие структуры неграмматичны в «традиционных формах» исследуемых идиомов. Тем не менее, именно такой (и никакой другой) способ передачи косвенной речи отмечался в еще жизнеспособном водском языке, см. [Сабо 1964].

В **девятой главе** предложено функциональное объяснение наблюдаемых последовательностей элементов на этих шкалах в терминах «маркированности» (понимаемой как сложность в плане содержания) и «многоуровневой смысловой структуры» (в терминах функциональной дискурсивной грамматики).

В **главе 10** обобщены результаты исследования. Относительная подверженность языковых элементов исчезновению, изменению и инновациям в условиях вымирания языка может зависеть от значения и, таким образом, выстраиваться по семантическим признакам, а не по структуре.

На протяжении всего текста монографии утверждения автора иллюстрируются фразовыми примерами, представленными без дополнительного контекста. Для демонстрации более широкой картины в двух приложениях приводятся тексты на двух идиомах, записанные автором в поле: в Приложении I — на восточном сето, в Приложении II — на центральном людиковском. Выбраны для иллюстрации были именно эти идиомы как генетически наиболее далекие. Отметим, что приложения читать не менее интересно, чем основной текст монографии.

В заключение хотелось бы сказать, что, хотя задачи исследования были типологическими, а прибалтийско-финские языки использовались как средство и материал, тем не менее, выход данной монографии — важное событие в том числе и для финно-угроведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Агранат 2008 — Агранат Т. Б. Изменение системы пространственного дейксиса в водском языке. *Труды X Международного конгресса финно-угроведов*. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2008. [Agranat T. B. Changes in the system of spatial deixis of Votic. *Trudy X Mezhdunarodnogo kongressa finno-ugrovedov*. Yoshkar-Ola: Mari State Univ., 2008.]
- Агранат 2016 — Агранат Т. Б. Сравнительный анализ грамматических систем прибалтийско-финских языков: принципы интрагенетической типологии. М.: Языки народов мира, 2016. [Agranat T. B. *Sravnitel'nyi analiz grammaticheskikh sistem pribaltiisko-finskikh yazykov: printsipy intrageneticheskoi tipologii* [Comparative analysis of the grammatical systems of Finnic languages: Principles of intragenetic typology]. Moscow: Yazyki Narodov Mira, 2016.]
- Сабо 1964 — Сабо Л. Передача чужой речи в водском языке. *Tõid läänmeresooe ja Volga keelte alalt*. Tallinn: Eesti NSV Teaduste Akademia, Keele ja Kirjanduse Instituut, 1964, 46–53. [Szabó L. Reported speech in Votic. *Tõid läänmeresooe ja Volga keelte alalt*. Tallinn: Eesti NSV Teaduste Akademia, Keele ja Kirjanduse Instituut, 1964, 46–53.]
- Ahlqvist 1856 — Ahlqvist A. *Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning* [Votic grammar with text sample and glossary]. (Acta Societatis Scientiarum Fennicae, I.) Helsingfors: H. C. Friis, 1856.
- Korhonen 1973 — Korhonen M. Zur Geschichte des negativen Präteritums und Perfekts im Ostseefinnischen und Lappischen. *Commentationes Fennougricae in honorem Erkki Itkonen sexagenarii die XXVI mensis aprilis anno MCMLXXIII*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1973, 174–195.
- Mägiste 1977 — Mägiste J. *Setukaisteksteja* [Seto texts]. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1977.

[Рец. на: / Review of:] N. Palliwoda, V. Sauer, S. Sauermilch (Hg.). *Politische Grenzen — sprachliche Grenzen? Dialektgeographische und wahrnehmungsdiagnostische Perspektiven im deutschsprachigen Raum* [Политические границы — языковые границы? Перспективы лингвогеографии и диалектологии восприятия в немецкоязычном пространстве]. Berlin: Walter de Gruyter, 2019. 254 S. ISBN 978-3-11-056872-1.

Андрей Николаевич Соболев

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия;
sobolev@staff.uni-marburg.de

Andrey N. Sobolev

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy
of Sciences, St. Petersburg, Russia;
sobolev@staff.uni-marburg.de

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.1.147-154

В рецензируемом издании, как сообщает **предисловие** (с. 1–8), написанное тремя со-редакторами (Николь Палливода, Ферена Зауэр, Штефани Зауэрмилх / Nicole Palliwoda, Verena Sauer, Stephanie Sauermilch), публикуются доработанные и расширенные материалы проведенной в марте 2017 г. в Техническом университете Дрездена конференции, поставившей цель «объединить друг с другом традиционные и новые исследовательские перспективы» в области лингвогеографии и диалектологии восприятия в немецкоязычном пространстве, прежде всего — на внешних политических границах Германии и вдоль просуществовавшей 40 лет бывшей непроницаемой границы между ГДР и ФРГ. Исследование диалектных явлений в их ареальной дистрибуции и взаимного — объективного и субъективного — разграничения диалектов, в т. ч. в приграничном политическом пространстве, издавна занимает в германистике важное место, причем наблюдения разных ученых нередко приводят к различным результатам и противоположным выводам. Например, дивергентное развитие частей ранее единого диалекта, оказавшегося по разные стороны политической границы, бесспорно наблюдается между Германией и Нидерландами, но нет согласия в вопросе, стала ли бывшая внутригерманская граница между Тюрингией и Баварией также и языковой. При этом в германистике господствует мнение о том, что «восприятие информантов влияет на атрибуцию речи одному или другому диалекту» (нем. Sprachverortung) и отражает воздействие со стороны границ (с. 2). В любом случае исследование этих феноменов позволяет постигнуть сущность языковых изменений и контактов, и в частности ответить на вопросы о том, «какие процессы языковых изменений характерны для немецкоязычного пространства, как развивались в нем лингвогеографические структуры и какие структуры восприятия диалектов выводятся из него» (с. 2). Таким образом, публикуемые работы относятся к таким частным дисциплинам, как лингвогеография (исследование воздействия политических границ на изоглоссы на всех языковых уровнях), диалектология восприятия (ментальные карты, аудиотесты, оценочные суждения носителей диалектов), изучение процессов конвергенции и дивергенции (с учетом формирования и функционирования регионов), исследование языковых контактов и многоязычия (с учетом использования разных форм немецкого языка). Статьи сборника, написанные преимущественно молодыми учеными и представляемые далее в рецензии с существенно различной степенью детальности, рассматривают феномен приграничного региона/пространства с точки зрения каждой из этих дисциплин (с. 3).

Кристоф Пуршке (Christoph Purschke) из Люксембургского университета в теоретической статье «От речи к языку. О вариационно-лингвистической практике отграничения» (с. 9–29) помещает на передний план такие культурные конструкторы, как «граница»

и «язык». Автор различает практику разграничения сущностей в науке и в повседневной жизни. Соответственно, в предложенной им вариационно-лингвистической модели различаются системно-языковые (нем. *linguistisch-systemische*) и индивидуально-субъективные (нем. *individuell-subjektive*) границы. Первые «обозначают противопоставления между вариативными сущностями, в разной степени нормативными для различных групп людей и демонстрирующими каждая свой узус. Как таковые они суть дериваты специфических конфигураций признаков, норм и ситуаций, а также специфических образцов языковой структуры, языковой отнесенности и узуса» (с. 23). Вторые «обозначают противопоставления между сущностями, перцептивно различными для говорящих и отражающими ситуативно значимые и приемлемые во взаимодействии способы говорения. Как таковые они суть дериваты специфических интерпретаций признаков, норм и ситуаций, а также специфических образцов языковой компетенции, языковой оценки и понимания языка в практике» (с. 25). В повседневной жизни мы имеем дело с «индикаторами границы», тогда как в науке — с «признаками границы» (с. 26). Нужно признать, что автор довольно удачно помещает свою теоретическую антропологическую модель в контекст актуальной для западной науки общенаучной дискуссии о феномене границы.

Том Смитс (Tom F. H. Smits) из Антверпенского университета в обобщающей статье «**Приграничные диалекты немецкого языка**» (с. 31–45), делает попытку рассмотреть различные контактные ареалы немецкого языкового пространства, совпадающие ныне или совпадавшие ранее с политическими, преимущественно государственными, границами. В центре внимания автора, работающего в жанре «вариационной лингвистики», находится воздействие границ на региональные языки в пограничье с Данией, Нидерландами, Бельгией, Люксембургом, Францией, Швейцарией, Лихтенштейном, Италией, Австрией, Словенией, Венгрией, Словакией, Чехией и Польшей. Библиография в 145 единиц к 14-страничной статье уже сама по себе обладает большой ценностью, но не менее ценно и компактное аналитическое, корректно оформленное представление основных идей и наблюдений предшественников. Исследование взаимоотношений между политическими и лингвистическими границами стало одним из ключевых тематических вопросов современной диалектологии, утверждается в статье. Территориализирующие, национально-государственные представления объявляются отброшенными, хотя отмечается, что уже «старая» диалектология доказала тот факт, что диалектные ареалы не останавливаются перед политическими границами. «Новая», «актуальная» диалектология, утверждает Смитс, интересуется «социально-прагматическими», междисциплинарными, внеязыковыми явлениями и даже мнениями непросвещенных носителей языка (нем. *laikale Perspektiven*) (с. 31). Автор полагает, что обособление нового направления исследований, т. е. «новой» диалектологии пограничья (нем. *Grenzdialektologie*), вызвано динамикой развития местных языковых вариантов в связи с «синхронизирующими макропроцессами в обществе», а также с политическими, культурными, экономическими и образовательными различиями между странами. «Старую» диалектологию пограничья, по Смитсу, интересовали преимущественно языковые и диалектные границы (изоглоссы) в контексте этнологии, социолингвистики, контактной и конфликтной лингвистики, исторического языкознания и проч. в их исторической изменчивости и подвижности (с. 32). Полезно противопоставление **горизонтальных** и **вертикальных** контактных явлений: во втором случае имеют место «стандартизирующие изменения», при которых диалект «сближается с точки зрения диастратической структуры со стандартным языком», т. е. **адвергирует** (с. 33), в первом случае — изменения при междиалектном взаимодействии. Вертикальные явления начинают доминировать там, где ранее в течение столетий динамику развития диалектов определяли их соседи. При этом особый интерес вызывают ситуации, в которых один и тот же диалект испытывает воздействие различных стандартных языков. Что касается феномена границы, то он двусторонен в том смысле, что представляет собой и «реальные факты» (англ. *facts on the ground*), и «дискурсивные артефакты» (англ. *artifacts of dominant discursive processes*)»

непросвещенных носителей, конструирующих инаковость «других» по ту сторону границы по сравнению с собственной социальной группой (с. 33). Смитс различает границы со сменой диасистемы, или стандартного языка (напр., Дания, Нидерланды) и без таковой (напр., Швейцария, Лихтенштейн, Австрия). По нашему мнению, в первом случае полезно было бы различать между собой ситуации с германскими и негерманскими стандартными языками. Важно также различать границы, препятствующие мобильности и коммуникации между группами населения, и границы, таковым препятствием не являющиеся. В целом обилие и разнообразие немецких приграничных языковых ситуаций объясняется центральной позицией этого языка в Европе, а также одной из самых протяженных на континенте границей с соседними языками. Для изучения важны как ситуации, в которых языковые варианты предшествуют границе, а не являются ее следствием, так и обратные случаи. Примером второго случая служит, например, государственная граница с Нидерландами, где еще в 1970-х гг. отнесение языка местного населения к немецкому или нидерландскому основывалось не на лингвистических, но на социальных и политических факторах. Ныне эта граница обретает ясные структурные признаки и на уровне локальных говоров, в которые проникают признаки нидерландского или немецкого (суб)стандарта, в т. ч. региолекта. Параллельно ослабляются трансграничные брачные и семейные связи; при контактах местные говоры более не используются. Ориентации жителей пограничья прямо противоположные: тогда как одни «смотрят на Берлин, Мюнхен и Рейнскую область», другие — на Рандстад. Диалектная компетенция говорящих на германской стороне существенно скромнее, чем на нидерландской, где ситуация еще может быть квалифицирована как *диаглоссия* с диастратическими признаками адвергенции и конвергенции (с. 35–36), т. е. диалекты здесь продолжают бытовать в социально детерминированных вариантах, приближаясь к стандартному языку и уподобляясь друг другу. Германско-швейцарскую границу также характеризуют «диаглоссия с исчезающим употреблением диалекта на восточной стороне и диглоссия с воспринимаемым как “чужой” высоким вариантом (т. е. стандартным немецким языком — А. С.) — на западной». «На основании этого различия наивными носителями политическая граница расценивается уже как языковая», что усилено взаимным влиянием диалектов на территории Германии и горизонтальным диалектным выравниванием в немецкоязычной Швейцарии. Так, распространенный в Германии претерит *waar* ‘был’ (лит. нем. *war*) оказывается «чисто германским новообразованием» на фоне швейцарского перфекта с причастием *gsii* (лит. нем. *gewesen*) (с. 41). В отдельных ситуациях наблюдаются процессы формирования региональных койне. В статье Смитса исключены из рассмотрения фризский, ретороманский и лужицко-сербский контактные ареалы, а также внутришвейцарская французско-немецкая языковая граница (с. 34). Беглый разбор полутора десятков языковых ситуаций приводит к обобщению: «Языковая гетерогенность в диалектологически родственных или единых областях, пересекаемых институциональными границами, возрастает вследствие горизонтальной дивергенции, что в конечном итоге консолидирует эти политические границы в качестве регионально-языковых». Эта дивергенция носит не только структурно-лингвистический характер, но и потенциально — прагматический, социолингвистический и субъективно-оценочный. В частности, бывшая граница между ГДР и ФРГ «продолжает существовать как разграничительная линия в головах немцев». «Во многих случаях не сами политические границы являются источником силы, создающей границы языковые; языковые изменения вызваны иными причинами» (с. 43). Автор отмечает нехватку исследований приграничных ситуаций на востоке, где Германия и Австрия граничат со славянскими государствами и с Венгрией. Существенным недостатком статьи является краткость и неполная сопоставимость обзоров конкретных ситуаций, отсутствие глубокой исторической перспективы и, соответственно, надежной исторической типологии изменявшихся во времени границ немецкого языка и политических границ населенных его носителями стран и земель.

Штеффен Хёдер (Steffen Höder) из Кильского университета обращается к теме **«Германско-датская граница 1920-го года как цезура»** (с. 55–76). В центре внимания находятся изменения в датском языке Южного Шлезвига (принадлежит Германии) и в немецком языке Северного Шлезвига, или Южной Ютландии (принадлежит Дании) с учетом изменчивости репертуара диалектных (южноютских датских и шлезвигских нижненемецких), а также региональных и стандартных языковых вариантов в этом «традиционно многоязычном транснациональном коммуникативном пространстве» (с. 55). Уже для Средних веков и Нового времени невозможно говорить о границе между датским и немецким языками в Шлезвиге, так как, например, немецкий использовался и на севере региона аристократией и городской буржуазией, а также в таких сферах, как юриспруденция и администрирование, тогда как датский — и на юге в церковной сфере. Речь, скорее, следует вести о зоне языковых контактов как с диглоссией, так и с билингвизмом части населения, при выборе языка коммуникации руководствующегося прагматическими мотивами (с. 57). С 1955 г. оба государства, в соответствии с так наз. *Gesinnungsprinzip* (принципом убеждения), признают в качестве этнического меньшинства на своей территории «того, кто желает быть таковым» (с. 60), что привело к индивидуализации и институционализации (через организации меньшинства) выбора того или иного языка (в его стандартной и региональной форме) при общении (с. 61). «Парадоксальным образом, именно вследствие проведения границы и этим обусловленного возникновения национального меньшинства возникает новая форма регионального двуязычия» (с. 72). Что касается собственно датского диалекта, то его на территории Германии более практически не существует. С другой стороны, нижненемецкий диалект вытесняется близким к стандарту разговорным «севернонемецким» языком (с. 62). Далее представлены, в т. ч. на наглядных графиках, репертуары языковых вариантов региона и многочисленные различные сценарии использования и смены языков до и после 1920 г., в континууме от утраты языка (нем. *substitutiver Sprachwechsel*) до добавления языка (нем. *additiver Sprachwechsel*). Теоретическая модель заимствована из хорошо известных трудов Петера Ауэра 2010-х гг. (см., например, [Auer 2011]) и в основе близка к разработкам русских диалектологов-структуралистов 1960-х гг. В этой части статьи в рассмотрение включен севернофризский язык.

Забрина Голль (Sabrina Goll), также из Кильского университета, озаглавила свой текст **«Методы диалектологического исследования в приграничном регионе»** (с. 77–98). Как и автор предыдущей статьи, Голль интересуется прежде всего особой методологией, соответствующей комплексности и сложности объекта изучения, каковым является особая форма датского языка — миноритарный идиом Южного Шлезвига, структурно измененный в контакте и не являющийся диалектом в традиционном смысле. Носители выучивают эту форму датского языка наряду со стандартной в качестве второго языка в детских садах и школах культурных союзов датского меньшинства, тогда как в роли языка семейного общения выступает немецкий (с. 78). Автор методом непрямого опроса в ходе диссертационного исследования получил сведения об узусе, закреплённости и ареальном распространении специфических южношлезвигских структур. Этот языковой вариант функционирует и как признак принадлежности к особой группе, и, среди молодежи, как способ противостоять давлению датской нормы, преподаваемой в школе. В этой статье, как и в предыдущей, применена теоретическая модель Петера Ауэра, позволяющая в общих чертах определить место изучаемой языковой формы в континууме «диалект — стандарт» и сделать вывод о том, что «южношлезвигский датский язык не является диалектом», но «ведет себя как таковой» (с. 79). Прежде всего он демонстрирует не хаотичную и индивидуальную для каждого говорящего, но регулярную дивергенцию по отношению к датскому стандарту. Самый «нижний» относительно стандарта языковой вариант, или «слой» датского языка в Южном Шлезвиге можно считать региолектом (с. 82). Гетерогенный южношлезвигский региолект исследуется количественно на предмет обнаружения его специфических структур (составляется вопросник, отражающий его гипотетическую структуру), их частотности, географической распространенности и дистрибуции по поколениям говорящих (с. 83).

Работа опирается на методологию изучения синтаксиса гессенских, а также нижненемецких диалектов, разработанную в 2000-е гг. В вопросник вошли 29 морфологических и синтаксических конструкций, связанных с категориями посессивности, атрибутивности, определенности, времени, модальности и проч., а также с порядком слов (с. 85). Два «ранда» исследования включали в себя задания «выбрать вариант», «перевести», «сложить пазл/мозаику», «прокомментировать изображения», «рассказать о вчерашнем дне»; две трети материала получены применением двух заданий, что позволило проверить приемлемость и активность использования конструкций (с. 86). Поскольку южношлезвигский датский — несфокусированная, диффузная языковая система, не воспринимаемая носителями в качестве особой языковой формы, постольку невозможен вопрос «Как это сказать на вашем диалекте?» и приходится тщательно продумывать профиль информанта, выбор языкового стимула и лингвоним (с. 87). Информантов обычно принято отбирать среди лиц, обладающих диалектными компетенциями, т. е. местных жителей старшего возраста, проживающих вне крупных городов, представителей типичных местных профессий. Но, с учетом локальной социолингвистической ситуации, автор находит таковых среди местных жителей любого возраста, пола и профессии и не обязательно из сельской местности (в частности, поскольку именно молодежь говорит на южношлезвигском датском, а организации датского меньшинства расположены именно в городах); однако они должны быть двуязычными и «принадлежать к датскому национальному меньшинству» — два последних факта устанавливаются анкетированием (с. 88–91). Во избежание стимулов, влияющих на результат в направлении высокопрестижного стандартного датского языка, а также по причине отсутствия орфографических правил для записи южношлезвигского региолекта, автор избирает для стимула стандартный немецкий язык (93). Чтобы избежать использования лингвонима при анкетировании, информантов просили отметить в распечатанном опросном листе те из приведенных построений (записанных стандартной датской орфографией), которые, по их мнению, мог бы произнести житель Южного Шлезвиг или они сами (с. 95). Остается, собственно, дождаться лингвистических результатов предпринимаемого г-жой Голль исследования, которое, как нетрудно заметить, поддерживая гипотезу о существовании особого датского региолекта Северной Германии, не обращается к таким важным его уровням, как фонетика и лексика.

Статья Хельмута Шпикерманна (Helmut H. Spiekermann), представляющего Мюнстерский университет, названа «**Пересечение границы с внутренней ее стороны. Нидерландские стереотипы в Эмсланде и в графстве Bentхайм**» (с. 99–120). Нижнесаксонские диалекты, на которых говорят по обе стороны германско-нидерландской границы и которые представляют собой исторически единый диалектный континуум, перекрытый двумя стандартными языками, исследованы в статье с помощью локализации образцов речи, ментальных карт и метаязыковых комментариев. Один из разделов статьи посвящен основным положениям «диалектологии восприятия» (англ. *perceptual dialectology*), развиваемой в США и Западной Европе уже около трех десятилетий. Наряду с другими, активно используется метод идентификации диалектных данных наивными носителями, которым предлагается прослушать, охарактеризовать и локализовать аутентичную диалектную речь, а также назвать соответствующий диалект. Метаязыковые комментарии информантов, а также «ментальные карты», отражающие географические ареалы говоров, воспринимаемых информантами как сходные или несходные, дополняют методологию подхода (с. 101). К старому наблюдению о том, что говорящие воспринимают политическую границу и как языковую тоже и что объективно структурно сходные диалекты воспринимаются и оцениваются разными информантами существенно по-разному, автор добавляет то новое, что образцы речи на соседнем немецком диалекте могут немецкими же говорящими квалифицироваться как речь «с нидерландской стороны границы» или, напротив, что образцы речи «с той стороны границы» могут восприниматься как немецкие (т. е. граница выступает в качестве перцептивного барьера). Достоинством статьи является большое количество иллюстраций, наглядно отражающих конкретные

результаты анкетирования в четырех населенных пунктах с германской стороны границы (минимум 12 информантов в каждом пункте).

Эвелин Кох и Райнер Хюнеке (Evelyn Koch, Rainer Hünecke) из Дрезденского университета — авторы статьи «**Erdäpfel ‘яблоки’ vs. Ardäbbel ‘яблоки’ — спектры языковых слоев и восприятие изоглосс в регионе Западных Рудных гор и Фогтландском округе**» (с. 121–142). Двухслойное интервьюирование с учетом истории семейств позволило установить, что описанные в литературе изоглоссы, разграничивающие два региона и отграничивающие их от соседних, еще сохраняются в достаточной мере.

Следующая статья, «**Опыт и стереотип на эльзасско-баденской границе — представления другого и их нарративные переработки**» (с. 143–178), написана Мартином Пфайффером и Петером Ауэром (Martin Pfeiffer, Peter Auer) из Фрайбургского университета. Изучено отношение носителей alemannischen диалектов к речи, бытующей по обе стороны Рейна, как с германской, так и с французской стороны; особое внимание уделено вопросу о том, какова роль именно этого отношения в формировании здесь диалектной границы. Рассказы информантов о лично пережитом опыте в связи с границей, в т. ч. при поездках за покупками, открывают доступ к стереотипам и, в частности, к пониманию взаимных нелестных характеристик, которые эльзасцы и баденцы дают друг другу несмотря на всем известные правила политической корректности. Общение, констатируют авторы, стало в целом «затруднительным» (нем. *prekär*). В частности, они отмечают, что одноязычным баденцам, немцам, трудно понять очевидные для двуязычных эльзасцев, французов, представления о своем языке как «самостоятельном региональном языке Франции» (с. 143); о том, что с незнакомыми людьми, в т. ч. с баденцами, предпочтительно говорить по-французски (с. 152), тогда как между собой — на диалекте, т. е., в представлении баденцев, «по-немецки» (с. 154, 155) и мн. др. Эта статья единственная из всех в книге содержит многочисленные профессионально выполненные транскрипции фрагментов интервью, каждый из которых авторы истолковывают с точки зрения теории коммуникации. С точки зрения методологии работы важно то обстоятельство, что интервьюеры были «с той же стороны Рейна», что и информанты, т. е. воспринимались как члены «своего сообщества» (с. 144).

Ларс Бюлов (Lars Bülow) из Зальцбургского университета и Андреа Клеене (Andrea Kleene) из Университета Южной Дании публикуют статью «**Синхронизация и языковая динамика в германско-австрийском приграничном пространстве**» (с. 179–205). Статья Маркуса Кунцмана (Markus Kunzmann) из Мюнхенского университета носит название «**Интерференция между стандартным языком и диалектом и перспективы баварско-зальцбургского пограничного региона**» (с. 207–225).

Наконец, Кристиан Шварц (Christian Schwarz) из Берлинского университета им. Гумбольдта является автором статьи «**Влияние германско-швейцарской границы на alemannский диалектный континуум**» (с. 227–248). В приграничном рейнском регионе в районе Базеля по обе стороны швейцарско-германской границы были обследованы фонологические признаки бытующих здесь верхнеалеманнских говоров и субъективное восприятие информантами диалектной ситуации (т. е. произведено «ментальное картографирование»), были осуществлены дискурсивный анализ представлений информантов о «другом» и документирование лингвистических ландшафтов. Старый диалектный континуум, подтвержденный помимо прочего целенаправленными диалектологическими изысканиями 1926 года, ныне однозначно «превратился в дисконтинуум», в котором швейцарская сторона характеризуется языковой ситуацией диглоссии, а германская — диаглоссии (с. 228). Тогда как говорящие с германской стороны тяготеют к стандартноязыковым реализациям в ущерб диалектным, со стороны швейцарской диалект не просто остается стабильным, но продолжает дивергировать относительно нормы (с. 232). В статье на материале интервьюирования (от 40 до 120 мин.) полутора десятков информантов из четырех германских и трех швейцарских населенных пунктов документируется ныне существующий уровень германско-швейцарской дивергенции. Например, alemannские рефлексy инициального

k- (*Chind* ‘ребенок’) и средневерхненемецких *i*, *iu*, *û* (*Ziit* ‘время’), а также «палатализация» (*fescht* ‘прочно’) характерны для швейцарской стороны, тогда как на германской они практически полностью исчезли (с. 238). В отличие от результатов, полученных авторами иных статей рецензируемого сборника, ментальные карты в регионе Базеля показывают, что информанты не воспринимают политическую границу в качестве языковой (с. 239–240). Но так же, как и в баденско-эльзасском пограничье, здесь распространены стереотипы о немцах как «шумных и прямолинейных» и швейцарцах как «заносчивых» и «высокомерных» (с. 242–243). Наконец, со швейцарской стороны границы констатируется гораздо большее присутствие диалектных форм в надписях в общественном пространстве, а именно в объявлениях коммунальных служб и в рекламе (с. 243).

Всем трем редакторам принадлежит заключительный раздел издания, названный «**Политические границы — языковые границы? Резюме**» (с. 249–253) и обобщающий основные положения статей (таким образом, редакторы сборника являются авторами только предисловия и заключения). Однозначного ответа на поставленный в заглавии книги вопрос у авторов нет (с. 249). Однако резюме завершается словами, опубликованными Петером Ауэром еще в 2004 году [Auer 2004: 177]: «Дивергенция на государственных границах не является (...) следствием политических барьеров, препятствующих перемещению и общению [нем. *verkehrsbehindernd*], как полагала старая диалектология, но следствием когнитивного структурирования диатопики, которое упорядочивает и регламентирует языковую гетерогенность по национальному идеологическому образцу. Не политическая граница создает языковой ареал, а представление о языковом ареале создает диалектную границу» (с. 252). Дальнейшие исследования приграничных ситуаций с участием немецкого языка, в т. ч. в Швейцарии и Италии, а тем более выход за пределы германистики и обращение к языковым и политическим границам в Западной и Восточной Европе и на Балканах позволят проверить на ином материале тезис о территориальной вариативности в языке как представлении говорящих. Предварительно отметим, что уже наблюдения К. Шварца над швейцарско-германским приграничным «дисконтинуумом», опубликованные в рецензируемом сборнике, заставляют с осторожностью отнестись к этому обобщению.

Том завершается указателем лингвистических терминов (с. 253–254), настолько неполным, что смысл его составления остался рецензенту непонятен. Опечатки в книге отсутствуют. Качество печати и иллюстраций превосходное.

В заключение можно посетовать на то, что многим молодым авторам не удалось избежать чисто риторического противопоставления «нового» «старому»; что некоторые статьи представляют собой скорее заявки на предстоящее исследование, чем новый аутентичный материал и результаты; что внутрилингвистическая проблематика в большинстве работ явно уступает место внешней; что лишь в редких работах полно использован аппарат немецкой лингвогеографии начиная с фундаментальных трудов Венкера [Lameli et al. 2010]; что германско-славянская проблематика осталась в сборнике без внимания; что новые «антропологические» методы исследования не всегда позволяют получить количественно релевантную информацию и не выходят за рамки «экспертного мнения»; что корреляция между результатами, полученными различными методами, оставляет желать лучшего и что синтетическое представление об объекте исследования еще далеко впереди. Все вместе это говорит об ограниченности как используемых в работе методов, так и полученных результатов. Огорчительнее всего, что молодые немецкие диалектологи лишь в виде единичных исключений создают такие бесценные источники первичной информации о языке, как массивные корпуса диалектных текстов. Видимо, трудоемкость этой долгосрочной задачи превосходит возможности нынешней «проектно-ориентированной» западноевропейской университетской гуманитарной науки. Но эти критические соображения никоим образом не отменяют общего впечатления от книги как достаточно инновационного, методологически разнообразного и в целом корректного шага вперед в «диалектологии пограничья».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Auer 2004 — Auer P. Sprache, Grenze, Raum. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, 2004, 2(23): 149–179.
<http://paul.igl.uni-freiburg.de/auer/userfiles/downloads/Sprache%20Grenze%20Raum%20Auer%20zfs.w.2004.23.2.149.pdf>
- Auer 2011 — Auer P. Dialect vs. standard: A typology of scenarios in Europe. *The languages and linguistics of Europe. A comprehensive guide*. Kortmann B., van der Auwera J. (eds.). Berlin: de Gruyter, 2011, 485–500.
- Lameli et al. 2010 — Lameli A., Kehrein R., Rabanus S. (eds.). *Language and space. Language mapping. An international handbook of linguistic variation*. Vols. I–II. Berlin: Walter de Gruyter, 2010.

Получено / received 09.01.2020

Принято / accepted 07.04.2020

[Рец. на: / Review of:] **B. Estigarribia, J. Pinta (eds.). *Guarani linguistics in the 21st century***. Leiden; Boston: Brill, 2017. vi + 421 p. (Brill's Studies in the Indigenous Languages of the Americas, 14.) ISBN 978-90-04-32256-1.

Дмитрий Валентинович Герасимов

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия;
dm.gerasimov@gmail.com

Dmitry V. Gerasimov

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy
of Sciences, St. Petersburg, Russia;
dm.gerasimov@gmail.com

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.1.155-162

Среди аборигенных языков Америк парагвайский гуарани не только имеет больше всего носителей, но и, вероятно, удостоился наибольшего внимания исследователей: так, даже не слишком полная библиография в базе данных Glottolog насчитывает 383 наименования. Однако значительная часть существующих публикаций закономерно посвящена уникальной социолингвистической ситуации в Парагвае и различным аспектам гуарани-испанского языкового контакта, в то время как многие важные разделы грамматики остаются практически неизученными. Кроме того, большинство работ опубликовано по-испански, а доля англоязычных исследований, адресованных типологам и теоретическим лингвистам, относительно невелика. Тем больший интерес вызывает рецензируемый сборник, призванный, как ясно из названия («Лингвистика гуарани в XXI веке»), отразить современное состояние изучения парагвайского гуарани (и, в меньшей степени, других языков той же подгруппы).

Книгу открывает краткое введение за авторством первого редактора, в котором обосновывается актуальность сборника и дается традиционный пересказ последующих статей.

Далее следует 75-страничный «Грамматический очерк парагвайского гуарани» того же **Б. Эстигаррибия**, охватывающий основные типологические характеристики языка, фонологию, глагольную и именную морфологию, синтаксис простого и сложного предложения. Хотя очерк в значительной степени скомпилирован на основе существующих грамматик, таких как [Gregores, Suárez 1967; Krivoshein de Canese 1983; Zarratea 2002; Krivoshein de Canese, Acosta Alcaraz 2007], автор учитывает недавние публикации, а также активно привлекает собственный иллюстративный материал, в том числе собранный в поле. В результате мы имеем хорошее типологически-ориентированное введение в языковую систему парагвайского гуарани; правда, следует иметь в виду появление с тех пор новой более полной грамматики того же автора [Estigarribia 2020]. Отдельные обобщения представляются не вполне обоснованными. Так, на с. 44 утверждается, что формы отрицательного императива «циркумфиксальны, как и все отрицания в гуарани». Это неверно: основным экспонентом прохибитива является препозитивная частица *ani*, а сопровождающий ее иногда суффикс *-tei / -ti* опционален и довольно редок (а потому его семантика и дистрибуция почти не изучены). На с. 48–50 инкорпорированное существительное *mba* 'е' вещь' рассматривается как маркер антипассива при любом неличном пациенсе; однако для антипассивизации одушевленных участников используются другие инкорпорированные имена, напр. *tumba* 'животное' [Герасимов 2019: 87]; соответствующий пример есть в самом очерке ниже ((122) на с. 72). Спорен тезис (с. 54) о том, что порядок префиксов актантной деривации свободный и определяется только сферой действия (см. [Там же: 88–92]). Остается непонятной позиция автора по вопросу выделения в парагвайском гуарани прилагательных. Есть и досадные упущения, которые нельзя списать на ограничения объема: так, при обсуждении диминутивных суффиксов (с. 57) не упоминаются их весьма продуктивные

употребления с глаголами. В заключении Б. Эстигаррибия выделяет пять «болевых точек» грамматики гуарани, которые в настоящее время наиболее остро нуждаются в дальнейшей разработке. Это (а) свободный vs. связанный статус различных грамматических показателей; (б) определение инвентаря частей речи на внутриязыковых основаниях; (в) более детальное описание системы ТАМ; (г) клаузальный синтаксис (островные ограничения, эллипсис, эффекты сферы действия и т. п.) и (д) прагматика. В этом выделении с автором трудно не согласиться.

Статья **Ш. Н. Гинана** «Конвенции морфологического разбора для представления парагвайского гуарани» представляет собой попытку предложить для языка унифицированную систему глоссирования, в целом следующую Лейпцигским правилам. В качестве материала автор использует небольшой устный корпус (ок. 10 тыс. словформ), собранный и проанализированный при участии парагвайских лингвистов и включающий пересказы одного и того же короткого текста 100 носителями. Большую часть статьи занимает представление различных аффиксов и частиц с кратким обсуждением семантики и указанием частотности в корпусе; в конце приводится сводная таблица с глоссами и краткими примерами для всех рассмотренных единиц. Некоторые решения вызывают вопросы. Так, атрибутивизатор *-gua*, образующий, в частности, котайконимы от наименований местностей, ошибочно отождествляется с суффиксом аблатива *-gui*. Сокращение PRF (от «perfective») кажется неудачным для показателя ямитива *-ma*, поскольку нет надежных свидетельств о перфективирующем характере этого суффикса. Использование специального символа (+) для отделения деривационных показателей наталкивается на понятную теоретическую проблему. Тем не менее, многие предлагаемые решения вполне удачны, а анализ примеров из корпуса обладает собственной ценностью. Следует, однако, отметить, что никто из остальных авторов не следует полностью системе Гинана; вообще глоссирование примеров в сборнике не унифицировано.

К совершенно иному жанру относится статья **Х. Гомеса Рендона** «Демография колонизации в Парагвае и возникновение парагвайского гуарани». С опорой на разрозненные исторические свидетельства автор пытается реконструировать общие черты языкового контакта на территории современного Парагвая в первое столетие после прибытия европейцев, дополняя и уточняя картину, ранее нарисованную им же в диссертации [Gómez Rendón 2008: 200–205]. Цитируется ряд интересных документов, хотя в основном они приводятся по вторичным источникам, прежде всего [Susnik 1965]. Х. Гомес Рендон обсуждает малую численность колонизаторов (за 100 лет в регион прибыло ок. 3000 испанцев, из которых на постоянное жительство остались не более половины), социальную организацию и структуру расселения индейцев-гуарани, роль таких институтов, как *kuñadazgo* (конкубинат) и *ypaconato* (рабство), и т. д. Его построения по необходимости во многом спекулятивны, однако выглядят интересно и убедительно.

Следующие четыре статьи посвящены частным вопросам морфосинтаксиса и семантики. В статье «Части речи и частеречная конверсия в синтаксисе гуарани» **В. Дитрих** обращается к одной из «вечных тем» гуаранистики — системе лексических классов в парагвайском гуарани, сопровождая рассмотрение краткими параллельными экскурсами в близкородственные языки. Он опирается на своеобразную концепцию частей речи, сформулированную не без влияния работы [Croft 2001]: частеречная принадлежность определяется категориальной семантикой, которая «наслаивается» поверх лексической (можно провести отдаленную параллель с теорией распределенной морфологии); различия в дистрибуции являются уже следствием различий в семантике. Глубокое знание материала (автор прежде всего известен как специалист по восточноболливийскому гуарани, при этом практически владеет парагвайским гуарани) соседствует в статье с нечеткостью теоретических посылок, мешающей иногда понять аргументацию. В отличие от многих авторов, писавших о языках тупи-гуарани, В. Дитрих настаивает на жесткой границе между именами и глаголами, однако проводит ее несколько неожиданным образом. Главная идея заключается в том, что лично-числовые префиксы т. н. инактивной серии (формально

тождественные посессивным) однозначно сигнализируют об именном характере выражения. Таким образом, случаи именной предикации усматриваются не только в клаузах с инактивными глаголами (ср. объединение последних в единую часть речи с именами в [Nordhoff 2004]; статья ссылается на эту работу, но по другому поводу), но и в тех переходных клаузах, где в соответствии с «иерархической» системой лично-числового согласования на предикате маркируется объект как более высоко стоящий в дейктической иерархии: если форма *ai-nipã* <1SG.АСТ-бить> ‘я бью его’ анализируется как глагольная, то *che-nipã* <1SG.ИНАСТ-бить> ‘он бьет/ты бьешь меня’ — как именная. По сути, здесь один морфологический критерий произвольно объявляется диагностическим: автором не приводится каких-либо независимых свидетельств в пользу того, что клаузы с формами, содержащими префиксы разных серий, имеют различный синтаксис. Кроме того, такой анализ не слишком хорошо соответствует сравнительным данным [Rose 2015].

Не очень понятна также авторская трактовка специфической для языков тупи-гуарани стратегии посессивной предикации. В. Дитрих считает соответствующие конструкции именными и не имеющими субъекта, однако, насколько можно судить, отказывается от своей прежней гипотезы о нулевой связке [Dietrich 2001] (см. также [Stassen 2009: 190–201]). Если ранее он рассматривал посессора как топик, то теперь как адьюнкт именной группы (аргументы против обеих точек зрения представлены нами в [Gerasimov 2016]).

Ю. Тонхаузер в статье «Дистрибуция имплицитных аргументов в парагвайском гуарани» задается вопросом о том, при каких условиях актант глагола может не получать поверхностного выражения. Поскольку последнее включает в себя маркирование лично-числовым префиксом, автору приходится в специальных разделах описать систему глагольного согласования в непереходных, переходных и дитранзитивных клаузах, включая каузативные и рефлексивные конструкции. Это описание выходит у Ю. Тонхаузера более подробным и четким, чем в предшествующих статьях Б. Эстигаррибия, Ш. Гинана и В. Дитриха. Непонятно только утверждение, что рефлексивы от дитранзитивных глаголов переходны.

В статье формулируется ряд условий, при которых участник может быть имплицитным: на такую возможность влияет переходность глагола, лицо, семантическая роль и одушевленность участника, его выделенность в информационной структуре. В заключении полученные данные кратко рассматриваются в типологической перспективе: получается, что парагвайский гуарани явно отличается и от языков с нулевым субъектом типа испанского (т. к. в принципе не может быть имплицитным субъект непереходного глагола), и от «дискурсивно-ориентированных» языков типа русского или корейского (поскольку ограничения по лицу участника им скорее несвойственны, а если присутствуют, то устроены иначе). Однако, как кажется, утверждаемая типологическая специфика гуарани в значительной своей части тривиально следует из системы «иерархического» маркирования лица-числа участника, а также из того, как именно сформулирован сравнительный концепт «имплицитного аргумента». Если в испанском высказывании *Cantó* ‘(Он) пел’ Ю. Тонхаузер признает субъект имплицитным (несмотря на наличие окончания 3SG.PST), то в аналогичном примере на гуарани *O-purahêi* <3АСТ-петь> уже нет.

Статья **Г. Тома** «Синтаксис и семантика сравнительных конструкций в мбыа» единственная в сборнике целиком посвящена не парагвайскому гуарани, а другому языку той же подгруппы, распространенному в пограничных районах Аргентины, Парагвая и Бразилии. Тематически она пересекается с более ранней публикацией [Thomas 2010], но если та была посвящена формально-семантическому толкованию суффикса *-ve-*, единому для его компаративных, континуативных и аддитивных употреблений, то в этой статье, обращенной к специалистам по типологии и общему языкознанию, фокус сделан на поверхностном морфосинтаксисе сравнительных конструкций. В мбыа последовательно используется сепаративная стратегия [Stassen 1985: 39–40]: параметр сравнения (обязательно) маркируется суффиксом *-ve-*, стандарт — аблативным послелогом *gui*; неименные стандарты подвергаются номинализации. Согласно [Beck et al. 2009], а также данным, собранным нами в 2018–2019 гг., в парагвайском гуарани сравнительные

конструкции устроены в целом так же, но есть отличия, в частности — в выборе морфем-номинализаторов. Наиболее заметное различие, однако, связано с конструкциями инфериорного сравнения: если парагвайский гуарани в них задействует диминутив (*o-jaro-i-ve* <Заст-делать-DIM-CMPR> ‘работает меньше(, чем)’), то в мбыа используется обычное клаузальное отрицание, причем вторая часть отрицательного циркумфикса предшествует компаративному показателю (ср. *nda-i-jyvate-i-ve* <NEG-3ИНАСТ-высокий-NEG-CMPR> ‘ниже(, чем)’), но *nda-i-jyvate-ve-i* <NEG-3ИНАСТ-высокий-CMPR-NEG> ‘не выше(, чем)’). Таким образом, сравнительные конструкции в мбыа устроены композиционно, а порядок аффиксов в них соответствует «зеркальному принципу» [Baker 1985]. Так как последний традиционно объясняется посредством передвижения вершины, это создает потенциальные проблемы для анализа компаративного маркера в мбыа как квантора, занимающего аргументную позицию при градуальном предикате. В этом, с точки зрения Г. Тома, состоит основной интерес представленных данных для типологии сравнительных конструкций.

В последние годы наблюдается всплеск интереса к эвиденциальности в парагвайском гуарани [Tonhauser 2014; Salanova, Carol 2017; Paz 2018; Pancheva, Zubizarreta 2019]. **М. Веласкес-Кастильо** присоединяется к этой дискуссии со статьей «Дейксис и перспектива в репортативной эвиденциальности парагвайского гуарани», в которой рассматривается система средств выражения пересказывательности. Прежде всего это клитика второй позиции *-je* и частицы *ndaje*, *jeko*, *ñandeko*, трактуемые автором как взаимозаменяемые варианты. Анализируя их функционирование, автор вступает в полемику с Ю. Тонхаузер: согласно данным [Tonhauser 2014], репортатив может входить в сферу действия иллюкутивных операторов и некоторых матричных предикатов, в то время как для опрошенных М. Веласкес-Кастильо носителей репортатив всегда имеет широкую сферу действия; некоторые примеры из вышеупомянутой работы были ими отвергнуты. Неясно, имеем ли мы дело с ошибкой со стороны Ю. Тонхаузера (как категорично утверждает М. Веласкес-Кастильо) или же здесь кроется тонкое диалектное различие.

Далее автор рассматривает адноминальный показатель *airo*, предлагая трактовать его как репортативный демонстратив: присутствие этого элемента в именной группе указывает на то, что существование референта известно говорящему с чужих слов (с ожидаемой импликацией недостоверности). Это интересный и убедительный анализ; ранее, насколько нам известно, *airo* не рассматривался в контексте проблематики эвиденциальности.

Заключительный раздел посвящен взаимодействию рассматриваемых единиц с частицами *ra'e* и *raka'e*, традиционно описываемых как показатели (давно)прошедшего, но в действительности возникающих только в контекстах непрямого засвидетельствованности и накладывающих ограничения на временную дистанцию между моментом речи, описываемым событием и временем получения информации о нем. Со времени выхода сборника более детальный и формальный анализ этих частиц, не противоречащий, впрочем, наблюдениям М. Веласкес-Кастильо, был предложен в [Pancheva, Zubizarreta 2019].

Оставшиеся четыре публикации обращаются к различным аспектам гуарани-испанского двуязычия. Открывает этот блок статья **Х. Пинты** и **Дж. Л. Смит** «Испанские заимствования и свидетельства стратификации в лексиконе гуарани». Проанализировав 177 заимствованных лексем, авторы приходят к выводу о том, что прослеживаемые в них стратегии адаптации связаны имплицативным отношением: устранение кластера согласных в приступе неизбежно предполагает перенос ударения на последний слог; перенос ударения, в свою очередь, предполагает устранение коды и т. д.; в обратную сторону зависимость не действует. Это позволяет разделить испанские заимствования на пять страт в зависимости от того, какие ограничения на структуру слога и позицию ударения, свойственные исконной лексике парагвайского гуарани, в них нарушаются: от полностью нативизированных единиц до практически неадаптированных. При этом авторы отказываются считать наличие последних аргументом в пользу того, что соответствующие ограничения перестали иметь место в современном языке. Скорее, для разных страт лексики синхронно действуют разные наборы ограничений, на что указывают результаты более ранних

экспериментальных исследований [Pinta 2013; Smith, Pinta 2016]. В заключение авторы отмечают перспективность дальнейшего рассмотрения собранных данных в терминах теории оптимальности, но пока не предлагают нового подробного анализа такого рода.

Значительная часть повседневного речевого общения в современном Парагвае происходит на *jorara* (букв. 'смесь') — своеобразном гуарани-испанском «суржике», по поводу статуса которого идут активные споры (см. [Gómez Rendón 2008; Zajícová 2009a] и цит. лит.). Ранее в [Estigarribia 2015] на материале прямой речи персонажей романа М. Айялы де Микеланьоли «*Ramona Quebranto*» (1989) аргументировался взгляд на *jorara* скорее как на переключение кодов, а не смешанный язык. Новая статья «Вставка и обратное маркирование как стратегии образования смешанных гуарани-испанских слов» — уже третья публикация **Б. Эстигаррибия** в составе сборника — продолжает это исследование, рассматривая случаи внутрисловного переключения кодов в тексте романа с точки зрения типологии П. Мёйсена [Muysken 2000; 2013]. Практически все выявленные токены образованы путем присоединения аффиксов гуарани к испанским основам. При этом переключения тяготеют к разным структурным типам в зависимости от того, какой язык для данного предложения выступает в качестве матричного. В предложениях на гуарани перед нами вставка (*insertion*) испанского элемента (чаще всего глагольной основы); в предложениях на испанском — преимущественно обратное маркирование (*backflagging*)¹. Полученные результаты дополняют наши представления о сложном устройстве гуарани-испанского языкового континуума, однако в будущем крайне желательно проверить их на данных естественной речи (как, напр., в [Zajícová 2009b]), а не художественного текста, пусть даже написанного двуязычной носительницей, несколько месяцев прожившей в трудном районе Асунсьона, где происходит действие книги. Еще один методологический вопрос связан с разграничением переключения кодов и заимствования. Б. Эстигаррибия осознает важность этой проблемы для своего исследования, однако обходит ее, объявляя вообще все гетерогенные сочетания в своем материале переключениями.

Л. Серно в статье «Аспекты диалектной диверсификации гуарани в Парагвае и Корриентесе: контакты между одними и теми же двумя языками в разных контекстах» пытается найти диахронические и контактные объяснения грамматическим различиям между двумя разновидностями гуарани: собственно парагвайским и коррентинским (автору принадлежит описание последнего [Серно 2013]). Жители аргентинской провинции Корриентес оказались отрезаны от основного гуараниязычного ареала после Парагвайской войны 1864–1870 гг. и подверглись более интенсивной испанизации. Основная идея Л. Серно заключается в том, что в истории коррентинского гуарани некоторые формы исходного происхождения, не будучи испанскими заимствованиями или кальками, изменили свой облик и/или семантику из-за отождествления со схожими испанскими единицами. Так, связка (*ha'e* в парагвайском варианте) закрепились в форме *e* благодаря созвучию с испанским *es*, а перфективный показатель *-hue* развился из суффикса именного терминатива *-kue* под влиянием фонетически сходного испанского *fue* (3sg претерита от того же бытийного глагола). В других случаях формальное сходство между единицами двух языков могло способствовать сохранению исходного показателя (утраченного в парагвайском гуарани) или же заимствованию испанского материала и встраиванию его в существующую парадигму. Так или иначе, рассмотренные в статье черты коррентинского гуарани затруднительно объяснить в терминах только контактного влияния или же только внутреннего развития. Не все построения автора надежно аргументированы; более того, в статье содержится ряд не обоснованных ясно утверждений, касающихся незадокументированного гуарани до-контактной эпохи. Тем не менее, гипотезы Л. Серно заслуживают пристального внимания.

¹ Этот термин впервые предложен в [Muysken 2013: 713] и обозначает ситуацию, когда в высказывании на доминантном языке используется дискурсивный маркер эритажного языка — например, для подчеркивания говорящим своей языковой и этнической идентичности. Нам не известны какие-либо варианты перевода его на русский язык.

Завершает книгу статья Э. Стюарта «Јорага и гуарани-испанский языковой континуум в Парагвае: соображения в области лингвистики, образования и литературы», которая носит скорее обзорно-полемический, нежели исследовательский характер. Автор обсуждает положение различных разновидностей гуарани в современном Парагвае, рассматривая их роль в повседневном общении, образовании, литературе, театре и кинематографе. При этом критике подвергаются как государственная политика языкового планирования, направленная на максимальное распространение среди населения координативного билингвизма, но на практике ведущая к иным результатам, так и инициативы представителей культурной элиты (Д. А. Галеано Оливера, Т. Сарратеа), основанные на эссенциалистских представлениях о «чистоте языка» и маргинализирующие реальные речевые практики. В дискуссии об устройстве и функционировании јорага Э. Стюарт отвергает трактовки последнего как интерязыка, социолекта, смешанного языка, видя в нем набор лишь частично конвенциализированных практик языкового смешения. При этом под ярлыком јорага Э. Стюарт понимает любую речевую деятельность, объединяющую элементы гуарани и испанского, включая полностью адаптированные заимствования в первый язык из второго. Столь широкое определение по-своему проблематично, однако стоит согласиться с тем, что между јорага и «собственно гуарани» невозможно провести четкую границу. В одном из разделов предлагается новый вариант схемы гуарани-испанского языкового континуума Х. Гомеса Рендона [Gómez Rendón 2008: 151], расширяющий ее с шести языковых разновидностей до десяти. Спорно включение в схему «классического гуарани», известного по миссионерским грамматикам и ряду текстов XVIII в.: по отношению к современному парагвайскому гуарани это отдельный язык, хотя и близкородственный. Предлагаемая далее модель для анализа текстов на јорага лишь косметически отличается от методики [Zajícová 2009a], опирающейся на работы П. Мейскена и соавторов, однако приводимые иллюстрации удачно дополняют статью Б. Эстигаррибия о переклещении кодов (см. выше).

Сборник в целом хорошо отредактирован и издан. Опечатки и непоследовательности форматирования встречаются, но не критичны. Исключение составляет пример (52) в статье В. Дитриха (с. 174), взятый из [Krivoshein de Canese, Acosta Alcaraz 2007: 152], который приводится не только со спорным морфемным членением, но и с переводом, диаметрально противоположным правильному; ранее в очерке Б. Эстигаррибия тот же пример цитируется корректно (с. 70). В статье Э. Стюарта (с. 392) президент просветительского общества «Ateneo de la lengua y cultura guaraní» Давид Галеано Оливера ошибочно назван Эдуардо.

Можно спорить о том, насколько полно рецензируемый сборник отражает современное состояние гуаранистики. При всем разнообразии тем и подходов под его обложкой не представлены, например, такие актуальные направления, как изучение «классического», или «иезуитского», гуарани, разработка языковых приложений и корпусов, формальная семантика (основные два представителя последнего направления, работающие с материалом тупи-гуарани, Ю. Тонхаузер и Г. Тома, в своих статьях фокусируются на вопросах поверхностного морфосинтаксиса и не углубляются в композиционный анализ). Однако статьи сборника безусловно содержат огромное количество информации по самым различным вопросам грамматики и социолингвистики. С задачей сделать данные парагвайского гуарани ближе для теоретических лингвистов и типологов книга справляется блестяще, и ее появление в американистической серии издательства Brill — настоящая веха для гуаранистики.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 3 — 1, 3 лицо
ACT — активность
CMPR — компаратив
INACT — инактивность

NEG — отрицание
PST — претерит
SG — единственное число

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Герасимов 2019 — Герасимов Д. В. Система показателей актантной деривации в парагвайском гуарани. *Сборник статей к 85-летию В. С. Храковского*. Герасимов Д. В., Дмитренко С. Ю., Заика Н. М. (ред.). М: ЯСК, 2019, 79–97. [Gerasimov D. V. The system of valency alternation markers in Paraguayan Guaraní. *Sbornik statei k 85-letiyu V. S. Khrakovskogo*. Gerasimov D. V., Dmitrenko S. Yu., Zaika N. M. (eds.). Moscow: YaSK, 2019, 79–97.]
- Baker 1985 — Baker M. C. The Mirror Principle and morphosyntactic explanation. *Linguistic Inquiry*, 1985, 16: 373–416.
- Beck et al. 2009 — Beck S., Krasikova S., Fleischer D., Gergel R., Hofstetter S., Savelsberg Ch., Vanderelst J., Villafante E. Cross-linguistic variation in comparative constructions. *Linguistic Variation Yearbook*, 2009, 9: 1–66.
- Cerno 2013 — Cerno L. *El guaraní correntino: Fonología, gramática, textos*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2013.
- Croft 2001 — Croft W. A. *Radical Construction Grammar*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2001.
- Dietrich 2001 — Dietrich W. Categorías lexicais nas línguas tupi-guaraníes (visão comparativa). *Des noms et des verbes en Tupi-Guarani : état de la question*. Queixalós F. (ed.). München: LINCOM, 2001, 21–37.
- Estigarribia 2015 — Estigarribia B. Guaraní-Spanish mixing in Paraguay: Is jopara a third language, a language variety, or true codeswitching? *Journal of Language Contact*, 2015, 8(2): 183–222.
- Estigarribia 2020 — Estigarribia B. *A reference grammar of Paraguayan Guaraní*. (Grammars of World and Minority Languages Series, 1.) London: Univ. College London Press, 2020.
- Gerasimov 2016 — Gerasimov D. V. Predicative possession in Paraguayan Guaraní: Against the zero copula hypothesis. *Typology of morphosyntactic parameters*. No. 3: *Proc. of the international conf. "Typology of morphosyntactic parameters 2016"*. Konoshenko M. B., Lyutikova E. A., Zimmerling A. V. (eds.). Moscow: Moscow State Pedagogical Univ., 2016, 96–117.
- Gómez Rendón 2008 — Gómez Rendón J. A. *Typological and social constraints on language contact: Amerindian languages in contact with Spanish*. (LOT Dissertation Series, 188.) Utrecht: LOT, 2008.
- Gregores, Suárez 1967 — Gregores E., Suárez J. A. *A description of colloquial Guaraní*. The Hague: Mouton & Co., 1967.
- Krivoshein de Canese 1983 — Krivoshein de Canese N. *Gramática de la lengua guaraní*. Asunción: Colección Ñemity, 1983.
- Krivoshein de Canese, Acosta Alcaraz 2007 — Krivoshein de Canese N., Acosta Alcaraz F. *Gramática guaraní*. Asunción: Instituto Superior de Lenguas, Universidad Nacional de Asunción, 2007.
- Muysken 2000 — Muysken P. *Bilingual speech: A typology of code-mixing*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000.
- Muysken 2013 — Muysken P. Language contact outcomes as the result of bilingual optimization strategies. *Bilingualism: Language and Cognition*, 2013, 16(4): 709–730.
- Nordhoff 2004 — Nordhoff S. *Nomen/Verb-Distinktion im Guaraní*. (Universität zu Köln Arbeitspapier, 48.) Köln: Universität zu Köln, 2004.
- Pancheva, Zubizarreta 2019 — Pancheva R., Zubizarreta M. L. On the role of person features in the evidential-temporal connection. *Canadian Journal of Linguistics*, 2019, 64(4): 673–708.
- Paz 2018 — Paz S. M. Evidencia directa e indirecta-inferencial en el Guaraní Criollo. Aportes de la variedad oral del Guaraní en Formosa (Argentina). *Estudios Paraguayos*, 2018, 36(1): 101–119.
- Pinta 2013 — Pinta J. *Lexical strata in loanword phonology: Spanish loans in Guaraní*. MA thesis. Univ. of North Carolina at Chapel Hill, 2013.
- Rose 2015 — Rose F. When “You” and “I” mess around with the hierarchy: A comparative study of Tupi-Guaraní hierarchical indexing systems. *Boletim do Museu Paraense Emilio Goeldi. Ciências Humanas*, 2015, 10(2): 347–369.
- Salanova, Carol 2017 — Salanova A. P., Carol J. The Guaraní mirative evidential and the decomposition of mirativity. *Proc. of the 47th Annual Meeting of the North Eastern Linguistic Society*, vol. 3, 2017: 63–76.
- Smith, Pinta 2016 — Smith J. L., Pinta J. *Aggressive core-periphery phonology in Guaraní: Implications for stratal faithfulness*. Ms. in prep., Univ. of North Carolina at Chapel Hill; Ohio State Univ., 2016.
- Stassen 1985 — Stassen L. *Comparison and Universal Grammar*. Oxford: Basil Blackwell, 1985.
- Stassen 2009 — Stassen L. *Predicative possession*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2009.

- Susnik 1965 — Susnik B. *El indio colonial del Paraguay*. Asunción: Museo etnográfico “Andrés Barbero”, 1965.
- Thomas 2010 — Thomas G. Comparison across domains in Mbyá. *Proc. of WSCLA 13 & 14: Workshop on the Structure and Constituency in the Languages of the Americas*. (UBC Working Papers in Linguistics, 26.) Bliss H., Girard R. (eds.). Vancouver: Univ. of British Columbia, 2010, 197–207.
- Tonhauser 2014 — Tonhauser J. Reportative evidentiality in Paraguayan Guaraní. *Proc. of Semantics of Under-represented Languages of the Americas (SULA) 7*. Greene H. (ed.). Amherst (MA): GLSA, 2014, 189–204.
- Zajícová 2009a — Zajícová L. *El bilingüismo paraguayo: Usos y actitudes hacia el guaraní y el castellano*. Madrid: Iberoamericana, 2009.
- Zajícová 2009b — Zajícová L. Variación estilística en el contacto lingüístico: el caso del guaraní y el español en Paraguay. *Études romanes de Brno*, 2009: 203–211.
- Zarratea 2002 — Zarratea T. *Gramática de la lengua guaraní*. Asunción: Marben, 2002.

Получено / received 11.05.2020

Принято / accepted 16.06.2020

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ ПИ № ФС77-77284 от 10.12.2019 г.)

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»,
тел.: +7 495 637-25-16, e-mail: vorprosy@mail.ru

Подписано к печати 18.01.2021 Формат 70×100¹/₁₆ Уч.-изд. л. 15,5
Тираж 20 экз. распространяется бесплатно. Зак. 4/16 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Издатель: Российская академия наук

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-069-20 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 13–14

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

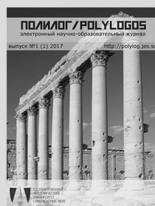
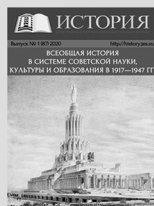
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% – кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки и образования

Бюджетные места

Насыщенная студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История •

• Философия •

• Политология •

• Социология •

• Международные отношения •

• Зарубежное регионоведение •

• Востоковедение и африканистика •

• Психология •

• Культурология •

• Археология •

• Менеджмент •

• Юриспруденция •

• Экономика •

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/_

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

vk.com/gaugn

Лицензия 90Л01 № 0009385 регистр. № 2323 от 9 августа 2016 г.
Свидетельство о государственной аккредитации № 3207 от 24 июля 2019 г.